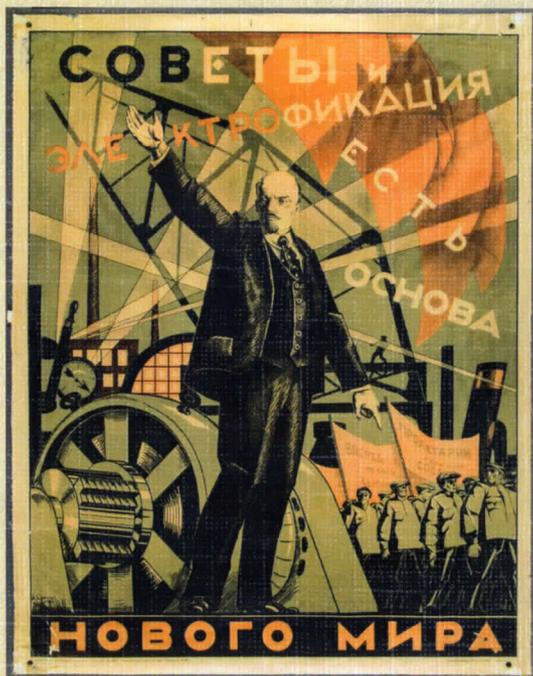

Российская национальная библиотека
Дом Плеханова

Фонд Розы Люксембург
СЕКТОР ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

XIV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«...мы вынуждены признать коренную перемену
всей точки зрения нашей на социализм»:**

Советская Россия в 1921-1927 гг.»

Материалы к международной конференции

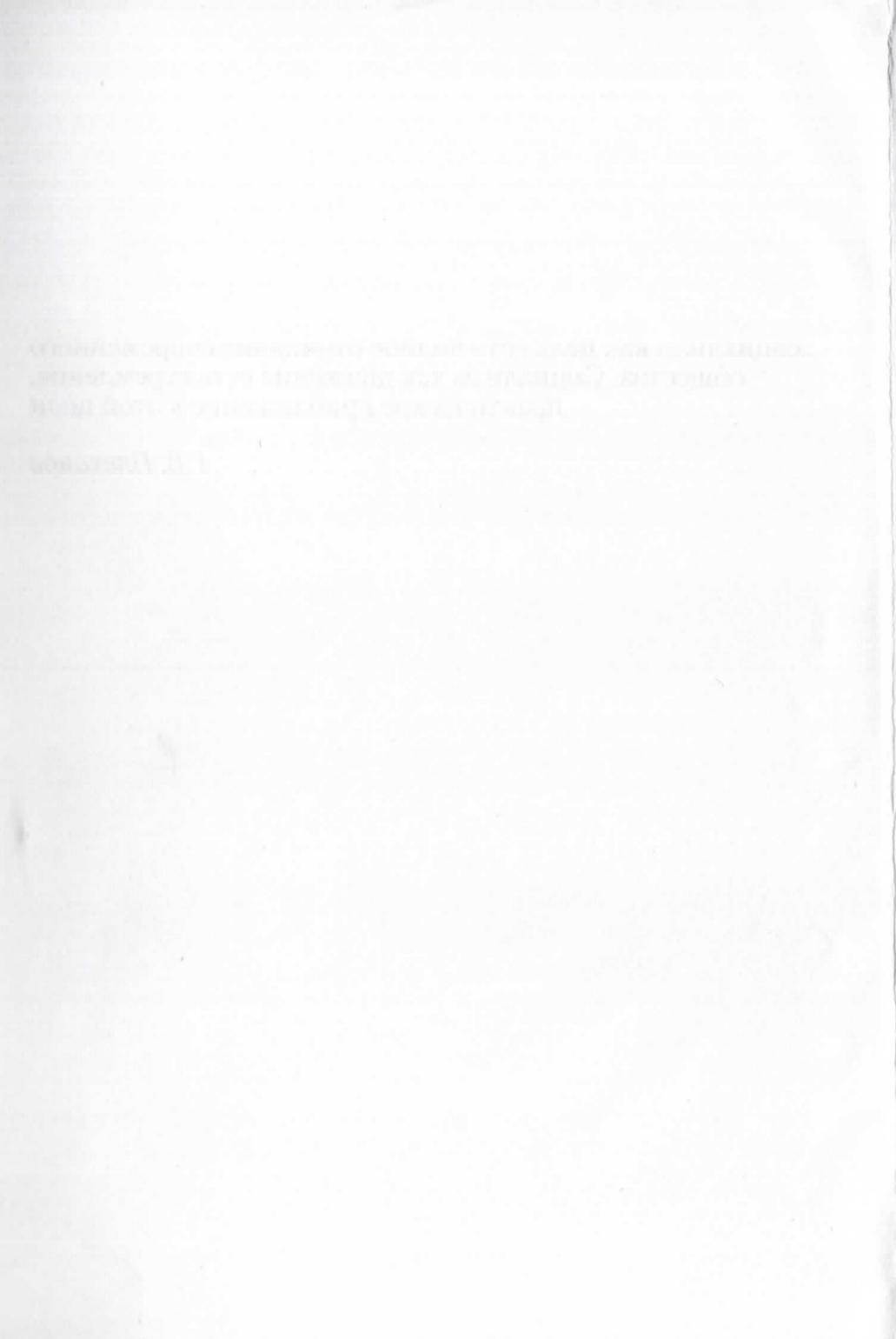
6 – 7 ноября 2020 г.

Санкт-Петербург
2020

...социализм как цель есть полное отрицание современного общества. Социализм как движение есть стремление, практическое приближение к этой цели

Г.В. Плеханов

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА
ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
СЕКТОР ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

XIV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«...мы вынуждены признать коренную перемену
всей точки зрения нашей на социализм»:
Советская Россия в 1921–1927 гг.».

Материалы к международной конференции

6–7 ноября 2020 г.

Санкт-Петербург
2020

УДК 94

ББК 60.56 + 63.3(0)

В 27

Научный редактор – Т.И. Филимонова, канд. ист. наук
Научный рецензент – М.Б. Конашев, докт. филос. наук
Составители – Т.И. Филимонова, канд. ист. наук
В.Н. Шевченко, докт. филос. наук

«...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг.». XIV Плехановские чтения. Материалы к международной конференции. 6–7 ноября 2020 г. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. СПб.: Издательство «КультИнформПресс», 2020. 196 с.

В книге представлены статьи, основу которых составили доклады специалистов в области социально-философских проблем общественного и революционного движения, истории политической мысли, истории марксизма, представителей действующих левых политических партий и общественных движений России, Восточной и Западной Европы, Латинской Америки, прочитанные на международной конференции **«...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг.»** (6–7 ноября 2020 г., Дом Плеханова РНБ, XIV Плехановские чтения). В работах анализируются общетеоретические проблемы социализма и марксизма, теоретических поисков РКП(б) для решения практических задач социалистического преобразования государства и социокультурных процессов в стране в период нэпа; оценивается актуальность предлагавшихся партией большевиков стратегий и тактик в качестве необходимых условий для консолидации политических сил и гражданского общества и государств ради выхода из современного кризиса и трансформации общественного развития в интересах трудящегося большинства.

Данное издание осуществлено при содействии
Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ)
в Российской Федерации и распространяется бесплатно.
Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда

ISBN 978-5-8392-0849-0

© Российская национальная библиотека, 2020
© Филиал Фонда Розы Люксембург, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Филимонова Т.И. XIV Плехановские чтения 7

СЕССИЯ I. О коренной перемене точки зрения Ленина на социализм: в чем она состояла

Бузгалин А.В. Менял ли Ленин свою точку зрения на социализм?..... 13

Шевченко В.Н. Ленин как великий реформатор 17

Хеделер В. Ссылки Бухарина на труды Плеханова в работах о НЭПе 25

Калашников В.В. «Коренная перемена» взгляда на социализм: в чем она? ...32

Архангельский В.А. О коренной перемене априорных представлений о социализме..... 39

Эпштейн Д.Б. Новая экономическая политика: временное отступление или смена стратегического видения 46

Исайчиков В.Ф. О коренных переменах точки зрения на социализм у Ленина 55

Алонци Р. НЭП и новая дипломатическая политика СССР: установление дипломатических отношений с Италией в 1924 г. 62

Любин В.П. Торгово-экономическое сотрудничество СССР и Италии в 1920-е годы 67

СЕССИЯ II. Социальные и культурные процессы в стране в период НЭПа

Абрамчук В.М., Крылов В.М. Образование СССР – формирование советского народа как новой общности людей 74

Солдатенко В.Ф. Х.Г. Раковский VS. И.В. Сталин: возвращаясь к дискуссии о путях и принципах образования СССР 82

Ерошкина О.Н. Идейные истоки и социально-политическая позиция российской дореволюционной интеллигенции в период НЭПа..... 90

Лагурев А.С. Ленин во ВХУТЕМАС: Революция и авангард в контексте идей молодого Мих. Лифшица 97

Кнорринг В.В. Советская власть как фактор развития еврейской культуры в СССР в 1921–1927 гг.: дискуссионные аспекты проблемы 104

Лапина И.А. Национальные педтехникумы как основное звено подготовки учителей для национальных школ в РСФСР в 1917–1930-е годы 111

Арсланов В.Г. Хроника и смысл русской революции в дневниках А.Н. Бенуа (1917–1924 гг.) 121

СЕССИЯ III. Общетеоретические проблемы социализма и марксизма

Quintern Detlev. From Marx to Baku – The Movement of Socialism towards Eastern Horizons.....	129
Конашев М.Б. Периферийный капитализм – периферийный социализм? .	132
Дуранкев Б. Чего не хватало реальному социализму, чтобы стать лучшей социально-экономической системой?	139
Курносов В.В. Начало советской системы планирования народного хозяйства.....	144
Куреньшев А.А. Судебный процесс над ЦК ПСР 1922 г. как форма борьбы за выбор путей развития России в XX веке.....	152
Гафуров С.З. Диалектика ленинского лозунга поражения своего правительства и антиимпериалистической борьбы в условиях современной капиталистической глобализации (на прим. Сирии, Украины, Венесуэлы, Ирана, КНДР...).....	159
Пашков В.П. Производительные силы в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и В.И. Ленина.....	162
Танушев Християн. Собственность и экономические решения.....	172
Апанасенко Т.Е. Марксистский метод в действии: диагностируем фазис экономической мысли.....	181
Митина Д.А. Возвращаемся к дискуссиям столетней давности: преодоление коммунистической многопартийности или тактика единого фронта?.....	187
Список авторов.....	194

XIV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*«...экономическая структура общества
определяет собою его политический строй и
нравственный облик человека»*

Г.В. Плеханов

6–7 ноября 2020 г. в Доме Плеханова пройдут XIV Плехановские чтения на тему «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг.», не состоявшиеся из-за пандемии в традиционное время и дни, 30 мая – 1 июня.

Эта международная конференция, подготовленная совместными усилиями Российской национальной библиотеки, Московским филиалом Фонда Розы Люксембург и Сектора философских проблем политики Института философии РАН, открывает серию научных встреч, объединенных тезисом Г.В. Плеханова **«социализм как цель есть полное отрицание современного общества. Социализм как движение есть стремление, практическое приближение к этой цели»**. Цикл включает три научно-практические конференции, на которых на основе конкретно-исторического анализа и учетом действительного историко-культурного ландшафта времени будут рассмотрены три периода развития Советского общества (1921–1991) и формировавшейся с 1945 г. системы стран социалистического содружества:

1. «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг.». 30 мая – 1 июня 2020 г.

2. «Советский союз в геополитических условиях 1927–1940 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического строительства государства». 30 мая – 1 июня 2022 г.

3. Страны социалистического содружества в 1945–1991 гг.: «...Коммуна будет разбита» или «борьба...будет отсрочена»? 30 мая – 1 июня 2024 г.

Первый этап истории СССР с 1921 по 1927 г., заложивший основы альтернативной капитализму модели общественного устройства, был пери-

одом поиска новых путей развития государства и происходил в условиях сложной для страны внутренней и внешнеполитической ситуации, усугублявшейся внутривнутрипартийными дискуссиями о путях и методах реализации поставленных задач, некоторые из которых приходилось уточнять в соответствии с менявшимися условиями.

Исход гражданской войны 1918–1921 гг.¹ подтвердил правильность заявленных Российской коммунистической партией большевиков *целей* социалистического преобразования общества, но одновременно продемонстрировал *невозможность* директивного введения соответствующих *целям форм и методов* государственного строительства, практиковавшихся партией в этот период.

Выступая на VII Московской губпартконференции 29–31 октября 1921 г., В.И. Ленин отметил: « Если вы припомните те заявления, официальные и неофициальные, которые делала наша партия с конца 1917 г. и до начала 1918 г., то увидите, что у нас было и тогда представление о том, что развитие революции, развитие борьбы может пойти как путем сравнительно кратким, так и очень долгим и тяжелым. Но при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, – из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства², и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было.

Это был как раз тот период, когда уже была решена такая существенная, и в политическом отношении по необходимости являющаяся предварительной, задача, как задача взятия власти, создания советской системы государства на место прежней буржуазно-парламентарной, и затем задача выхода из империалистической войны, причем этот выход, как известно, был сопряжен с особо тяжелыми жертвами, с заключением невероятно унижительного, ставившего почти невозможные условия, Брестского мира.

После заключения этого мира период с марта по лето 1918 г. был периодом, когда военные задачи казались решенными. Впоследствии события показали, что это было не так, что в марте 1918 г., после решения задачи империалистической войны, мы только подходили к началу гражданской войны, которая с лета 1918 г. в связи с чехословацким восстанием стала надвигаться все больше и больше. Тогда, в марте или апреле 1918 г., говоря о наших задачах, мы уже противопоставляли методам постепенного перехода такие приемы действия, как способ борьбы, пре-

имущественно направленный на экспроприацию экспроприаторов, на то, что характеризовало собою главным образом первые месяцы революции, т. е. конец 1917 и начало 1918 года. И тогда уже приходилось говорить, что наша работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов. Это значило, что мы на-экспроприировали много больше, чем сумели учесть, контролировать, управлять и т. д., и, таким образом, ставилась передвижка от задачи экспроприации, разрушения власти эксплуататоров и экспроприаторов, к задаче организации учета и контроля, к прозаическим, так сказать, хозяйственным задачам непосредственного строительства. И тогда уже по целому ряду пунктов нам нужно было идти назад. Например, в марте и апреле 1918 г. стал такой вопрос, как вознаграждение специалистов по ставкам, соответствующим не социалистическим, а буржуазным отношениям, т. е. ставкам, не стоящим в соотношении к трудности или к особо тяжелым условиям труда, а стоящим в соотношении к буржуазным привычкам и к условиям буржуазного общества. Подобного рода исключительно высокое, по-буржуазному высокое, вознаграждение специалистов не входило первоначально в план Советской власти и не соответствовало даже целому ряду декретов конца 1917 года. Но в начале 1918 г. были прямые указания нашей партии на то, что в этом отношении мы должны сделать шаг назад и признать известный «компромисс» (я употребляю то слово, которое тогда употреблялось). Решением ВЦИК от 29 апреля 1918 г. было признано необходимым эту перемену в общей системе оплаты произвести³.

Вслед за этими шагами были предприняты другие, характеризуя которые В.И. Ленин подытоживает: «К весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения»⁴.

Приведенный выше анализ Ленин предваряет положением о том, без ясного представления об ошибочности предыдущей деятельности, нельзя представлять Новую экономическую политику, которую он сам определяет как «революционную стратегию» партии⁵. В ряде работ, связанных с дальнейшим развитием НЭПа, Владимир Ильич называет ее «отступлением», отчетливо понимая, что в действительности эта стратегия стала не только способом преодоления ранее допущенных просчетов и заблуждений, но одновременно представляет собою новый и единственно возможный в условиях России инструмент преобразования социально-экономической и культурной жизни страны.

Этим проблемам и посвящены включенные в сборник материалы, структурированные в три раздела: **I. О коренной перемене точки зрения Ленина на социализм: в чем она состояла.**

Так, анализ теоретических поисков РКП(б) для решения практических задач социалистического преобразования государства рассматривается в целом ряде докладов.

А.В. Бузгалин полагает, что цитату Ленина о якобы «коренной смене нашей точки зрения на социализм» можно использовать только в очень узком, конкретно-историческом смысле – смысле окончания военных и развития мирных методов созидания нового мира и задается вопросом, был ли вообще переход к НЭПу и, в частности кооперативный план, изменением позиции Ленина по ключевым вопросам продвижения к социализму? И его ответ отрицателен.

По мнению В.Н. Шевченко, несмотря на то, что история Советского Союза дала две трагические неудачи применения нэповской теории на практике, есть блестящий пример использования основных положений нэпа в новых конкретно-исторических условиях последних десятилетий XX века, продемонстрированный Китаем в деле успешного строительства социализма с китайской спецификой.

В.В. Калашников понимает тезис В.И. Ленина о необходимости «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм» как принятие Лениным крестьянского кооперативного уклада и товарно-денежных отношений в качестве составных черт экономики социализма.

В. Хеделер проводит сравнительный анализ представлений Н.И. Бухарина о новой экономической политике социалистического переустройства России и взглядов Г. В Плеханова, представленных в работе «Современные вопросы марксизма».

Анализ новой экономической политики и выдвинутых К. Марксом положений о социализме представлены в материалах В.А. Архангельского Д.Б. Эпштейна и В.Ф. Исайчикова.

Р.Алонци и В.П. Любин рассматривают вопросы становления дипломатической политики СССР и Торгово-экономического сотрудничества новой России и Италии в 1920-е годы .

II. Социальные и культурные процессы в стране в период НЭПа

В этом разделе представлены статьи Абрамчук В.М., Крылов В.М., исследующих проблему формирования советского народа как новой исторической общности людей.

О. Н.Ерошкина дает анализ идейных истоков и социально-политическая позиции российской дореволюционной интеллигенции в период

НЭПа и приходит к выводу о том, что отказ советского руководства от постепенного, поэтапного продвижения к социализму привел к многочисленным срывам и неудачам, ответственность за которые была возложена главным образом на дореволюционных специалистов, обвиненных во вредительстве и подвергнутых репрессиям.

Восприятию революционных событий и Гражданской войны, отраженных в дневниковых записях 1917–1924 гг. А.Н. Бенуа посвятил свое исследование В.Г. Арсланов, отметивший, что записи убедительно доказывают, что закончить мировую войну и организовать послевоенное культурное строительство в России могла только одна партия – большевистская.

Вопросы развития культуры и искусства XX годов стали предметом анализа в материалах А.С. Лагурева и В.В. Кнорринг,

Проблемам формирования этнонациональной политики советского государства, направленной на «выравнивание исторической кривой» в развитии народов СССР в сфере образования посвятила свой доклад И.А. Лапина. Отмечено, что национальная школа выполнила те задачи, которые стояли перед ней: привлекла на сторону советской власти новое поколение, заложила в нём чувство национального достоинства и тягу к знаниям.

III. Общетеоретические проблемы социализма и марксизма

рассматриваются несколькими авторами на примере исторических событий 1920–1930 гг. (Quintern Detlev, Куреньшев А.А, Пашков В.П., Танушев Х.), истории социалистического периода развития СССР и СЭВ (Дуранкев Б., Курносков В.В., Конашев М.Б.), актуальность использования методов анализа и борьбы, предложенных большевиками и В.И. Лениным представлены в докладах Д.А. Митиной и С.З. Гафурова. В статье Т.Е. Апанасенко «Марксистский метод в действии: диагностируем фазис экономической мысли» доказывается несостоятельность обвинения марксистской теории по пунктам недопустимости привнесения биологических и социологических процессов в экономические для объяснения чего-либо в рамках экономической теории.

Т.И. Филимонова

---

¹ Так исследователь Голдин пишет: «Гражданскую войну в России правомерно характеризовать как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств, обстоятельный анализ которых и позволяет понять исход борьбы на линиях и за линиями фронтов, и итоги

войны. Важной характеристикой Гражданской войны в России является ее глобальный и тотальный характер. Она охватила все пространство страны, включая самые удаленные ее уголки, разделила классы, слои, группы населения (линия раскола происходила как между ними, так и внутри них), развела, образно говоря, по разные стороны баррикад друзей, соседей, членов семей. Это и составляло в совокупности общую, крайне противоречивую и драматическую картину Гражданской войны в России. Противоборство в ней велось на военном, политическом, дипломатическом, социальном и культурном фронтах, но главным из них была все-таки вооруженная борьба, ибо от ее исхода в решающей степени зависел исход Гражданской войны // Голдин В.И. Эпоха революционных потрясений и Гражданской войны в России: размышления спустя столетие // Эпоха революции и гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб. 2019. С. 24.

² Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 36. С. 78–82, 165–208, 283–314. Ред.

³ Ленин В.И. Там же. С. 197–199.

⁴ Там же. 204

⁵ Там же. 194.

СЕССИЯ I.

О КОРЕННОЙ ПЕРЕМЕНЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЕНИНА НА СОЦИАЛИЗМ: В ЧЕМ ОНА СОСТОЯЛА

А.В. Бузгалин

МЕНЯЛ ЛИ ЛЕНИН СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ НА СОЦИАЛИЗМ?

Дискуссия о взглядах В.И. Ульянова-Ленина на социализм имеет давнюю историю. Те, кто мало знаком с ленинским наследием, выхватывают те или иные цитаты из его выступлений или статей (для либеральных критиков левых идей особенно популярны ссылки на фразу о социализме как монополии, которая работает на цели народа, или о «единой фабрике»). Те, кто серьезно изучает наследие этого великого мыслителя и революционера (а их сегодня остается катастрофически мало), знают, что теория социализма и коммунизма для Ленина была тем, над чем он работал всю жизнь, но о чем он так и не написал развернутого обоснованного текста, оставив, тем не менее огромное интеллектуальное наследие. Оно, во-первых, продолжает и развивает все то, что сделали его предшественники, включая не только Маркса и Энгельса, но также их предшественников и тех, кого Ленин считал своими непосредственными учителями и кого при этом не стеснялся открыто и жестко критиковать, и это, в первую очередь, – Георгий Валентинович Плеханов. Во-вторых, ленинское наследие в области социализма – это постоянные очные и заочные диалоги и дискуссии со своими товарищами, значение работ которых трудно переоценить. Это и Бухарин, и Роза Люксембург, и Лев Троцкий, и многие-многие другие, включая Карла Каутского и других социал-реформистов, которых Ленин нещадно критиковал, но при этом тщательно изучал. В-третьих, и это главное, ленинская теория социализма изложена не только на бумаге: она «написана» языком практик реформ, революций, социалистического созидания. И эта теория, безусловно, постоянно развивалась, росла, обогащалась и корректировалась.

Но были ли в ней принципиальные изменения?

Один из наиболее ярких аспектов этой проблемы связан формально с фразой Ленина о том, что мы должны принципиально изменить точку зрения на социализм (эту цитату, не вырванную из контекста, я приведу ниже), из его статьи «О кооперации», но содержательно у большинства марксистов второй половины XX века и начала века нынешнего речь идет о чем-то существенно ином, нежели переход от военной борьбы к мирному созиданию. Они видят в этой фразе одно из оснований для развертывания на базе якобы ленинского наследия теории, как минимум, рыночного социализма, как максимум – отождествления социализма с НЭПом (а то и

конвергентной моделью, соединяющей «все хорошее» из капитализма и социализма). О чем же идет речь у Ленина?

Я намеренно привожу ниже большой фрагмент из этой статьи.

«Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тоже-ственен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. *Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество*, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству. Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это – *задача переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи*; переделать тут серьезно мы ничего за пять лет борьбы не успели и не могли успеть. Вторая наша задача состоит в *культурной работе для крестьянства*. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без *целой культурной революции* (курсив мой. – А.Б.)»¹.

Итак, суть ленинской «коренной перемены точки зрения на социализм» состоит в том, чтобы (1) перейти от военных методов к мирным, (2) качественно изменить аппарат, (3) провести кооперирование (прежде всего – крестьянства») и (4) осуществить культурную революцию (последнее – тезис, который Ленин подчеркивает многократно и в других работах).

Теперь давайте разбираться. Если оставить в стороне публицистику, то окажется, что Ленин ставит те же задачи, которые выдвигались партией еще в ее программе, были развиты сразу после победы Октябрьской революции (в том числе и прежде всего в работе Ленина «Очередные задачи Советской власти»²) и решение которых было вынужденно отложено из-за Гражданской войны и интервенции. На тот момент – да, это была коренная смена курса: от военных насильственных действий, без которых победить мировой империализм (буквально – против молодой страны Советов выступили едва ли не все ведущие империалистические державы мира!) было невозможно, к мирному созиданию, в процессе которого надо было решать

задачи коренного изменения государственного аппарата, культурной революции и (примем во внимание, что уже всюду разворачивается новая экономическая политика, о которой Ленин писал ранее) хозяйственного строительства, предполагающего использование рынка, частного и государственного капитализма и др.

Все эти задачи не были чем-то новым для коммунистов.

Слом буржуазной государственной машины и замена ее качественно новым отмирающим государством – эта задача была поставлена еще Марксом и развита Лениным еще до Революции, прежде всего – в работе «Государство и революция»³.

Задача культурной революции, развития культуры, прогресса Человека как главного, ради чего, собственно, и делалась революция и что и является высшей целью будущего общества – эта задача не только была теоретически осознана, но и на практике реализовывалась даже во время Гражданской войны (подчеркну: всестороннее развитие личности как высшая цель социализма – этот тезис был сформулирован Лениным еще в 1902 году в «Замечаниях на второй проект программы Плеханова»⁴).

Что же новое несет нам статья, из которой взята и стала столь популярной цитата?

Многое.

Во-первых, она вновь заостряет самое главное в социалистическом строительстве – созидание новых общественных отношений, новой культуры, нового человека. То, что было отгеснено в сознании многих на второй план войной и борьбой с контрреволюцией.

Во-вторых, она акцентирует задачу кооперирования, о чем писали и говорили не только Ленин и его сподвижники еще до Революции, но что не было превращено в одну из важнейших практических (и стратегических, и тактических) задач до этого текста Ленина.

Можно ли на основании последнего говорить, что для Ленина социализм тождественен «строю цивилизованных кооператоров», и что он стал за год до смерти сторонником «кооперативного социализма»?

Нет. Нет, хотя он сам пишет, что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». Почему «нет»? Да потому, что это поголовное кооперирование крестьянства стало бы дополнением к тому, что уже завоевано и о чем десятки и сотни раз писал ранее и что – самое главное – на практике уже начало реализовываться: обобществление производства на деле, общенациональные программы технологического прорыва (план ГОЭЛРО), власть трудящихся (с бюрократическими извращениями, противоречиями, но все же Советская власть, о радикальном изменении аппарата которой Ленин, как мы заметили выше, пишет и в этой статье) и др.

Так что цитату Ленина о якобы «коренной смене нашей точки зрения на социализм» можно использовать только в очень узком, конкретно-историческом смысле – смысле окончания военных и развития мирных методов созидания нового мира.

Гораздо важнее другой вопрос: был ли вообще переход к НЭПу и, в частности, кооперативный план изменением позиции Ленина по ключевым вопросам продвижения к социализму?

Опять же нет.

У меня нет возможности в коротких тезисах проводить текстологическое исследование, но те, кто изучал Ленина так, как изучали мы, знает следующее.

Во-первых, принципиальные положения, касающиеся того, что социализм есть планомерно организованное реально обобщественное производство, нацеленное на свободное и всестороннее развитие человека, что власть в рамках этой общественной системы принадлежит трудящимся, использующим как свое орудие отмирающее государство, что социализм – это всего лишь первая фаза на пути к коммунизму – все эти фундаментальные программные положения Лениным пересмотру не подвергались.

Во-вторых, что НЭП им рассматривался как экономическая политика, адекватная для переходного периода, причем в отсталой, преимущественно крестьянской стране. Но не как универсальная и оптимальная экономическая модель социализма!

В-третьих, что после победы Октября ни Лениным, ни партией не ставилась задача немедленной национализации всей экономики и перехода к всеобщему планированию и натуральному продуктообмену. И в «Очередных задачах советской власти», и в других работах зимы 1917-1918 годов Ленин писал о необходимости национализации банков и крупной промышленности всенародного учета и контроля. Эти задачи не подвергались сомнению и после Гражданской войны. Натуральный продуктообмен и перегибы с национализацией были следствием военных действий и применялись практически всеми воюющими странами (напомню, что продразверстку начал «царь-батюшка» и продолжало Временное правительство).

Вывод. Безусловно, взгляды Ленина на социализм постоянно развивались, обогащались, корректировались. Но в основе своей они именно развивались и обогащались (в том числе – взгляды о том, что «цивилизованные», культурные кооператоры есть важнейшее слагаемое социализма).

НЭП Лениным рассматривался как переходный период, как то, что делается «всерьез и надолго», на неимоверно долгий (по меркам того, скачущего красногвардейским галопом, революционного времени) период – на целых десять, а может быть даже двадцать лет («чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения – вот для этого тре-

буется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия»⁵).

Но НЭП, использование рынка, частного капитала и т. п. не рассматривались Лениным как оптимальная модель социализма. Так что теоретикам рыночного социализма и уж тем более конвергенции не след искать в Ленине своего провозвестника.

И последнее. Сказанное отнюдь не означает того, что для начала движения к социализму нам сегодня, в XXI веке, надо отказаться от творческого использования идей НЭПа и, в частности, кооперации. Отнюдь. Нам только нельзя делать трех ошибок.

Нельзя, первое, считать систему со значительными подпространствами капитализма конечной целью нашего социального творчества.

Нельзя, второе, консервировать эту переходную систему. Переходный период – это пространство-время, в которых решается вопрос «кто – кого». Мы – их. Или они – нас. Мы – созидатели коммунизма, нового общества, в котором снимаются рынок, капитал, государство, все остальные формы социального отчуждения. Или они – охранители конкуренции, частной собственности, государственно-бюрократической власти, церкви и т. п.

Нельзя, третье, пытаться победить в этой борьбе исключительно методами «кавалерийской атаки». Да, в решающий момент она необходима. Но главное и самое трудное – это вовлечь в мирное социальное и культурное творчество миллионы и миллионы «рядовых» трудящихся. И здесь будет востребовано то самое «культурничество», *культурная* революция, о чем с таким напором пишет Ленин в своих последних работах.

---

¹ Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45. М. 1970. С. 376.

² Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Там же. Т. 36. С. 165–208.

³ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Там же. Т. 33. С. 1–120.

⁴ Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Там же. Т. 6. С. 232.

⁵ Ленин В.И. О кооперации // Там же. Т. 45. М. С. 372.

В.Н. Шевченко

ЛЕНИН КАК ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР

Основное внимание автор уделяет анализу сложного процесса трансформации политических установок Ленина после Октября 1917 года – от полной уверенности в 1919 году в том, что «только несколько месяцев отделяют нас от победы над капиталистами во всем мире» до идеи (1921) «о возможности для России строить социализм «в одиночку» даже при существовании капиталистического окружения». В новой послереволюционной ситуации необходимо было научиться понимать, в каких условиях следует действовать с революционных позиций, а в каких –

с реформистских. В статье подчеркивается, что идея гражданского мира стала для Ленина ключевой во всей политике нэпа. Рассмотрены дискуссионные вопросы о причинах отказа от политики нэпа в конце 20-годов прошлого века. В заключении в статье отмечается как теоретическая, так и практически-политическая актуальность идей нэпа, которая подтверждается всей практикой строительства социализма с китайской спецификой.

Ключевые слова: социализм, революция, реформа, гражданский мир крестьянство, буржуазия, нэп, кооперация, социализм с китайской спецификой

LENIN AS A GREAT REFORMER

The author focuses on the analysis of the complex process of transforming Lenin's political setting after October 1917 – from a full confidence in 1919 that “only a few months separate us from the victory over capitalists around the world” to the idea (1921) “about the possibility for Russia to build socialism “alone” even with the existence of a capitalist environment. In the new post-revolutionary situation, it is necessary to learn to understand under what conditions it is necessary to act from revolutionary positions, and in which – from reformist ones. The idea of a civil peace has become for Lenin a key one in the entire policy of NEP is argued in the paper. The author also considers controversial issues regarding the reasons for rejecting the policy of NEP in the late 20s of the last century. The conclusion emphasizes both theoretical and practical-political relevance of the ideas of NEP, which is confirmed by the whole practice of building socialism with Chinese characteristics.

Keywords: socialism, revolution, reform, civil world, peasantry, bourgeoisie, NEP, cooperation, socialism with Chinese characteristics

Образ Ленина как реформатора, о чем и пойдет речь в настоящей статье, остается все еще, столетие спустя, даже более сложным и противоречивым, нежели образ Ленина как профессионального революционера. По-прежнему не утихают дискуссии и споры об исторической судьбе нэпа, всего теоретического наследия и политических практик послеоктябрьского Ленина. Этот путь от нэповской России к России социалистической, который наметил Ленин, вводя политику нэпа, являлся ли он реалистичным в тех конкретно-исторических условиях или обстоятельства оказались сильнее намерений? Правильное понимание нэпа сегодня весьма актуально для всех не-западных стран, стремящихся к социальному освобождению, к социализму. И сегодня в марксистской литературе по этому самому важному, ключевому вопросу социалистического движения нет единства во взглядах

Молодое советское государство с 1918 по 1921 год, когда идет гражданская война, целиком во власти военного коммунизма. Основные принципы военного коммунизма – социализация средств и орудий производства, уничтожение частно-торгового производства, сведение к нулю денежной системы, замена торговли государственным распределением продуктов, централизованное планирование, охватывающее все без исключения обла-

сти хозяйственной деятельности, при котором происходит полное уничтожение любых организационных форм промышленного и торгового частного капитала.

Военный коммунизм имел определенное оправдание в глазах крестьянства, но после окончания войны против политики военного коммунизма начались массовые выступления крестьян, крупные восстания. Росло недовольство рабочих в городах. Теоретический тупик привел к растерянности в рядах партии – что же дальше делать и не напрасна ли была Октябрьская революция.

В такой тревожной ситуации происходит пересмотр Лениным основной методологической установки. «Для настоящего революционера самой большой опасностью, – может быть, даже единственной опасностью, – является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибли (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, – но погибли наверняка в том случае, – если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»¹.

От идеи о невозможности построить социализм в одной России без торжества мировой социалистической революции Ленин приходит к идее о возможности для России строить социализм «в одиночку» даже при существовании капиталистического окружения, хотя об окончательной победе социализма в одной стране нельзя утверждать при сохранении враждебного капиталистического окружения.

В последний период жизни Ленина его отношение к мировой революции с наибольшей ясностью и определенностью было выражено в речи на IX Всероссийском съезде советов (декабрь 1921 г.): «Первой заповедью нашей политики <...> это быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы *всегда на волоске*. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. <...> А дорога наша – верная, ибо это – дорога, к которой рано

или поздно неминуемо придут и остальные страны. По этой верной дороге мы начали идти. Надо только детально взвешивать каждый малейший шаг, учитывать все свои малейшие ошибки, и тогда мы добьемся своего на этом пути»². Эта мысль Ленина, как и многие другие, высказанные на Съезде, уже содержала в себе идею построения социализма в одной стране. Но в то время идеи Ленина опережали господствующие настроения в партии. Идеи Ленина были в полной мере осознаны партией позднее – в 1924 году, уже после его кончины.

Ленинская идея нэпа выводит страну и партию из тупика, хотя Ленин высоко оценивал при всех его тяжелых последствиях опыт военного коммунизма³. Нэп вводил товарное обращение, денежную систему, куплю и продажу, снова призвал к жизни огромный частный сектор в виде крестьянского хозяйства и частных промышленных и торговых предприятий. Нэп означал определенное отступление как обратное движение из тупика до поворота на новую дорогу, но он не означал восстановления капиталистического строя, хотя на восстановление капиталистического сектора постоянно указывал сам Ленин. По убеждению Бухарина, «нэп вовсе не есть сплошное отступление и что развитие нэпа, развитие рабочего класса и деревни вовсе не есть попятный ход красного пролетарского рака. Мы можем сказать наоборот, что и мы наступаем на рельсах новой экономической политики»⁴.

Допуская, что капиталистические державы дадут России «передышку», Ленин ставит вопрос, сможет ли страна строить и достроить социализм? В статье «О кооперации» Ленин перечисляет основные, самые важные условия, которые существуют в наличии:

Первое условие: государственная власть в России находится в руках рабочего класса, ни с кем власть не разделяющего. Второе условие: земля и подавляющая часть важнейших средств производства социализирована, принадлежит рабочему государству, а это значит, что государственные предприятия являются предприятиями «последовательно-социалистического типа». Третье условие: в России оказался осуществленным союз пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян и в этом союзе пролетариату «обеспечена» роль руководителя крестьян. Четвертое условие: – строительство кооперации.

В своем последнем публичном выступлении в ноябре 1922 года на заседании Пленума Моссовета Ленин с полной уверенностью говорит об окончательной победе нэпа: «Мы перешли к самой сердцевине будничных вопросов, и в этом состоит громадное завоевание. Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. <...> Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот

что составляет задачу нашей эпохи. <...> все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая». «Поэтому нэп продолжает быть главным, очередным, всеисчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня»⁵.

Ситуация, сложившаяся в 1920-е годы в партии и стране, может быть охарактеризована в виде двух альтернатив.

Оппозиция в лице левых коммунистов, сегодня их называют левыми глобалистами, по-прежнему стояла на позициях мировой социалистической революции. Троцкий был главным среди них. В 1923 г. в апреле на XII съезде партии, Троцкий в своем докладе о положении в промышленности говорил о громадной опасности, созданной тем, что «*мы рыночного дьявола вызвали на свет*»⁶. Боязнь этого дьявола, другими словами, нэпа, проявилась у Троцкого в следующих словах: «Первый итог нэпа таков: оживление есть, но пока что с убытком для нас». «Начинается эпоха роста и развития капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории: т.е. каждую частицу государственного хозяйства под нашими ногами, *отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?*» «Наши успехи на основе новой экономической политики автоматически приближают ее ликвидацию, ее замену *новейшей* экономической политикой, которая будет социалистической политикой»⁷.

На первый взгляд, такие заявления выглядят правильными, хотя и преждевременными. Но вскоре выяснилось, что с точки зрения оппозиции основу настоящего социализма составляет все тот же военный коммунизм, лишь переименованный под нужды борьбы с политикой нэпа. Нэп, разрушая эту систему, меняет тем самым, по их мнению, социалистический характер военного коммунизма. Поэтому нужно не разрушать систему военного коммунизма, а совершенствовать ее. Троцкий, Пятаков, Преображенский и их единомышленники имели в виду образование некоего аппарата планирования, который все будет учитывать, всем давать директивы, все двигать в согласии с поставленной целью – направить развитие производительных сил по «социалистическому каналу». Партия отвечала Троцкому, что при нэпе планирование не может иметь такого характера, как при военном коммунизме. Но даже и в этом случае, согласно Троцкому, страну ожидает перерождение государственного строя, если не будет мировой революции. «Противоречия, – писал Троцкий, – в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. <...> Победоносный пролетариат должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой»⁸.

Троцкий пишет, что эти мысли, высказанные им еще в 1905 году, находят полное подтверждение в 1922 году.

Официальное признание нового взгляда на строительство социализма «в одной стране» впервые выражено в резолюции, принятой XIV конференцией РКП(б), происходившей 27–29 апреля 1925 г. «Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране»⁹. Позднее, на XIV съезде партии эта резолюция была объявлена одним из важнейших документов в истории большевистской партии. «Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии»¹⁰.

Время со второй половины 1924 года и до середины 1926 года можно назвать временем наивысших достижений партии в проведении нэпа – новой экономической политики. Идет интенсивное развитие ленинских идей – от общих теоретических положений к конкретным практикам.

В поведении сторонников нэпа происходят очень большие изменения. Они становятся убежденными реформистами. Руководство партии все время напоминало, что нужно следовать последним заветам Ленина – «двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали»¹¹, «перестать нервничать, кричать, суетиться»¹², твердо усвоить, что теперь «на место этого (революционного) подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского»¹³.

Главными выразителями и защитниками нэповской политики Ленина были Бухарин, Рыков, Дзержинский.

Бухарин неоднократно говорил о том, что колхоз не есть столбовая дорога к социализму. Такого же убеждения держались многие руководители партии. Интересно отметить, что на первом месте стояло кооперирование, а затем коллективизация, которая не считалась главной линией социалистического преобразования крестьянского хозяйства.

Очень важный теоретический вывод был сделан Лениным при разработке основных положений нэпа. «В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и “нэпманы”, т.е. буржуазия»¹⁴. Идея Ленина заключалась в том, что возможно и необходимо использование прежнего «врага» для строительства социализма, и тогда меняется коренным образом отношение партии к классовой борьбе. Важно не преднамеренно обострять ее, а решать острые вопросы не административными, а экономическими методами.

Позиция Бухарина в этом вопросе становится особенно ясной из его речи на XIV съезде партии. Критикуя книгу Зиновьева о ленинизме, Бухарин отметил: «Если бы вы стали там искать такие принципиально важные

места, <...> как перемена лозунга гражданской войны на лозунг гражданского мира, вы там этого не найдете. Товарищ Ленин говорил, что тот смешон или еще хуже, кто не понимает, что в нашу эпоху лозунг гражданской войны сменяется лозунгом гражданского мира. А это важнейшая вещь для понимания всей тактики нашей партии»¹⁵.

Кстати, с таким подходом был согласен и Сталин, который в целом поддерживал эти идеи и тоже проводил их в жизнь. Это видно из его доклада активу Московской организации РКП(б) «К итогам работ XIV конференции РКП(б)» в мае 1925 года. Это доклад интересен тем, что Сталин последний раз включил его в сборник «Вопросы ленинизма» в 9 издание в 1933 году. «Некоторые товарищи, – говорил тогда Сталин, – исходя из факта дифференциации деревни, приходят к выводу, что основная задача партии – это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это – пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии.

Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. Главное теперь состоит в том, чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь. <...> сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму. <...> Надо добиться того, чтобы крестьянское хозяйство было включено в общую систему советского хозяйственного развития. <...> Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию кредитную, кооперацию сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую. <...> Сообразно с этим должен измениться и метод партийного руководства в деревне»¹⁶.

В стране в середине 20-х годов поднялось сильное движение в поддержку этой линии партии в среде интеллигенции, которая до этого всячески сторонилась активного участия в позитивной работе. В частности, успешно решалась проблема кулака. Уходят в прошлое кулаки мироеды дореволюционного времени. Левая оппозиция все время пытается крепкого середняка, зажиточного крестьянина, ведущего свое хозяйство без применения наемного труда, выдать за кулака. Бухарин выдвинул тезис об обогащении, он говорил о том, что нужно создать такие условия, чтобы крепкий, состоятельный хозяин не боялся вкладывать деньги в свое хозяйство, пользоваться банками и кредитами. Председатель Совнаркома А. Рыков также говорил на XIV конференции РКП(б), «что значительная часть спора о «кулаке» и «хозяйственном мужике» может быть устранена, как совершенно беспредметная... <...> Административными мерами с частным капиталом мы теперь не должны бороться. Взаимоотношения между государственным и частным капиталом складываются на основе экономического соревнова-

ния, конкуренции»¹⁷. Призывы оппозиционера Ю. Ларина вести против крепкого хозяина острую классовую борьбу, по мнению Рыкова, являются лишь повторением речей, которые в революционных кружках произносили в дореволюционное время.

Нэп оказался не просто отступлением. Он открыл дорогу к социализму, скажем, современным языком, с российской спецификой. Шел процесс постоянного развития, обогащения и практического воплощения ленинских идей нэпа. Но нельзя забывать, что не только левая оппозиция, но и значительная часть рядовых партийцев выступала против нэпа. Умения дирижировать по-новому отношениями в обществе в рамках гражданского мира, партии явно не хватало. После преждевременной смерти Дзержинского летом 1926 года нэповская линия построения социализма в обществе стала заметно ослабевать.

Главные причины, почему линия нэпа в скором времени потерпела поражение состояли в следующем.

Первая причина – это стабилизация капитализма на Западе. Все более агрессивное его отношение к Советскому Союзу, появление фашизма.

Вторая – это психология общества, вышедшего совсем недавно из кровавой гражданской войны. На добровольное примирение даже в рамках официального партийного аппарата рассчитывать особенно не приходилось.

Третья и главная причина. Социалистический сектор в экономическом плане был недостаточно развит, чтобы вести успешную, чисто экономическую борьбу с родившемся и стремительно набиравшим силу капиталистическом сектором. Отсюда и выростала опасность возрастания роли административного фактора.

На выбранном пути можно было рассчитывать только на медленное движение вперед, поскольку реальный ход строительства социализма зависел от скорости накопления основного капитала. В этой ситуации левая оппозиция меняет свою тактику. Она стала доказывать, что если нужно быстро создать современную социалистическую индустрию, то этого можно добиться лишь через максимальное обложение налогами крестьянского хозяйства.

Гениальная идея нэпа оказалась преждевременной. И даже не столько преждевременной, сколько нереализуемой вследствие отсутствия опыта строительства социализма. Нэп закончился в 1929 году. Сталин взял на себя ответственность за реализацию другой модели социализма. Была построена антикапиталистическая административная модель социализма, в которой не нашлось места практически для всех положений нэпа. Поиск эффективно работающего соединения государственного интереса и частного интереса, к которому стремился Ленин, окончился полным поражением

частного интереса в пользу государственного интереса. Но уже к середине 50-х годов модель административного социализма исчерпала свою положительную историческую роль.

Великое и непреходящее значение ленинского нэпа заключается в том, и это теперь общепризнано, что нэп – это составная и неотъемлемая часть строительства современного социализма с национальной спецификой в незападных государствах.

Итак, история Советского Союза дала нам две трагические неудачи применения нэповской теории на практике. Но есть блестящий пример использования основных положений нэпа в новых конкретно-исторических условиях последних десятилетий XX века. Это – успешное строительство социализма с китайской спецификой в современном социалистическом Китае.¹⁸

---

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 44. С. 223.

² Там же. С. 296, 312.

³ На IX съезде Советов Ленин, отмечая, что военный коммунизм не мог решить задач экономического характера, тем не менее сказал: прошлый опыт «был великолепен, высок, величествен, имел всемирное значение». Там же. С. 309.

⁴ Бухарин Н.И. Три речи. М.; Л. 1926. С. 34.

⁵ Ленин В.И. Там же. С. Т. 45. С. 309, 308.

⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стеногр. отчет. М. 1968. С. 310.

⁷ Там же. С. 351, 343.

⁸ Троцкий Л.Д. 1905. М. 1922 // Предисловие. С. 4.

⁹ Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 3. М. 1984. С. 390.

¹⁰ Там же. С. 428.

¹¹ Ленин В.И. Там же. Т. 45. С. 78

¹² Там же. С. 91.

¹³ Там же. Т. 44. С. 222

¹⁴ Ленин В.И. Полн. Там же. Т. 45. С. 387

¹⁵ Бухарин Н.И. Три речи. М. 1926. С. 67.

¹⁶ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М. 1933. С. 127–129. См. также: Сталин И.В. Соч. М. 1947. Т. 7. С. 123–126.

¹⁷ XIV конференция РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1925. С. 85.

¹⁸ Шевченко В.Н. Значение исторического опыта современного Китая для России и других государств-цивилизаций // Философские науки. 2016. № 8. С. 23–39.

В. Хеделер

ССЫЛКИ БУХАРИНА НА ТРУДЫ ПЛЕХАНОВА В РАБОТАХ О НЭПЕ

При подготовке новой посевной кампании после завершения гражданской войны в России отчетливо проявился конфликт между системой военного коммунизма и интересами крестьянства. Нехватка продовольствия,

натуральный продуктообмен и продразверстка мешали росту производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве. Следствием этого были рабочие забастовки и крестьянские восстания во многих регионах.

Такое состояние дел вызывало беспокойство у мыслящих людей в стране. Характерны два утопических рассказа – один принадлежит Чайнову, второй – Замятину. Они возникли в 1920 г. – в тот же самый год, что и «Экономика переходного периода» Бухарина. Авторы доводили до логического конца бухаринские идеи и констатировали невозможность дальнейшего продолжения такой экономической политики. В своих рассказах они исходили обострения ситуации, чреватой свержением рабочей власти крестьянами. Чайнов видел крестьянскую революцию в 1932 году, Замятин – «великую 200-летнюю войну» между городом и деревней.

Бухарин конструировал иную модель будущего, которую называл «великим строительством». Она должна была сменить изначальную перспективу советизации Западной и Юго-восточной Европы. При этом в «Азбуке коммунизма», в § 21 «Управление в коммунистическом строе», Бухарин развивал опирался на представления о будущем Богданова. «Главное руководство будет лежать в разного родасчетных конторах, или статистических (вычислительных) бюро. Там будет изо дня в день вестись учет всему производству и потребностям производства; будет указываться также, куда нужно добавить рабочие руки, откуда убавить, сколько работать. И так как все будет с детства привычны к общему труду и понимать, что он нужен и что жить всего легче, когда все идет по рассчитанному плану как по маслу, то все и работают, смотря по указаниям этих вычислительных бюро»¹.

У Богданова в «Красной звезде» речь шла о расчетном центре, собирающем хозяйственные данные: «Цифры меняются каждый час, в течении часа несколько тысяч человек успели заявить о своём желании перейти с одних работ на другие. Центральный статистический механизм все время отмечает это, и каждый час электрическая передача разносит его сообщения повсюду»².

Бухарин размышлял так же, как и Ленин, который говорил на X Партконференции в мае 1921 г., что НЭП вводится всерьез и надолго. Экономическая политика периода военного коммунизма для него не являлась фактором развития производительных сил. Его представления были связаны с индустриализацией и включением личного интереса. Решения X Съезда РКП(б), прежде всего принятое 15 марта 1921 г. решение о замете продразверстки продналогом, ставшем символом отказа от военного коммунизма, являлись давно назревшим поворотом в экономической политике. Но новая линия не сразу была понята во всех своих последствиях. Первоначальная ориентация на потребности обороны от внешних врагов, вызванная крайней нуждой, разрухой и войной, и временные меры военного коммунизма

во время интервенции и гражданской войны воспринимались массами как единственный шанс для выживания. В массовом сознании сформировался образ «осажденной крепости». Многие большевики видели в такой ситуации нормальность, она казалась им «универсальной формой политики».

«Азбука Коммунизма» Бухарина осталась незавершенной. Серьезная критика соратников побудила его остановить работу над книгой и больше не заниматься ее переизданием. Некоторые мысли, идущие в этом направлении, можно встретить в многочисленных статьях, а также в «Послесловии» к немецкому изданию «Экономики переходного периода», опубликованной в 1922 г. В нем Бухарин характеризовал НЭП как «новое направление в экономической политике, которое впервые соединяет в правильное экономическое отношение социализированную индустрию, мелкобуржуазное хозяйство, частнокапиталистическое предпринимательство и «смешанные» предприятия». Он обозначил такой курс как «специфически русский поворот, главной предпосылкой которого является крестьянско-аграрный характер страны»³.

Появление русского издания этой книги в 1920 г. породило острую и продолжавшуюся более двух лет дискуссию среди советских и иностранных марксистов, которая в 1921 г. достигла своего апогея и на время замерла. Большинство советских критиков отвергали книгу как «детище военного коммунизма». Бухарин не подверг анализу сферу действия таких понятий, как товар, ценность и деньги, а просто отверг их, сразу же поставив на место товара и регулирующих механизмов рынка «сознательный общественный регулятор», а на место товарообмена – продуктообмен.

К числу самых значительных и программных работ, базирующихся на «Экономике», относится статья «Новый курс экономической политики», появившаяся в августе 1921 г. В ней Бухарин развил идеи, с которыми он выступал на 10 съезде РКП(б). Отталкиваясь от «Экономики», он так сформулировал цель статьи: дать интерпретацию общего смысла нэпа и обрисовать общую перспективу развития народного хозяйства в направлении коммунизма. Исходя из положения, что «равновесие» между городом и деревней во время военного коммунизма не было нормальным и экономическая политика той эпохи не ориентировалась на развитие производительных сил, Бухарин, так же как и Ленин, видел в НЭПе политику, рассчитанную на длительный период, как «новую на несколько лет рассчитанную стратегическую операцию пролетариата на экономическом фронте»⁴.

При анализе экономических причин НЭПа Бухарин не ограничивался перечислением проявлений кризиса 1921 г., он вел его дальше, вплоть до раскрытия движущих сил экономического развития: индивидуальный производитель в деревне, равно как и промышленный рабочий, как звучал его главный тезис, не имеет стимулов к производительному труду. Напротив, он не хочет расширять производства, он теряет интерес к повышению

производительности труда. На место революционного насилия как главной движущей силы общественного развития были поставлены труд и основанная на нем проблематика интересов и потребностей. Насилие и административное давление оказались неподходящими стимулами для повышения производительности труда. Это было ясно Бухарину.

Речь шла о том, чтобы наполнить новой жизнью разрушенную личную и групповую заинтересованность в результатах своего труда. Такой поворот означал укрепление позиций середняка в деревне. Бухарин отказался от еще одного тезиса «Экономики» – тезиса о значении внеэкономического принуждения. Тем самым он вновь обратился к теме социальной структуры – к пониманию крестьянства как класса, его отдельных слоев, разнообразия форм производства – о чем он писал в 1913/1914 гг., и что исчезло из его работ в годы Первой мировой войны. Опираясь на «Капитал» Маркса, Бухарин пытался объяснить ход общественного развития исключительно через классовую борьбу капиталистов и пролетариев. Крестьянство он не рассматривал как отдельный класс, поскольку в условиях капитализма оно постоянно распадается. В «Азбуке коммунизма» крестьянин-середняк выступает в роли «маятника» между двумя главными классами, и лишь в «Экономике» он приобретает твердые социальные контуры.

Бухарин выступал за то, чтобы из развития этой сферы изымались средства, необходимые для создания тяжелой промышленности, поскольку считал главной задачей экономической политики развитие производительных сил на основе крупной индустрии. В то время как такие теоретики, как Плеханов, Деборин и Лукач, являвшиеся учениками классической немецкой философии, подчеркивали диалектику как метод и отказывались от системных конструкций, другие теоретики, в том числе Богданов и Бухарин, которые пришли к марксизму из естественных наук или политической экономики, предпочитали системный анализ.

После того, как острая дискуссия вокруг «*Экономики переходного периода*», в которой летом 1921 г. участвовали советские обществоведы и партийные функционеры, постепенно пошла на спад, появилась новая книга Бухарина, «Теория исторического материализма». Следует отметить, что Бухарин не был слепым последователем механистов, выбрасывавших за борт философию, считая, что ее заменит «тектология», как это делал его учитель Богданов. Его попытка перевести диалектику Гегеля на язык механики привлек к возникновению «теории подвижного равновесия». Заметная в «*Экономике переходного периода*» параллельность взглядов Богданова и Бухарина вряд ли может быть перенесена на книгу «Теория исторического материализма». Бухарин открыл для себя Плеханова.

В этой связи особенно показательно его обращение к работе *Плеханова «Основные вопросы марксизма»*. Бухарин опирался на плехановские выво-

ды о равновесии и организации реального общества, а также на его утверждение, что при помощи так называемой пятичленной формулы (благодаря которой можно было увязать появление определенной идеологии из уровня развития производительных сил) можно установить причинно-следственные связи между звеньями одной цепи.

Как «*Экономика переходного периода*», так и «Теория исторического материализма» стали предметом острых дискуссий в кругу партийных функционеров. Но на исследования академических философов они не оказали никакого влияния. Представители «буржуазной профессуры», участвовавшие в этой дискуссии, вскоре были высланы из страны. Другие, такие как Чайнов, смогли остаться в России, но предпочитали молчать. Бухарин и в этом случае пытался оживить дискуссию, отвечая своим критиком, но не смог придать ей позитивного звучания.

Исходя из признания практического значения общественных наук, он предложил собственные разработки, касающиеся закономерности общественного развития, соотношения необходимости, свободы воли и случайности. Развивая анализ категории «противоречие», он прилагал их к процессам, происходящим как в самом обществе, так и в его отношении с природой. «Теория исторического материализма» заканчивается перспективой бесклассового общества будущего.

Эта глава содержит выводы относительно классового сознания, классового интереса и классовой психологии, а также идеологии. При разборе данных тем становится очевидной опора на Плеханова, на предложенную им в работе «Основные вопросы марксизма», пятичленную формулу: «1. Состояние производительных сил; 2. Обусловленные ими экономические отношения. 3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе». 4. Определяемая частью непосредственно экономией, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека. 5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».⁵

Бухарин опирался на выводы Плеханова о равновесии и организации реального общества, а также на утверждение, что при помощи этой формулы можно установить причинно-следственные связи между различными звеньями цепи, не впадая в ограниченность и односторонность. Связующим звеном между той частью книги, в которой была представлено практическое значение общественных наук, и той частью, в которой разбирались вопросы общественной диалектики, является третья глава, озаглавленная «Диалектический материализм».

Бухарин начинает ее замечаниями, касающимися основного вопроса философии. Сведение связи между материальным и идеальным к вопросу о вещественном и духовном нашло свое отражение в тезисе о том, что

духовная жизнь общества является функцией его производительных сил (или, говоря словами Маркса, идеальное есть материальное, перенесенное в голову человека).

Исходя из общей предпосылки, согласно которой человек является частью природы, Бухарин выделяет и анализирует исторически predetermined периоды общественного развития. Его внутренние противоречия и связанные с ним диалектические скачки воспринимаются как движущие силы общественного развития, опосредованные окружающей средой. Определяя обмен веществ как перекачку материальной энергии из природы в общество, Бухарин оставался на абстрактном уровне представлений об общественном труде как условии существования человека, независимом от всех форм общества. Производительные силы, сводившиеся к технике, выступают в роли показателя степени приспособления общества к природе. Бухарин обходит диалектику производительных сил и производственных отношений, отказывается от комментирования замечаний Маркса об «отправной точке политической экономии».

К этому моменту становление Бухарина как обществоведа уже произошло. Его деятельность в качестве члена Социалистической академии была повсеместно признана. До мая 1919 г. он работал в комиссии по истории мировой войны. Он читал лекции об империализме как высшей стадии капитализма. По приглашению Рязанова Бухарин принимал участие в переводе экономических трудов Маркса и Энгельса на русский язык. Он регулярно занимался анализом «Политической экономии рантье», а также вопросом о крахе империализма и предпосылках коммунистического строительства. В 1922–1923 гг. Бухарин вместе с Дебориным вел семинар в рамках курса диалектического материализма, а со Скворцовым-Степановым – семинар по изучению марксова «Капитала».

Первоначально эти ученые обеспечивали «трансфер теории» из Западной Европы в Россию. Так, для Рязанова и Бухарина являлось само собой разумеющимся, что в теоретическом журнале «Спутник коммуниста», выходившем в Москве, печатались в русском переводе работы таких «австро-марксистов», как Реннер и Виктор Адлер. Во время одного из своих семинаров он аргументировал свою позицию следующим образом: он спорил с теми из своих оппонентов, которые нападали на его изложение диалектики в «Теории исторического материализма», ссылаясь на «Возрастные письма» («Altersbriefe») Энгельса.

Бухарин выражал сожаление, что, в отличие от зарубежных марксистов, в его стране можно найти лишь «второразрядных критиков». Он имел в виду «диалектиков» В. Сарабьянова и С. Гоникмана, доводы которых нельзя было игнорировать. Их статьи были приняты в №3 номер журнала «Под знаменем марксизма» (1922), где была помещена работа Ленина

«О значении воинствующего материализма», а главным редактором выступал Деборин.

Оба критика были согласны в том, что Бухарин в своей книге об историческом материализме сделал шаг вперед. Но для читателя, который хотел бы освоить основы марксизма, она не подходит, поскольку она скорее уводит от Маркса, нежели подводит к нему.

В рецензиях, появившихся за рубежом, мнения разделились: в то время как Тальгеймер и Лукач упрекнули Бухарина в незнании диалектики и возврату к механическому материализму, в его защиту выступили Фгарази, Кон и еще один автор, который скрылся под псевдонимом «не-ревизионист». Рецензент, подписавшийся как «сторонник Плеханова», вообще выступил против отождествления исторического материализма и социологии.

Лишь позже, в 1929 г., когда обостряются споры Бухарина и сталинского большинства ЦК вокруг методов социалистического строительства, Бухарина упрекнут в том, что на самом деле именно он был главным мыслителем и творцом механистической теории. Скворцов-Степанов и Богданов умерли в 1928 г. и уже не могли ничего возразить по этому поводу. Деборин предпочел промолчать.

Не всем российским марксистам было ясно, что строительство фундамента социалистической экономики следовало начать по-новому. Еще в начале 1923 г. Ленин в своей работе «О кооперации» выступил против тех, кто фантазировал о всевозможных рабочих союзах, создаваемых для строительства социализма. Напротив, он требовал так учиться практическому строительству социализма, чтобы каждый мелкий крестьянин мог принять участие в этом процессе. Он подчеркнул в очередной раз, что представления о социализме по сравнению со временем, когда речь шла о захвате власти, радикально изменились, теперь акцент должен быть перенесен на мирную организационную «культурную» работу.

Сталинская критика, защищавшая такой подход большевиков, была напрямую направлена против Бухарина. Когда в 1928–1929 гг. генеральный секретарь в рамках дебатов о плане первой пятилетки выступил против «правых», группировавшихся вокруг Бухарина, обвиняя их в капитулянтстве перед капитализмом, непоследовательности и уступчивости по отношению к кулачеству, он опирался на Ленина. На пике «военного коммунизма» Ленин прочитал «Экономику переходного периода» Бухарина и снабдил ее многочисленными пометками.

Одной из выдающихся глав книги он посчитал часть, посвященную «внеэкономическому принуждению по отношению к крестьянству». Один из критиков заметил, что на этом пути – на пути принудительного труда и репрессий – не мог возникнуть «новый человек», о котором постоянно говорил Бухарин. Пришло время отказаться от безмерного преклонения

перед насилием, характерного для военного коммунизма. Ленин также вскоре отказался от такого подхода, который, как известно, он никогда не абсолютизировал и не превращал во всеобщий закон социалистического строительства и вопреки мнению большинства делегатов партийного съезда в 1921 г. ввел политику нэпа, сменившего военный коммунизм.

Сталин напомнил «капитулянту» Бухарину в конце 20-х гг. именно об этом превознесении «внеэкономического принуждения», когда он сам настаивал на использовании уголовного преследования крестьян, чтобы дискредитировать в глазах членов партии Бухарина, одного из его главных критиков, как «антиленинца», и таким образом разрушить сложившийся вокруг него образ «любимца партии».

---

¹ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука Коммунизма. М. 1920. С. 59–60

² Богданов А. Красная звезда // А. Богданов. Праздник бессмертия. СПб. 2014. С. 85

³ Bucharin N. Ökonomik der Transformationsperiode. Berlin. 1990. S. 253.

⁴ Bucharin N. Die Neuorientierung in der ökonomischen Politik // Die Russische Korrespondenz. 7–9 1921. S. 671.

⁵ Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма // Г. В. Плеханов. Избр. филос. произведения. Т. 3. М. 1957. С. 179–180.

В.В. Калашиков

«КОРЕННАЯ ПЕРЕМЕНА» ВЗГЛЯДА НА СОЦИАЛИЗМ: В ЧЕМ ОНА?

Один из последних тезисов В.И. Ленина о необходимости «коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм» понимается и трактуется автором как принятие Лениным крестьянского кооперативного уклада и товарно-денежных отношений в качестве составных черт экономики социализма

The latest thesis of V.I. Lenin on the “radical modification in our whole outlook on socialism” is understood and revealed as acceptance of peasant cooperative economy and commodity-money relations as a proper feature of socialist economy.

Как известно, слова о «коренной перемене» точки зрения на социализм Ленин продиктовал 4–6 января 1923 г. в Горках в заметках «О кооперации», которые были в мае переданы Н.К. Крупской в ЦК ВКП(б) и вскоре опубликованы в «Правде» в виде статьи «О кооперации». Эта статья является одной из серии последних статей и заметок, написанных Лениным, которые Н.И. Бухарин назвал «политическим завещанием». Важно отметить, что все эти работы взаимосвязаны и дополняют друг друга, поскольку посвящены одной главной проблеме: что делать дальше, как строить социализм в отсталой России в условиях очевидной задержки социалистической революции в Европе.

На первый взгляд вопрос, поставленный в названии нашей статьи, очень простой потому, что Ленин сам дал на него ответ: «...*коренная перемена состоит в том*, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу»¹.

Иными словами суть коренного пересмотра при буквальном понимании ленинского текста состоит в переносе центра тяжести с политической борьбы за власть на мирную организационную работу по строительству нового общества. Однако такой ответ плохо согласуется с масштабом заявленной перемены, поскольку Ленин говорил о «*коренной перемене* всей точки зрения нашей *на социализм*», а раскрывал эту перемену важной, но вполне очевидной сменой приоритетов в текущих задачах партии. Понятно, что после окончания гражданской войны, главной становится не военно-политическая задача завоевания и удержания власти, а задача мирного строительства. Такая смена приоритетов никак не связана с пересмотром точки зрения на социализм. Отметим и словосочетание «мы вынуждены признать», которое подчеркивает трудность изменения прежних взглядов на социализм. Таким словосочетанием Ленин не мог предвещать очевидную мысль о необходимости уделить главное внимание задачам мирного строительства. Напомним, что весной 1918 года Ленин, полагая, что большевики, разгромив главный очаг контрреволюции на Дону, Россию уже «отвоевали», ставил задачу перехода к «управлению» Россией и не связывал эту смену задач с коренной переменой взглядов на социализм: «Мы Россию отвоевали, – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять. И все своеобразии переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче управления»². Сразу после окончания гражданской войны 21 февраля 1921 г. Ленин фактически повторил эти слова, и вновь никак не связывал смену приоритетов в решении текущих задач с коренной переменой взглядов на социализм: «Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили – мы должны научиться Россией управлять. Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники», для этого надо научиться деловому и внимательному анализу наших многочисленных практических ошибок и исправлению их постепенному, но неуклонному. Поменьше интеллигентского и бюрократического самомнения, побольше изучения того, что наш практический опыт, в центре и на местах, дает, и того, что наука нам уже дала»³.

Из всего сказанного следует, что нельзя ограничиваться буквальным объяснением, которое Ленин дал своей фразе о коренной перемене точки зрения на социализм. Надо искать более глубокое содержание.

Поиск такого содержания также как будто не является сложной задачей, поскольку Ленин далее раскрыл ключевую составляющую мирной созидательной работы: *повышение уровня культуры* во всех сферах жизни общества и государства. В этой связи он говорил о необходимости: 1) переделки старого государственного аппарата; 2) развития кооперации среди самого большого социального слоя населения – крестьянства.

Вопрос о переделке старого государственного аппарата Ленин рассматривал в целом ряде других статей, написанных до и после статьи «О кооперации». Наиболее важными являются статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» (23 января 1923 г.) и «Лучше меньше, да лучше» (2 марта 1923 г.). Именно поэтому в статье «О кооперации» он внимание уделил второй задаче, подчеркнув сложность и важность кооперирования крестьян.

Сложность задачи была обусловлена крайне низким уровнем образования и культуры в крестьянской среде: «полное кооперирование невозможно без целой *культурной революции*»⁴. Проблему подъема культурного уровня населения Ленин специально рассматривал в статье «Странички из дневника», написанную несколькими днями раньше (2 января 1923 г.), в которой привел сведения о том, что в России по данным на 1920 г. на одну тысячу жителей приходилось только 319 человек, умеющих читать⁵. Неграмотное население трудно превратить в цивилизованных кооператоров, поэтому задача кооперирования крестьян должна была решаться в тесной связке с задачей подъема культурного уровня крестьянства.

Важность задачи Ленин определил так: «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве». Чуть ранее эту мысль Ленин выразил с еще большей категоричностью: «...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма». Чуть позже Ленин выразил ее так: «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно *совпадает* с социализмом»⁶.

Именно в этих трех фразах заключена мысль, которую можно трактовать как «коренной пересмотр всей точки зрения на социализм». До этого Ленин никогда не говорил о том, что строй цивилизованных кооператоров и есть социализм. Важно подчеркнуть, что в своей статье Ленин не говорил четко о том, что под цивилизованной кооперацией он понимает лишь кооперацию высокого уровня: *производственную* кооперацию, т.е. создание коллективных крестьянских хозяйств с обобществлением земли и основных средств производства. По смыслу статьи получается, что он говорил

о любых формах кооперативного объединения крестьян. Важно отметить, что в России кооперативное движение среди крестьян получило широкое развитие в предвоенные годы. Страна пережила настоящий бум кооперативного движения. При этом преобладали формы снабженческой, сбытовой, кредитной кооперации. Именно в таком широком смысле все современники употребляли и понимали термин «кооперация».

До Февральской революции Ленин видел в снабженческо-сбытовой кооперации способ развития капитализма в деревне и в целом позитивно его оценивал, поскольку все формы развития капитализма сопровождались расслоением крестьян на сельский пролетариат и сельскую буржуазию, а, следовательно, вели к созданию объективных предпосылок для социалистической революции в деревне. После Февральской революции Ленин разработал стратегию переходных шагов к социализму в условиях крестьянской России, которая признавала важную роль потребительской кооперации для организации *обмена* промышленных товаров на хлеб и другие продукты сельского хозяйства⁷. В условиях быстро растущей инфляции денег, Ленин видел в потребительской кооперации важное средство борьбы с разрухой. Такая кооперация должна была охватить город и деревню.

После Октябрьской революции Ленин уже в январе 1918 г. попытался поставить все существовавшие в стране кооперативы под контроль Советской власти и сделать из них органы снабжения населения продуктами, фактически запретив индивидуальную торговлю. Речь шла о создании «потребительских коммун» в городе и деревне по всей стране⁸. Этот план был отвергнут кооперативами, и он действительно являлся утопическим. Принятый после долгих споров и согласований в апреле 1918 г. компромиссный проект оставлял кооперативы более или менее самостоятельными, но он также оказался утопическим по той простой причине, что охватить сетью кооперативов все население страны технически было невозможно. Кроме того, весной стало ясно, что город не в состоянии давать в деревню товары для нормального товарообмена: промышленность оказалась без топлива и сырья.

После того как все запасы хлеба, находившиеся в распоряжении государства, были исчерпаны, Ленин в мае 1918 г. объявил о введении «продовольственной диктатуры». Она легла в основу политики «военного коммунизма» с присущей ей монополией государства на заготовку и реализацию основных продуктов промышленности и сельского хозяйства. Эта политика не способствовала развитию кооперативного движения. За годы гражданской войны кооператоры потеряли прежние позиции. Города снабжались «мешочниками», организации которых трудно назвать кооперативами. Через «черный» рынок проходило не менее половины потребляемого продовольствия.

Политика «военного коммунизма» была неприемлемой для большинства крестьян, поскольку не обеспечивала эквивалентного обмена между городом и деревней, но перед угрозой победы Колчака и Деникина крестьяне мирились с ней как с «меньшим злом». После разгрома белого движения «большее зло» исчезло, и 1920 г. стал периодом многочисленных крестьянских выступлений против политики «военного коммунизма». Крестьяне требовали «свободы торговли» излишками своей продукции, а отказ правящей партии выполнить эти требования вел к появлению лозунга «Советы без коммунистов».

Опыт гражданской войны определил отношение Ленина не только к кулаку, но и к большинству крестьян. Он стал подчеркивать, что единоличное трудовое крестьянское хозяйство рождает двойственную социальную и психологическую природу крестьян (как тружеников и как собственников) и является объективной базой для развития капиталистических отношений в деревне. Вот характерный фрагмент из речи, произнесенной в октябре 1920 г. на III Всероссийском съезде РКСМ: «Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, то есть хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба – то крестьянин превращается уже в эксплуататора... Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку»⁹. Эта речь – одна из последних речей Ленина «военно-коммунистического» характера. Через несколько месяцев был введен нэп, который исключал работу «по одному общему плану на общей земле».

Опыт первых двух лет нэпа побудил Ленина написать статью «О кооперации». Из статьи следовало, что единоличный крестьянин, объединенный той или иной формой кооперации, выступает как носитель хозяйственного уклада, который «в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». Такое изменение позиции действительно было радикальным и трудным, что и объясняет появление в ленинском тексте отмеченного словосочетания «мы *вынуждены* признать».

В чем состоит радикализм смены позиции? В том, что Ленин фактически признавал возможность существования *социализма как многоукладной экономики*. Решающие средства производства и «командные высоты» (промышленность, транспорт, недра, земля) находятся в руках пролетарского государства, составляя общенародную собственность, а рядом с ней находится кооперативная собственность миллионов крестьян, которые продолжают оставаться и собственниками и тружениками. Наличие двух хозяйственных укладов, а также наличие многих миллионов мелких собственников требовали признания роли товарных отношений, а значит и денег как меры стоимости всех товаров, общего средства платежа и обмена.

А это означало коренной пересмотр взглядов большинства марксистов на социализм как на строй, первую фазу коммунизма, в котором не должны существовать товарно-денежные отношения. Иными словами, фраза о коренном пересмотре, помимо указанного Лениным смысла (строй кооператоров в наших условиях есть строй социализма), имеет еще более глубокий и *прямо не высказанный* Лениным смысл: признание товарного характера экономики социализма. Ленин боялся открыто отойти от Маркса в этом вопросе. Отсюда определенная расплывчатость его формулировок.

Какие события подтолкнули Ленина к такому пересмотру? Два основных фактора: 1) полный провал попыток наладить натуральный обмен между городом и деревней в первый год нэпа. Пришлось восстанавливать роль денег; 2) осознание невозможности быстрого и массового устранения единоличных крестьянских хозяйств в деревне.

Крестьянин отверг коммуны, у государства не было ресурсов для массового создания совхозов, совхозы в принципе не могли стать быстрой заменой единоличных крестьянских хозяйств. Ленин исключал методы насильственной коллективизации. Следовательно, большевики стояли перед перспективой долгого существования трудового семейного крестьянского хозяйства и сельской общины как основной формы крестьянской жизни. Единственной реальной возможностью наладить контроль за хозяйственной деятельностью более чем двух десятков миллионов крестьянских дворов было развитие всех форм крестьянской кооперации.

Важно подчеркнуть, что Ленин нигде не сказал о том, что с прекращением политики нэпа должен поменяться и взгляд на роль кооперации в деревне. Отказ от нэпа должен был стать только отказом от применения наемного труда, т.е. от временного допущения эксплуатации человека человеком. Строй цивилизованных кооператоров мог изначально ограничить и даже исключить такую эксплуатацию, сохраняя трудовую крестьянскую семью как ячейку крестьянского социализма. Однако стремление государства как можно быстрее получить товарный хлеб привело к тому, что в рамках нэпа кулаки получили временное право на использование наемной рабочей силы.

Что в итоге получилось из этого ленинского плана? Необходимость форсированной индустриализации привела к насильственной коллективизации в самых жестких и отнюдь не обязательных формах. Однако товарно-денежные отношения сохранились и после того, как Сталин объявил о том, что социализм построен. С этой точки зрения ленинский план оказался реализованным.

Напомним, что проблема товарно-денежных отношений при социализме стала объектом дискуссии на рубеже 1950-х гг. В ней принял участия Сталин, который фактически объяснил сохранение таких отношений

в СССР наличием в стране двух укладов и форм собственности: «В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная - общенародная и колхозная, которую нельзя назвать общенародной». Так же как и Ленин, Сталин не решился сделать прямой вывод о том, что социализм предполагает сохранение товарно-денежных отношений *как норму*, т.е. не решился отступить от традиционного марксистского взгляда и признал это явление временным: «Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также *на известный период* наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь ввиду, что товарное производство не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?». Он дал ответ и на вопрос, когда товарно-денежные отношения будут устранены при социализме: «когда вместо двух основных производственных секторов, государственного и колхозного, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжаться всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его “денежным хозяйством” исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства»¹⁰.

С нашей точки зрения, товарно-денежные отношения являются необходимыми чертами социалистической экономики по той простой причине, что основной принцип распределения при социализме – *распределение по труду*. Практическая реализация этого принципа без использования таких инструментов, как рынок и товарно-денежные отношения, оказалась невозможной. Это подтверждал весь опыт существования экономики в СССР. Именно поэтому автор настоящей статьи в период «перестройки» выступал за признание и реализацию концепции социалистического рынка как одной из основ экономического строя в СССР. Эту позицию автора отражает статья, опубликованная в «Правде» в ходе обсуждения новой редакции программы КПСС летом 1991 г.¹¹. Наша статья не имела того хлесткого названия, которое было дано ей редакцией газеты «Правда», но суть статьи это название передает верно, если убрать вопросительный знак, аккуратно поставленный редакцией. По нашему мнению, Маркс сделал ошибку, однозначно представив экономику социализма как нерыночную. Отсутствие социалистического рынка стало одной из причин гибели советского строя и государства, поскольку принцип распределения по труду реализовался в грубой и неэффективной форме, во многих и многих случаях не способствуя росту производительности труда. Только использование рыночных механизмов в условиях господ-

ства общественных форм собственности и планового ведения хозяйства позволяло определить реальный вклад каждого работника и определить реальный размер его вознаграждения.

¹ Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

² Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Там же. Т. 34. С. 172–173.

³ Ленин В.И. Об едином хозяйственном плане // Там же. Т. 42. С. 347.

⁴ Ленин В.И. О кооперации // Там же. Т. 45. С. 376.

⁵ Ленин В.И. Странички из дневника // Там же. Т. 45. С. 363.

⁶ Ленин В.И. О кооперации // Там же. Т. 45. С. 373, 375, 376.

⁷ Ленин В.И. Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой // Там же. Т. 32. С. 197.

⁸ Ленин В.И. Проект декрета о потребительских коммунах // Там же. Т. 35. С. 206-2.

⁹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Там же. Т. 41. С. 311.

¹⁰ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952. С. 14–17.

¹¹ Калашников В.В. Ошибался ли Маркс в своих взглядах на социализм и рынок? // Правда. 1991, 16 июля.

В.А. Архангельский

О КОРЕННОЙ ПЕРЕМЕНЕ АПРИОРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛИЗМЕ

Статья прослеживает происхождение и судьбу ленинского завещания о коренном пересмотре представлений о социализме. Обосновывается тезис о содержании ленинского требования как постепенного и неуклонного замещения априорных предположений XIX века о будущем обществе апостериорной теорией, отражающей социализм по мере его реального становления.

Ключевые слова: социальная диалектика, априорное знание, догматизм, развитие теории.

ON THE RADICAL CHANGE OF A PRIORI IDEAS ABOUT SOCIALISM

The article traces the origin and fate of Lenin's testament on the radical revision of ideas about socialism. The thesis about the content of Lenin's demand as a gradual and steady replacement of a priori assumptions of the 19th century about the future of society with an a posteriori theory that reflects socialism as it actually realizes is substantiated.

Key words: social dialectics, a priori knowledge, dogmatism, theory development.

Материализм потому именно и материализм,
что он самым решительным образом отрицает
возможность априорного познания.

С точки зрения материализма *всякое познание – a posteriori.*
Л.И.Аксельрод¹

Вводные замечания. Раскрывая тему вынужденности признания В.И. Лениным коренной перемены всей точки зрения на социализм, мне не удалось ограничиться рамками 1921–1927 гг. По той причине, что ши-

рочайший шлейф этой неисполненной задачи задачи протянулся до наших дней, и кто знает, сколько еще десятилетий он накроет. В статье мною предпринята попытка внести свою долю в выполнение обществоведами той «положительной работы для образования нового мира», о которой пишет Маркс, объединенными усилиями «ученых, политических партий, гражданского общества в целях изменения вектора развития» в общих интересах всех землян (мое уточнение). То, что «решение такой задачи невозможно без обращения к марксизму», не подлежит сомнению при условии ясного понимания требования вывести его современные интерпретации из глубочайшего кризиса, ставшего одной из главных причин краха социализма в СССР и у его западных соседей.

Предел применимости априорной теории социализма. Аутентичный марксизм – это итоговая редакция представлений К. Маркса и Ф. Энгельса, эволюционировавших вплоть до 1895 г. – года кончины Энгельса. Независимо от того, положена ли на бумагу такая редакция, освобожденная ото всего, что они успели пересмотреть в своих же прежних работах, или нет, она существует объективно. Но и таким образом понимаемый аутентичный марксизм состоит из двух огромных пластов. Первый – это *апостериорное отражение* социально-экономической реальности капитализма и предшествовавшей ему истории. Отражение-копия, которая по своей природе отличается от неисчерпаемого оригинала неполнотой, генерализациями и другими дефектами и несоответствиями. Второй – это выстроенная методами исторических аналогий и экстраполяции система предположительных доопытных, *априорных представлений* о посткапиталистических фазах истории человечества и о фазовых переходах к ним.

Обычно с появлением нового реального объекта познания происходит замещение доопытных гипотез теориями-отражениями бытийного оригинала. Такая же ситуация возникла и в марксистском общественном знании после Октября 1917 г. в связи с началом строительства новых общественных отношений в Советской России на деле.

Недопетая песнь Ленина. Вплоть до 1917–1918 гг. В.И. Ленин был горячим приверженцем аутентичного марксизма, обоих его пластов (см., напр., его «Государство и революцию» с обильным цитированием положений «Критики Готской программы»). Обязанности председателя правительства страны (и не только!) в условиях жуткой разрухи и гражданской войны предельно сужали возможности его работы над теорией. И тем не менее, В.И. Ленин успел внести огромный и до сих пор должным образом не оцененный вклад в становление *апостериорной* теории новой социальной организации общества еще до трагических событий конца 1922 г.: его болезни, отстранения от управления страной и изоляции от партии.

Гром среди ясного дня. И хотя процесс замены априорного апостериорным неотвратим, мысль о необходимости коренного пересмотра большевиками их представлений о социализме в продиктованной Лениным 4 и 6 января 1923 г. одной из последних в его жизни статей, отзывалась именно так. Даже вопреки авторскому смягчению, если не дезавуированию, идеи. Понимая, как прочно укоренились в партии догматические, доктринерские «антиревизионистские» настроения, Ленин вынужден был придать этой идее «культурническое» толкование. Но и это не помешало соратникам Владимира Ильича промариновать статью «О кооперации» под сукном почти полгода: она была опубликована в «Правде» лишь 26 и 27 мая 1923 г.

Субъекты бесклассовых фаз истории. Не дело спекулировать предположениями о том, как бы реализовал В.И. Ленин революцию в представлениях о социализме, пояись у него такая возможность. Обопремся на его собственные высказывания, сделанные до болезни и до изоляции от партии.

Предпосылки. Еще до 1917 г. Ленин указал на верховенство общих интересов социума перед любыми классовыми («Проект программы нашей партии», 1899), на настоятельную необходимость развития диалектико-материалистической школы обществензнания («учения Маркса») широким фронтом во всех направлениях («Наша программа», 1899), объявил обнаружение раздвоения на противоположности инвариантным императивом познания сущности любых развивающихся феноменов природы и общества («К вопросу о диалектике», 1915, обнародовано «Большевиком» в 1925 г.). Заметим, что здесь уже сидит скрытое требование заделать зияющую брешь, унаследованную от аутентичного марксизма – полное игнорирование вопросов социальной диалектики нового бесклассового общества.

Реальные подвиги. В 1920 г. В.И. Лениным были высказаны по крайней мере два положения, ключевых для предстоящего превращения априорных представлений о социализме в теоретическое отражение реального состояния и процессов функционирования нового общества. Во-первых, поддержана мысль Н.И.Бухарина о неоднородности рабочего класса (Ленинский сборник XI). Во-вторых, именно Ленин был в одной пяди от вскрытия того самого раздвоения социалистического общества на имманентные ему и только ему неклассовые противоположности, о необходимости выявления которых он писал в 1915 г. Да, это правда: в «Первомайском субботнике»² речь у Ленина шла о «самой трудной борьбе» *на протяжении всей социалистической фазы истории*, о борьбе за превращение труда за плату, труда наемного в труд на общую пользу непосредственно, в труд коммунистический. Теоретикам-обществоведам оставалось лишь расставить точки над *i*, т.е. домыслить оставшееся за строками этой короткой, но до предела насыщенной новыми мыслями газетной статьи.

Уразуметь, что в новом трудовом пролетарском обществе, где пролетариат экспроприировал в свою общую собственность частный капитал, но сохранил обособленную семейную и личную собственность на жизненные средства (как это и предполагалось коммунистическим манифестом 1848 г.), сам пролетариат (читай: само новое пролетарское общество) и остался самим собой, и превратился в свою противоположность – в носителя интересов рачительного использования его общего для каждого пролетария достояния (средств производства, прежде бывших чужими капиталами). Понять, что диалектика неистребима, что новое общество оказалось по-прежнему обществом «самой трудной борьбы» своих социальных противоположностей, на которые, однако, оно раздвоилось *принципиально иначе*, чем в классовом обществе, а именно *без образования больших групп людей с противоположными интересами*. В новом обществе каждый его член оказался поляризованным социалистической системой отношений общей и обособленной собственности на факторы и продукты производства.

Чем обернулась «коренная перемена». Ничего близкого к такому доосмыслению социализма и его движения к коммунизму сделано не было ни до, ни после 1927 г. Тем не менее, пересмотр теории социализма состоялся, причем очень существенный. Завершение этого пересмотра относится ко второй половине 1930-х гг. Пересмотр, отвлекаясь от деталей, состоял в нескольких принципиальных моментах.

Во-первых, в негласном объявлении клеветой на социализм ленинского тезиса о социализме как о процессе превращения рабочей силы из товара в нетовар. Даже в наши дни Р.И. Косолапов всё еще сочувственно цитирует И.В. Сталина: «Главное – у нас отпала частная собственность, и рабочая сила не является товаром».³ Торжественное обещание Ленина за себя и за партию выложиться в течение многих лет и десятилетий, но победить в «самой трудной борьбе» за превращение труда наемного в труд коммунистический осталось нереализованным.

Во-вторых, был проделан подкоп под гегелевско-марксистские устои диалектики. В теории социализма было отвергнуто понимание раздвоения единого на свои взаимоисключающие противоположности, их взаимопроникновения и взаимодействия («единства и борьбы») как источника, как движущих сил социального развития. Последними применительно к новому обществу были названы силы благолепия и благодати: наш особый патриотизм, дружба народов и морально-политическое единство социума.

В-третьих, вместо замещения априорных взглядов на социализм (ставшим уже реальностью) его апостериорным теоретическим отражением в ход была пущена эклектическая смесь представлений-предположений XIX века о социализме в личной интерпретации И.В. Сталина. Разумеется,

представлений за вычетом позднейших упомянутых выше ленинских идей. Причем постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. эта крошка получила статус официального и высочайше одобренного необсуждаемого документа. Другими словами – катехизиса нового вероучения.

О разномыслии В.И. Ленина и Г.В. Плеханова в 1917 г. Как известно, В.И. Ленин провозгласил курс на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, курс на ликвидацию двоевластия, на революционный захват власти Петроградским советом уже в апреле 1917 г. Не менее известно и то, что этот курс был встречен Г.В. Плехановым в штыки. Примечательна противоположностью оценок этими виднейшими марксистами и состоявшаяся в Петрограде полумиллионная демонстрация 18 июня 1917 г. Если Ленин видел в ней важную веху предстоящего исторического перелома в классовой борьбе пролетариата и буржуазии в России⁴, то Плеханов полагал манифестацию результатом непростительной ошибки ее организаторов: «русская история еще не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма».⁵

В этих словах Г.В. Плеханова слышится громкое эхо марксовской убежденности в том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества».⁶

Здесь Марксом совершенно верно выражена обреченность социума на изменчивость его производственных отношений под напором меняющихся производительных сил. Но чувствуется и сильное огрубление этого процесса, слышатся нотки фатализма, несвободы людей в выборе ими тех или иных организационных форм производства, его хозяйственных укладов, поскольку тот или иной производственный уклад как способ производства со своей надстройкой должен жить благополучно, пока не помешает развитию производительных сил. И вдруг в этот час икс (превращения производственных отношений в оковы развития производительных сил) происходит дискретный метаморфоз формации с ее базисом (производственными отношениями) и надстройкой. Но такая модель вершения истории сегодня выглядит не очень убедительной.

Относительность границ меры определенности способа производства. Представляется, что суждения о фатально предопределенной зависимости производственных отношений от производительных сил, о существовании некоего предопределенного часа икс, неких реперных отметок производительных сил, выше и ниже которых могут существовать только качественно различные способы производства и соответствующие им формации, вошли

в очевидный диссонанс с историей последнего столетия. *Бессмысленно искать более или менее определенные значения уровней познания мира, развитости техники и технологии, разграничивающие рабство и крепостничество, мелкобуржуазный уклад и явно капиталистический, капитализм и социализм, социализм и коммунизм в узком смысле.* Во времени перекрываются полосы даже отнюдь не смежных укладов. Например, мы привыкли относить рабовладельчество к временам Древнего мира, а оно, на тебе, пожалуйста, процветало в XIX веке в США, в XX – в «тысячелетнем» Германском Рейхе, даже СССР умудрился обратить в невольников выдающихся конструкторов С.П. Королева и А.Н. Туполева.

С этой точки зрения попытка прорыва российского социума в начале прошлого века не выглядит столь безрассудной, как это полагали партия меньшевиков и Г.В. Плеханов. В конце концов, в 1917 г. их точка зрения была так же априорна, как и представления о социализме Карла Маркса и В.И. Ленина в том же 1917 г. Что касается дней нынешних, то исполнение поставленной Лениным в начале 1923 года задачи коренной перемены всей априорной точки зрения на социализм еще не начиналось. Остается только мечтать о том, что проживи великие русские марксисты Плеханов и Ленин на десяток лет больше, к 1927 году этот ленинский замысел уже был бы реализован хотя бы в основных чертах, как и не состоявшееся при их жизни сближение позиций двух революционеров-единомышленников.

Ну и что из того? – спросит читатель. – Какие выводы? Да никаких. В этом году исполнилось сто лет, как увидела свет ленинская статья о «самой трудной борьбе» общества всей социалистической фазы, упомянутая выше. Ее содержание вместо активного перемалывания в жерновах социологических наук вот уже много десятилетий остаётся в состоянии придуренности, осуществленном катехизисом 1938 г., да и сам юбилей остался незамеченным даже левыми. На этом фоне безнадежно рассчитывать на проведение в течение ближайших десятилетий научных обсуждений альтернативных каноническому нормативу подходов (тем более, выдвинутых мало кому известными авторами) для решения проблем диалектико-материалистического обществензнания и вывода последнего, как всех других школ социологии, из глубочайшего кризиса.

Но рано или поздно истина в общественных науках пробьет себе дорогу. Люди узнают ответы на самые животрепещущие вопросы своего социального бытия. Главное, чтобы это не случилось слишком поздно, уже после прохождения точки невозврата с пути к рукотворной (антропогенной) глобальной экологической или всемирной военной катастрофе с приведением в действие новейших средств массового убийства людей и уничтожения среды их обитания, времени, когда при всём желании уже *никто* не сможет остановить процесс самоуничтожения человечества.

Никто, даже *неклассовый социальный носитель* неделимых *общих* (common'ных) интересов людей страны и планеты, этот единственный субъект, в чьих прямых и непосредственных интересах, возможностях и силах реализовать в жизни неделимые общие интересы людей. Мои оппоненты утверждают, что такого субъекта не может существовать хотя бы из-за отсутствия у землян общих интересов. Но насколько это верно?

На наших глазах и вопреки всему рождается новая социологическая парадигма. Уже два десятка лет как оглашена и борется за свои права в науке концепция экономической социодинамики Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна⁷, которые доказательно пишут о существовании целой гаммы потребностей и интересов, несводимых к интересам индивидуумов, а значит, принципиально несводимых к интересам тех или иных субъектов – групп людей, например, классов. Само за себя говорит и название статьи Ю.Д. Гранина «К проблеме реальности в современной социологии: исчезновение “группы?”»⁸. Уже много лет А.Л. Филиппов издает интернет-газету «Экономика и мы» (EconomicsAndWe.com), позиционирует себя как социопатолога и активно проводит идею существования и верховенства общих интересов людей, не сводимых к интересам групп, подчеркивает, что современный социум тяжело болен индивидуализмом, что он нуждается в вакцине против этой болезни. А одно только имя шведской школьницы Греты Тунберг чего стоит!

Коммонный субъект – сегодня субъект в себе, а не для себя. Пока он спит мертвецким сном, одурманенный сладкими мелодиями трубадуров частных интересов людей. У него еще нет своего собственного субъектного видения социальной реальности. Своей субъектной теории социологии. Будем надеяться, что она всё-таки когда-нибудь появится. А вот произойдет это или нет, станет исключительно результатом соотношения трех факторов: сил содействия и сил противодействия разработке теории и распространению идей коммонного общественознания, а также сил инерции социального балласта, полагающего участие в преодолении кризиса социологии занятием ниже своего достоинства.

---

¹ Аксельрод Л. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. СПб. Изд. М. Дружининой и А.Н. Максимовой. 1906. С. 83.

² Ленин В.И. От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко всероссийскому субботнику-маевке // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 107–109.

³ Косолапов Р.И. Прерванный полет. Что делать? // Отечественные записки. 2017. № 2 (Приложение к газ. «Советская Россия». 2017. 19 января).

⁴ Ленин В.И. Восемнадцатое июня // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 360–362. 42

⁵ Плеханов Г.В. Логика ошибки // Год на родине. Полн. собр. ст. и речей 1917–1918 гг. Т. 1–1. Париж. 1921. Т. 1. С. 218.

⁶ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 8.

⁷ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & Государство: экономическая дилемма. М. 2014. 480 с.

⁸ Гранин Ю.Д. К проблеме реальности в современной социологии: исчезновение «группы»? // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 126–130.

Д.Б. Этштейн

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ВРЕМЕННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ИЛИ СМЕНА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ

Показано, что выработанная Лениным концепция нэпа – это действительно новое, не предсказанное классиками марксизма видение пути построения социализма. И оно в существенной части противоречило видению этого пути, господствовавшему в РСДРП и среди большинства европейских социалистов, как действий в направлении устранения рынка, товарно-денежных отношений, денег и введения прямого распределения общественного продукта. Вынужденный следовать этому «классическому» пути обстоятельствами послевоенной разрухи, Ленин позже признал, что расчеты на движение к социализму по такой траектории были ошибкой. Более того, Ленин увидел в кооперации инструмент, посредством которого крестьянин и частый производитель могут быть организованы в элементы экономики, которая по мере роста культуры населения и государственного управления, будет, при наличии командных высот у советской власти, двигаться в направлении социализма.

Ключевые слова: Россия, новая экономическая политика, социализм, стратегическое видение социализма.

NEW ECONOMIC POLICY: TEMPORARY RETREAT OR CHANGE OF STRATEGIC VISION

It is shown that the NEP concept worked out by Lenin is indeed a new vision of the way of building socialism, not predicted by the classics of Marxism. And it essentially contradicted the vision of this path that prevailed in the RSDLP and even among the majority of European socialists as actions towards the elimination of the market, commodity-money relations, money and the introduction of a direct distribution of the social product. Forced to follow this «classical» path by the circumstances of the post-war devastation, Lenin later admitted that it was a mistake to expect to move towards socialism along such a path. Moreover, Lenin saw in cooperation a tool through which the peasant and a frequent producer can be organized into elements of the economy, which, as the culture of the population and state administration grows, will, given the commanding heights of the Soviet regime, move in the direction of socialism.

Key words: Russia, new economic policy, socialism, strategic vision of socialism

Тема XIV Плехановских чтений («...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг.) чрезвычайно интересна. То, что В.И. Ленин пришел к коренному изменению своей точки зрения на социализм и высказал это, является неоспоримым. Но в чем это изменение состояло, как далеко оно

пошло, от чего пришлось отказаться, что было внесено принципиально нового в большевистское понимание социализма – это вопросы весьма существенные. И если останавливаться не только на исторических аспектах, то важно понять, какие существенные изменения происходили далее в понимании того, что такое социализм, каким он должен быть и каков путь к нему.

То, что понимание социализма развивается, является вполне понятным и абсолютно естественным, иначе и быть не могло, ибо одно дело – предсказания, сделанные классиками более 170 лет назад (мы имеем в виду появление «Манифеста Коммунистической партии» в 1848 г.), другое дело – живой, реальный опыт его построения, накопленный за эти десятилетия. Теоретическая и практическая основа движения к социализму, выраженная классиками, была сформулирована как уничтожение частной собственности¹. Но что, какие экономические отношения должны заменить частную собственность, буржуазию и свойственные капитализму экономические институты и стимулы? В «Манифесте Коммунистической партии» на это дается очень краткий ответ: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил...» [1, с. 446]. И далее: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1, с. 447]. То есть суть плана действий состоит в том, чтобы передать средства производства государству, которое должно действовать в интересах свободного развития всех, и на место общества классовой противоположности должна прийти свободная ассоциация.

Существенно более полная картина будущего экономического строя дана Марксом в «Капитале». «Представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewusst] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу... Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жиз-

ненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. **Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями.** С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении» [2, с. 88–89].

Мы привели эту обширную цитату, ибо в ней однозначно будущая (социалистическая) экономика прямо противопоставлена производству товаров. Она, в отличие от производства товаров, предполагает прямое, планомерное, непосредственное трудовое распределение людей и рабочего времени в соответствии с различными общественными потребностями. Необходимость в деньгах в при таких экономических отношениях также отпадает.

В «Критике Готской программы» Маркс уже прямо говорит, что при социализме (правда, он употребляет иной термин) не будет ни обмена, ни стоимости: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда [3, с. 18]. Предполагалось, что осуществить такое планирование производства и соответствующее распределение достаточно просто, и новое общество с этим без особых проблем справится.

Первая попытка применить эти положения в новом обществе, где полностью изменен государственный строй, где к власти пришел пролетариат, руководимый марксистской партией, состоялась в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Выработанные ранее теоретические положения о централизации управления и ликвидации обмена вошли в Программу РКП, принятую в 1919 году на VIII съезде, и реализовывались с большой энергией, которой способствовал революционный энтузиазм и революционная обстановка². Однако, надо признать, что многие действия по ликвидации частной собственности путем форсирования национализации были вызваны текущей послевоенной обстановкой и разрухой, хотя казалось, что они соответствуют теории. Но на деле они прежде всего были вызваны дефицитом хлеба и продуктов питания, а также топлива и многих других видов промышленной продукции, сложившимся уже в годы Первой

Мировой войны, а также нарушением нормального производственного ритма, вызванным февральской революцией и последующими революционными событиями. Октябрьская революция также усилила процессы разрухи, подтолкнула к сопротивлению одну часть крупной и средней буржуазии, а другую часть (а также техническую интеллигенцию и управленцев) – к бегству за границу. Производство останавливалось, в том числе и из-за отсутствия квалифицированного управления. Рабочие требовали национализировать такие предприятия, оставленные прежними собственниками.

Дефицит хлеба и промышленных товаров требовал запрета торговли ими, жесткого контроля за крупными и средними предприятиями, централизации управления промышленностью и запрета несанкционированного обмена между предприятиями, введения карточек, то есть прямого распределения для горожан и продразверстки, то есть экспроприации зерна и ряда других продуктов питания под обещания будущих компенсаций, у крестьян. Так всеобщий дефицит порождал «военный коммунизм», который в то же время, казалось, отвечал теоретическим представлениям о социализме, и потому проводился с дополнительной энергией, вызывая естественное сопротивление и тем самым усиление жесткости режима и применение террора.

В результате опыт России 1918–1922 годов показал, что, хотя в мелкокрестьянской стране все эти меры (отмена торговли и товарно-денежных отношений, прямое плановое управление промышленностью и т.п.) ввести можно, но эта мера сама подрывает экономические стимулы к увеличению производства. Чем активнее эта политика проводится, тем меньше ресурсов остается в распоряжении центральной власти. В более развитых странах с большей дисциплинированностью масс коммунисты (или социал-демократы) могли бы с такой экономической политикой продержаться дольше, но она так же вела бы к замедлению экономики и прогресса техники и снижению качества продукции, и через какое время неизбежно или при вела бы к коллапсу, или была бы заменена.

В тот период (в 1922 году) только российский экономист Б.Д. Бруцкус показал теоретически, что причина экономического краха политики военного коммунизма не только и не столько в условиях Гражданской войны, которая все же была выиграна большевиками, а в самой концепции управления социалистической экономикой, которая игнорирует роль стимулов, рынка, ценового механизма, вырабатываемой рынком информации о потребностях потребителей и возможностях производства, о соотношении спроса и предложения, о роли предпринимателей [5]. В 1922 году он был выслан за границу. Далее последовали работы Л. Мизеса [6, 7].

Ради справедливости следует указать, что существенную роль рынку при социализме отводил в своих работах М.И. Туган-Барановский, на

наш взгляд, незаслуженно забытый мыслитель и теоретик социализма. В 1918 году он писал: «Государство должно занять место торговца нашего времени. **Правда, при социалистическом строе современного капиталистического обмена не будет, однако, полного прекращения обмена ожидать нельзя.** Не только в области международных сношений обмен сохранится, но, по всей вероятности, также и внутри государства обмен останется, хотя и в значительно меньшем объеме, чем ныне... Изготавливаемые продукты будут поступать в государственные склады и затем распределяться между потребителями тем или иным способом в соответствии со спросом на эти продукты» [8, глава IX]. Туган-Барановский очень четко сформулировал самую глубинную причину того, почему при социализме невозможно будет уничтожить товарное производство и деньги: наличие противоречия между личными и общественными интересами. «Пока человеческая природа не испытает полного изменения, интерес отдельной личности не будет совпадать вполне и без остатка с интересом общественного целого. Отсюда и вытекает двойственность задач социалистического общества: с одной стороны, оно должно стремиться к возможно более полному удовлетворению всех общественных потребностей; с другой стороны, оно должно возможно полнее обеспечивать свободу каждого» [8, глава XI]. Советская политэкономия пришла к этому пониманию лишь в 60-х годах, но для многих сторонников социализма сегодня это понимание потеряно.

Однако вернемся к сути введения нэпа. Решение Ленина об отказе в 1921 году от продразверстки и переходе к продналогу, о допуске капитализма в форме торговли (в том числе, зерном) и частной собственности, поначалу было решением, вызванным исключительно текущими обстоятельствами, безуспешностью попыток восстановления народного хозяйства методами экономической централизации **в мелкокрестьянской стране**. Ленин говорит: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку... Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов

людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции» [9, с. 151].

Здесь Ленин еще смотрит на необъединенное мелкое крестьянство с определенным опасением, как на потенциального врага социализма, ибо торговля рождает капитализм³. Он говорит об опоре на «небольшую часть передовых крестьян» [10, с. 163]. Он предупреждает, с одной стороны о том, что при нэпе неизбежно будет расти число кулаков, но с другой стороны, с ними нельзя бороться прежними неэкономическими мерами, нужно бороться «государственным объединением»⁴. Но это уже совершенно иная риторика, здесь уже нет речи о кулаках-мироедах, ибо без предоставления возможности роста сильным хозяевам, без роста их зажиточности не получить и роста сельского хозяйства и его товарности, пока нет технической базы для добровольной массовой коллективизации. Это существенное изменение взгляда на крестьянство: крестьянин уже не только попутчик, который боролся с помещиками и царизмом ради увеличения своего клочка земли, он непосредственный участник строительства социализма.

Ранее Ленин действительно видел в НЭПе стратегическое отступление [10, с. 158], отступление от целей немедленного устранения частной собственности, рынка, денег, от перехода к распределению и производству по-социалистически. Но ранее речи не о «**коренной перемены всей точки зрения нашей на социализм**». Она появляется в статье «О кооперации», написанной в январе 1923 года. В чем же эта коренная перемена? Она в том, «...что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» [12, с. 370]. Ранее ни Маркс, ни Ленин никогда не говорили социализме как о строе (или фазе коммунизма), когда необходимо «соединение частного интереса с интересом» общим, тем более они не говорили о «частном торговом интересе» как интересе, отвечающем интересам общества.

Здесь Ленин приходит к выводу о том, что объединяя и кооперируя крестьянство, рабочее государство делает его сторонником движения к социализму: «В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую, с известной стороны, имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все

необходимое и достаточное для этого построения» [12, с. 370]. Но кооперация – это уже рынок, это существенная свобода товарно-денежных отношений, это стимулирование экономического роста и даже конкуренция. Здесь уже нет ни слова об отступлении, наоборот, Ленин ставит цель учиться торговать, причем торговать по европейски [12, с. 373]. Причем речь здесь идет не только о торговле крестьянских кооперативов, как могло бы показаться. Он говорит о кооперативных предприятиях, использующих государственные средства производства, и характеризует такие предприятия как социалистические по их экономической сути: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» [12, с. 375]. Но кооперативные предприятия – это предприятия, торгующие между собой, с населением, с государственными предприятиями. Это – признание необходимости полноценного рынка, где свободно взаимодействуют (производят, покупают и продают) и население, в том числе, объединенное в кооперативы, и предприятия, государственные и кооперативные. И эти кооперативные предприятия «ничем не отличаются от социалистических». Это уже совершенно иное видение социализма по сравнению с дореволюционным и, соответственно, иной видение стратегии построения социализма – не насильственное создание сверху административно централизованной экономики с унифицированным распределением, а постепенное повышение культуры масс⁵ в процессе создания планово-рыночной экономики и освоения экономических методов ее регулирования. Это движение от многоукладности нэпа к постепенной победе социалистического уклада (или укладов) на основе их экономического соревнования при принадлежности командных высот государству рабочего класса и при союзе рабочего класса с крестьянством и, следует добавить, с интеллигенцией.

Это движение было прервано в СССР в 1928 году переходом к насильственной коллективизации, потому что Сталин и его руководство не смогли найти иной, ненасильственный способ обеспечить не 10–12 млн тонн товарного зерна, а требуемые для высоких темпов индустриализации 20 и более млн тонн. Сталинскому руководству не хватило терпения и интеллектуального потенциала, не хватило той самой культуры, о которой говорил Ленин.

Сталинская индустриализация – это вторая попытка реализовать идею прямого централизованного управления и распределения при ликвидации товарно-денежных отношений и рынка. Она (в сочетании с последствиями насильственной коллективизации) немедленно вызвала голод, карточки в сфере снабжения населения, снабжение всех промышленных предпри-

ятий за государственный счет, ликвидацию кредита, резкий скачок затрат и падение производительности труда. Поэтому в 1931–1932 годах, после завершения первой пятилетки потребовалось ужесточение учета и контроля, введение хозяйственного расчета, то есть отдельного баланса для каждого предприятия, использования показателей выручки, себестоимости, производительности труда, прибыли и т.д. и экономических методов стимулирования работников всех уровней (не забывая о моральном стимулировании)⁶.

Созданная в результате к концу 30-х годов в СССР экономическая система представляла собой сочетание командно-административных методов с экономическими при явном преобладании первых, когда предприятия получали плановые задания и по тому, что производить, кому продавать, по какой цене, у кого и по какой цене покупать средства производства, какой фонд зарплаты израсходовать, какие технологии и в каких объемах применять и внедрять. При этом основная часть прибыли у предприятий изымалась, централизовывалась и направлялась в соответствии с планами, разработанными Госпланом и в министерствах. То есть, экономической инициативе масс и предприятий места практически не оставалось. Она тогда казалась многим близкой к идеальной, ибо у большинства интеллигенции левого направления царило представление, что управлять экономикой и планировать ее в принципе не сложно, стоит только избавиться от миллионов частных собственников, создающих хаос. Сомневались в этом в начале XX века только некоторые профессиональные ученые – экономисты.

Эта система, дополненная жесткостью сталинского стиля руководства, более или менее неплохо справлялась с задачами роста на первых этапах развития, но уже в 40-х годах, по мере нарастания сложности экономики, начали проявляться ее многочисленные имманентные недостатки, связанные с блокированием экономической инициативы масс и коллективов. Эти недостатки вели к снижению темпов роста, производительности труда и, главное, к низким тепам научно-технического прогресса. Найти адекватный способ преобразования этой системы, как известно, руководство СССР не сумело, и вместо экономического реформирования оно сломало основы политической системы господства интересов трудящихся. В результате СССР рухнул.

Но ленинская стратегия нашла свое успешное воплощение в Китае, который показывает великолепные экономические достижения и рост благосостояния трудящихся при сохранении и рыночных основ, и государственного сектора, и планово-экономического регулирования вот уже примерно 45 лет. Если им удастся догнать и существенно перегнать развитые капиталистические страны по уровню производительности труда, то это будет исторической победой социализма. Правда, надо признать, что Китаю су-

ественно помогли США, представив ему рынки сбыта, надеясь вырастить из Китая еще одного сильного противника СССР. Но собственный опыт СССР подсказывает, что он мог практически в любое время найти партнеров среди наиболее развитых стран, которым будет выгодно экономически сотрудничать со страной, строящей социализм.

То есть, экономическая стратегия, намеченная Лениным и реализованная нэпом, была правильной стратегией. А снятие товарности и рынка, противоречий между ними, с одной стороны, и интересами общества, с другой, должно разрешаться при наличии власти трудящихся не административным уничтожением товарного производства, а его освоением, развитием и государственным регулированием в интересах всех слоев общества, демократизацией управления, повышением роли трудящихся в управлении. Это принципиально важно [14].

Литература

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. // Соч. Т. 4. М. 1955. С. 419–459.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. // Соч. Т. 23. М. 1959. 907 с.
3. Маркс К. Критика Готской программы. Т. 19. // Соч. Т. 19. М. 1960. С. 9–32.
4. Восьмой съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Март 1919 года. Протоколы. М. 1959. 602 с.
5. Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе. // Экономист. Пг., 1922 г. № 1, 2, 3.
6. Mises L. von. (1920–1921) Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XLVII.
7. Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М. ИД «Социум». 2016. 608 с.
8. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение // М.И. Туган-Барановский. К лучшему будущему. М.: РОССПЭН, 1996.
9. Ленин В.И. К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М. 1970. С. 144–152.
10. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. М. 1970. С. 155–175.
11. Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта // Ленин В.И. Т. 43. М. 1970. С. 57–73.
12. Ленин В.И. О кооперации. /Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М. Госполитиздат. 1970. С. 369–377.
13. Сталин И.В. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства // Соч. Т. 13. М. 1951. С. 51–80.
14. Эпштейн Д.Б. О диалектичности некоторых положений революционной политико-экономической теории // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 62–79.

---

¹ «Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности... В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». [1, с. 438].

² «Выдвигается – как одна из коренных задач – максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану; наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей

и сосредоточения его в наилучших производственных единицах... В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат» [4, с. 382, 407]. /Курсив наш – ДЭ/.

³ «Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти... Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство – за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом...» [10, с. 160].

⁴ «Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным объединением и государственными мерами сверху» [11, с. 69].

⁵ «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной» [12, с. 377].

⁶ «Уничтожение бесхозяйственности, мобилизация внутренних ресурсов промышленности, внедрение и укрепление хозрасчета во всех наших предприятиях, систематическое снижение себестоимости, усиление внутрипромышленного накопления во всех без исключения отраслях промышленности. Таков путь к выходу. И так, внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление – такова задача». [13, с. 76]. См. также <http://istmat.info/node/31749>

В.Ф. Исайчиков

О КОРЕННЫХ ПЕРЕМЕНАХ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА СОЦИАЛИЗМ У ЛЕНИНА

Ленин, развивая на опыте российских революций марксистскую теорию, менял свою точку зрения на социализм неоднократно. Кроме широко известных открытий Ленина о возможности победы социализма в одной стране (и именно в России), он открыл, что в результате этой революции в стране может быть установлена совместная революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства как основа для строительства социализма, и на практике показал это. НЭП являлся лишь одной из форм этой совместной диктатуры.

Lenin, developing the Marxist theory on the experience of Russian revolutions, changed his point of view on socialism repeatedly. In addition to the widely known discoveries of Lenin about the possibility of the victory of socialism in one country (and precisely in Russia), he discovered that in as a result of this revolution in the country, a joint revolutionary democratic dictatorship of the working class and peasantry as a basis for construction socialism, and in practice showed it. NEP was only one form of this joint dictatorship.

Ленин менял точку зрения на социализм неоднократно – и как диалектик не мог не менять точку зрения на развивающееся явление. С другой

стороны, когда Ленин говорил слова, ставшие названием конференции, он на самом деле свою точку зрения не менял!

Марксизм на основе изучения исторической практики доказал (предсказал), что развитие производительных сил неминуемо приведёт к замене частной собственности на средства производства на общественную собственность, и что через диктатуру пролетариата человечество придёт к коммунизму. Но конкретный путь к коммунизму предсказать нельзя, можно высказывать лишь гипотезы, подлежащие проверке и уточнению на практике. В связи с темой доклада упомянем две гипотезы Маркса. Первая: победа коммунизма возможна в результате практически одновременных социалистических революций во всех развитых капиталистических странах. Вторая: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [1, с. 21].

Ленин включился в политическую борьбу в период соперничества сторонников двух социализмов – общинно-крестьянского (народнического) и пролетарского (марксистского) – и встал на сторону пролетарского социализма. Ленина вроде бы даже «занесло влево» в борьбе с крестьянским социализмом, поскольку при подготовке проекта программы партии он писал: «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса. Все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя» [2, с. 204], фактически повторяя Лассалья: «по отношению к которому [рабочему классу] все остальные классы составляют *лишь одну реакционную массу*» [1, с. 14]. Маркс возражал Лассалю, показав, что при определённых условиях, например, при борьбе с феодализмом, и буржуазия, и крестьянство могут быть революционными. В отказе Ленина от поправки Маркса есть загадка: был ли у него действительно «левацкий занос», или для пересмотра мнения Маркса были существенные основания? Старшие товарищи, (Г.В. Плеханов и П.Б. Аксельрод) поправили Ленина, и он не стал с ними спорить. Однако основания у Ленина могли быть: в Западной Европе крестьянство и буржуазия практически потеряли свой революционный потенциал.

Хотя в «практической» части программы Ленин предлагал меры по борьбе с пережитками крепостничества более радикальные, чем будущие меньшевики, его отношение к крестьянству было критическим: «...По отношению к крестьянству мы *вообще не берём на себя* защиты его интересов, как класса *мелких землевладельцев и земледельцев в современном обществе...* Защиту интересов этих классов социал-демократия может брать на себя

лишь при известных обстоятельствах и на известных, точно определённых условиях» [3, с. 310].

Однако жизнь внесла поправки в написанную статью: весной 1902 г. начались крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях, и Ленин пообещал их учесть [3, с. 348]. Эти бунты не имели выраженных требований и были преимущественно голодными: крестьяне захватывали запасы хлеба у помещиков, не требуя ничего другого. И если для писателя Короленко этот бунт был весьма странной и бесплодной «грабизжкой», Ленин почувствовал, что крестьянскому терпению приходит конец, приближается крестьянская революция. Именно после событий 1902 года Ленин от отрицания революционности русского крестьянства перешёл к мыслям о возможности соединения крестьянской революции с революцией пролетарской.

По канонам упрощённо понимаемого марксизма в России ждали буржуазную революцию. Она запоздала по сравнению с передовыми странами на века, но к этому времени внешние условия существенно изменились, и Россия подходила к революции в другом внутреннем состоянии. Капитализм, вступая в фазу империализма, стал расслаиваться на капитализм метрополий и капитализм периферийный, а страны периферийного капитализма, были обречены на постоянное отставание. Первые признаки формирования в стране периферийного капитализма отметил первый русский марксист Н.Ф.Даниельсон в 1880 году в статье, инициированной Марксом [4].

Буржуазия в России была не только слаба, но и мало заинтересована в революции. К ней в полной мере можно отнести слова Энгельса, что буржуазия уже чувствовала: «за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат» [5, с. 7] (возможно, что именно это было основанием для Ленина по отрицанию революционности иных классов). Революция 1905 г. подтвердила это: основной движущей силой в ней выступил организованный пролетариат, в то время как неорганизованное крестьянство ограничилось практически экономической борьбой. Хотя Первая русская революция не достигла основных целей, но напор крестьянства существенно изменил взгляды Ленина на будущую революцию.

Уже во время революции Ленин придумал «формулу»: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [6, с. 371]. На отход от Маркса, у которого вообще нет ни слова о совместных диктатурах, и, тем более, о совместной диктатуре рабочего класса с крестьянством (которое и классом уже не является), набросились меньшевики. Но странное дело: страстный полемист Ленин именно этот вопрос обошёл по существу. Он либо отговорился публицистически: «Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение соци-

ал-демократов, вызывает лишь улыбку» [6, с. 389], либо сослался на официальные резолюции большевиков, в которых говорилось о руководящей роли рабочего класса.

На самом деле в позиции Ленина не было ничего народнического; *он дал реальную, научную оценку предстоящей революции*. К теоретическому вопросу о совместных диктатурах различных классов Ленин пришёл не от умозрительных построений, а от практики русской революции: «...если рассматривать вопрос ... *в целом*, то никто не сможет на конкретных примерах из опыта 1905 года показать, как могла бы победоносная революция не быть диктатурой пролетариата и крестьянства» [6, с. 377]. Но это был принципиально новый взгляд на возможный социализм в России.

Почему же Ленин затушёвывал отход от классиков? Ведь его доказательства неизбежности именно такого результата победоносной революции были убедительны. Но Ленин не был кабинетным теоретиком, он был лидером партии; углубляться в период реакции, разброда и шатаний в теоретический спор по вопросу на тот момент не актуальному Ленин считал неразумным. Вопрос же о «новом издании крестьянской войны» зависел и от способности правительства провести радикальную аграрную реформу. Все политические силы России понимали её необходимость, однако столыпинские реформы не только запоздали, но, главное, были направлены на безнадежное дело: укрепление капиталистических отношений в деревне только за счёт уничтожения общины, без ликвидации полуфеодалного помещичьего землевладения. Царская власть не решилась сменить свою помещичью опору на опору кулацкую, и Николай II получил революцию «снизу».

Во время Первой мировой войны Ленин развил (пересмотрел) взгляды на империализм как новую стадию капитализма, а также пришёл к выводу о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране. Затем он пришёл к выводу, что такой страной может стать Россия. В этом был несомненный пересмотр взглядов на мировой социализм.

Война и разруха привели к всеобщему кризису в стране, во время Февральской революции защищать старую власть никто не хотел. Но и выхода из кризиса буржуазные и мелкобуржуазные партии не могли предложить. Только большевики (точнее, их вождь Ленин) смогли предложить программу выхода из кризиса. Не только меньшевики, но и большевики понимали, что Россия не готова для социалистической пролетарской революции; за полтора месяца до Октябрьской революции Ленин предложил программу выхода из кризиса *в рамках капиталистической системы* [7]. Меньшевики и эсеры, самозабвенно болтая о революции, вели страну к анархии, «к поножовщине» [8]. В воспоминаниях М. Горького есть слова Ленина, в которых обоснована необходимость неподготовленной Октябрьской революции:

«Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках – не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу» [9, с. 34]. Именно для предотвращения крестьянской анархии большевики были вынуждены взять власть, несмотря на опасность превращения пролетарской социалистической революции в патриархально-народнический «крестьянский социализм».

Октябрьская революция была рабоче-крестьянской: в ней совместились антифеодальная крестьянская революция и антикапиталистическая рабочая революция, в её результате образовалась не предсказанная Марксом совместная диктатура рабочего класса и крестьянства. В первые же дни Советской власти были приняты декреты о земле, о мире, о восьмичасовом рабочем дне, упразднены сословия, провозглашены равноправие женщин и права наций и др., отвечавшие интересам большинства населения страны и очистившие страну от феодальных пережитков. Однако крестьянская составляющая революции несла в себе не только прогрессивные, но и реакционные черты. Например, большая часть эффективных сельскохозяйственных предприятий, организованных по-капиталистически, была растащена крестьянами.

В первом же документе, написанном Лениным после свержения Временного правительства, дана классовая характеристика происшедшей революции: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась» [10]. Однако вскоре Ленин сам стал реже говорить о Советской власти как рабоче-крестьянской, и не возражал, когда товарищи по партии твердили о диктатуре пролетариата.

Изменил ли при этом Ленин свой взгляд на социализм в России? Нет, не изменил. Но в условиях, когда численность потомственного рабочего класса крупного машинного производства – «природного носителя социализма» – была в сотни раз меньше численности крестьянства, для устойчивости нового строя неразумно было напоминать неустойчивому и малоорганизованному союзнику о совместной диктатуре. Партия и рабочий класс стремились действовать в интересах крестьянства и вести его, но не делить власть, ибо мелкое и распылённое крестьянство само не могло выражать свои интересы.

Крестьянство, получив от Советской власти бесплатно землю и не платя налоги, не думало о том, чтобы накормить город: если с 1 августа 1916 по 1 августа 1917 г. было заготовлено 320 млн. пудов хлеба, то в следующий год – только 50, а потом 100 и 200 млн. пудов; при 50 млн. пудов, собранных по продразвёрстке – это голод в городах [11, с. 149]. Зато крестьяне впервые были не только сытыми, но и буквально обжирались, скармливая зерно скоту и перегоняя на самогон. Например, в 1919–1920 гг. в Самарской гу-

бернии на одного взрослого едока потребление составляло 4 479 ккал (при норме ВОЗ – 2300–2400 ккал) [12, с. 485], в то время как в Петрограде, половина населения которого сбежала от голода, только от истощения в 1920 г. умирало 37 человек на 10 000 населения (а при голоде резко увеличивается смертность и от болезней) [13, с. 392]. Советской власти ничего не оставалось, как продолжить начатую царским правительством продразвёрстку, при этом в 1918 г. действовало только 122 продотряда, которые собирали хлеб на малой части территории России [12, с. 89].

Знал ли Ленин, что «военная уравниловка», названная пропагандистски «военным коммунизмом», никаким коммунизмом не является? Не мог не знать. Знал ли он о том, что утаивание хлеба – это один из видов классовой борьбы? И о том, что спекуляция хлебом – дело не только буржуазии, но и всего крестьянства, имеющего хлеб? Тоже знал. Но в статье «О голоде» в качестве виновников голода он назвал только буржуазию и кулаков – важных, но не основных владельцев товарного хлеба [14]. В интересах революции и того же крестьянства надо было разъединить крестьянство, взять в союзники крестьянскую бедноту – и с укрывателями хлеба стали бороться не столько приезжие продотряды рабочих, сколько местные бедняки, получающие долю от изъятого хлеба.

Но в статье «Очередные задачи Советской власти» [15] нет никаких задач по взаимоотношению с крестьянством, как нет никаких слов о «военном коммунизме» и прямом продуктообмене. Насильственный отъем хлеба у крестьянства никакой теории не требовал. И пока стояла задача борьбы с интервентами и белогвардейцами, этот механизм худо-бедно работал, тем более, что порки крестьян и возврат помещичьей земли на оккупированных территориях являлись «хорошим» агитатором для крестьян за Советскую власть. После окончания войны вопрос об отказе от «военной уравниловки» и продразвёрстки был только в том – в какой момент от них следует отказаться? В партии не было единства по этому вопросу – одни предлагали срочно отказаться от продразвёрстки, другие считали возможным на время использовать налаженный механизм Наркомпрода. Для того, чтобы с лучших экономических позиций (то есть, с некоторого запаса хлеба) разворачивать восстановление промышленности и транспорта от разрухи (а большевики так и не вышли на уровень дореволюционной продразвёрстки), Ленин поддерживал продолжение продразвёрстки.

Но крестьянские восстания и Кронштадт показали, что крестьяне уже не желают мириться с продразвёрсткой, что классовая борьба с крестьянством угрожает революции и строительству социализма – и Ленин тут же принял решение о замене продразвёрстки продналогом. При этом никакой перемены во взгляде на социализм у Ленина не было; в своей брошюре «О продналоге» Ленин повторил часть статьи весны 1918 года – «О «ле-

вом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Гражданская война нарушила планы мирного экономического строительства, но не изменила их содержание и цели; Новая экономическая политика на самом деле не была новой. Она была экономической основой для сохранения «революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства» и предполагалась «всерьёз и надолго». На какое конкретно время был рассчитан НЭП? На этот вопрос ответить трудно, ибо тогда не было ни опыта строительства социализма, ни методик, ни техники расчёта, да и в принципе НЭП должен отмирать естественным путём, а не указам свыше. Можно лишь установить качественный рубеж для НЭПа: как только рыночные отношения станут превращаться в тормоз развития экономики, их следует упразднить. В СССР НЭП был прекращён задолго до достижения этого уровня, а в КНР и Вьетнаме НЭП ещё продолжает развиваться.

И небольшие дополнения. Во-первых, историками показано, что Ленин, которому не раз приходилось заметно опережать в оценке событий своих товарищей, чтобы их не обижать упрёками, придумал хитрую формулу: говоря об ошибках партии, он часто говорил «мы ошиблись», в то время как на самом деле ошибались его товарищи, не понявшие его предсказаний. Во-вторых, Ленин давал возможность товарищам ошибаться вместо того, чтобы изо всех сил доказать их ошибки: всё-таки товарищи кое-чему учились на ошибках. И лишь в критических ситуациях вроде Брестского мира или вопроса об «автономизации», Ленин шёл до конца в своей борьбе; как известно, в случае Брестского мира он был готов выйти из партии и создать новую. Так что к словам Ленина «мы ошибались» или «мы вынуждены признать» следует относиться с пониманием его методов работы.

Литература

1. Маркс К. Критика Готской программы М. Политиздат. 1989. С. 21.
2. Ленин В.И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 6. М. 1963. С. 203–210.
3. Ленин В.И. Аграрная программа русской социал-демократии // Там же. С. 303–348.
4. Николай – он (Даниельсон Н.Ф.) Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, 1880, отдельный оттиск статьи из журнала «Слово».
5. Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» с добавлением к третьему изданию – в «Крестьянская война в Германии». М. 1989.
6. Ленин В.И. Цель борьбы пролетариата в нашей революции // Там же. Т. 17. С. 370–390.
7. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Там же. Т. 34. С. 151–199.
8. Протокол заседания Петербургского комитета РСДП(б) 01.11.1917 / Троцкий Л.Д. Пропавшая грамота: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1931/stalin_school/04.htm (дата обращения: 12.11.19).
9. Горький М. В.И. Ленин М. 1972. 64 с.
10. Ленин В.И. Там же. Т. 35. С. 2.
11. Ленин В.И. VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике 22 декабря // Там же. Т. 42. М. 1970. С. 128–161.

12. Нефёдов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М. Дело. 2017.
13. Жиромская В.Б. Основные проблемы отечественной демографической политики в 1920-е годы // НЭП: экономические и социокультурные аспекты. М. 2006. С. 389–403.
14. Ленин В.И. О голоде // Ленин В.И. Избр. произвед. В 3-х т. Т. 2. М. 1976. С. 660–666.
15. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Там же. Т. 2. С. 592–625.

Р. Алонци

НЭП И НОВАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СССР: УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ИТАЛИЕЙ В 1924 г.

В работе показывается тесная взаимосвязь между НЭП и новым курсом дипломатии, направленным на достижение признания советского государства западными странами. О его осуществлении рассказывается на примере сближения в начале 1920-х годов Советской России с Италией. Признание СССР со стороны Италии, которую всего на неделю опередила Англия, способствовало его выходу из дипломатической изоляции. В течение 1924 г. СССР установил дипломатические отношения с Норвегией, Австрией, Швейцарией, Грецией и Данией. Тем самым новая дипломатическая политика в период НЭПа принесла свои плоды.

The article analyzes the close link between the NEP and the new diplomatic course aimed at achieving the recognition of the Soviet state by Western countries. The author examines its implementation by taking as an example the rapprochement between Soviet Russia and Italy in the early 1920s. The recognition of the USSR by Italy, which was preceded a week earlier by the recognition accorded by Great Britain, contributed to Russia's exit from diplomatic isolation. In 1924 the USSR established relations with Norway, Austria, Switzerland, Greece and Denmark. In conclusion, the new course in diplomacy during the period of the NEP bore fruit.

НЭП (Новая Экономическая Политика) была явлением не только экономического, но и дипломатического характера. При ее создании В.И. Ленин и Г.В. Чичерин заложили основы для мирного сосуществования с капиталистическим миром. Однако НЭП не могла осуществиться без восстановления дипломатических отношений РСФСР с «капиталистическими» странами.

Дипломатические предпосылки НЭП проявились во время прекращения вмешательства союзников России в гражданскую войну. Хотя западные державы представили свое вмешательство как продолжение войны против немцев в Восточной Европе, в годы гражданской войны их экспедиционные силы не были нейтральными. Они блокировали побережье России при помощи своего флота, заняли Одессу и Батум на Черном море, поддерживали Белую гвардию против Красной армии. Однако на Западе вскоре начали

происходить перемены в настроениях масс и правительств по отношению к новой власти в России. При этом учитывалась необходимость преодоления трудностей, возникших в экономике западных стран после Первой мировой войны, и стремление решить проблемы посредством восстановления с ней торговых отношений. Уже летом 1919 г. премьер-министр Италии Ф. Нитти, выступая в парламенте, заявил, что за политикой интервенции последует экономическое сотрудничество с Россией. В тех обстоятельствах итальянское правительство высказало пожелание, чтобы новая Россия не прибегала к каким-либо действиям, направленным на установление в Италии режима большевистского образца¹. В январе 1920 г. Великобритания и Италия заявили о прекращении вмешательства во внутренние дела России, а летом того же года Великобритания выразила готовность не только посредничать в советско-польском урегулировании, но и вести в Лондоне торговые и неформальные политические переговоры с РСФСР².

На X съезде Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) 15 марта 1921 г. была одобрена «политика Советской власти, направленная к установлению нормальных торговых отношений между Советской республикой и другими странами путем заключения торговых договоров и соглашений»³. Великобритания оказалась первой державой, отозвавшейся на требования проводимой РСФСР новой политики. Подписанный 16 марта 1921 г. англо-советский торговый договор положил конец взаимному антагонизму и открыл новый путь к налаживанию дипломатических отношений между Западом и Востоком. 14 марта 1921 г. в Италию прибыла российская экономическая делегация во главе с дипломатом В.В. Воровским. 26 декабря 1921 г. состоялось подписание Предварительного русско-итальянского торгового соглашения.

В октябре 1921 г. Чичерин предложил созвать международную конференцию, чтобы обсудить возможность для частного предпринимательства и капитала начать сотрудничать с целью использования природных ресурсов России. Москва предложила взять на себя царские долги в обмен на предоставление союзниками кредитов и признание нового советского правительства. 28 октября 1921 г. правительство РСФСР направило властям Англии, Франции, Италии, Японии и США ноту, в которой подчеркивалось, что политика делового сотрудничества с другими странами является одной из основных целей советской дипломатии. Россия выражала согласие обсудить вопрос о признании довоенных долгов царского правительства на условиях прекращения всяких действий, угрожающих безопасности советских республик, гарантии неприкосновенности их границ, рассмотрения взаимных претензий и заключения окончательного мирного договора. Для обсуждения этих вопросов Москва предлагала созвать международную конференцию⁴. При этом западные страны требовали от Москвы «безоговорочного

признания всех довоенных долгов бывшей Российской империи»⁵, и 8 января 1922 г. наркоминдел Чичерин направил Верховному совету Антанты телеграмму, в которой сообщалось, что «Российское правительство с удовлетворением принимает приглашение на европейскую конференцию...» и что со стороны России «не будет каких-либо препятствий к быстрому ходу ее работы»⁶.

Решение о созыве Генуэзской конференции было принято по инициативе Великобритании на совещании Верховного совета Антанты в Канне (Франция) 6 января 1922 г. Генуэзская конференция (10 апреля – 19 мая 1922 г.) имела большое значение для РСФСР, которая добивалась международного признания. Российская делегация выразила готовность обсудить вопрос о форме компенсации бывшим иностранным собственникам в России при условии признания страны Советов де-юре и предоставления ей кредитов. В ходе Генуэзской конференции советскому правительству удалось заключить Рапальский договор 1922 г. с Германией. Соглашение о выплате царских долгов не было достигнуто. Делегация России хотела показать, хотя это и было само собой очевидно, что правительство РСФСР не сможет взять на себя никаких обязательств в отношении долгов своих предшественников, пока оно не будет официально признано де-юре заинтересованными державами⁷.

Пришедший к власти в октябре 1922 г. Б. Муссолини был заинтересован в сближении с Россией как шаге, связанном с перспективой достижения равновесия в международном балансе сил, так и в плане укрепления своей власти внутри страны. Проявление интереса к России давало ему возможность усилить свое политическое влияние на трудящиеся массы, а также на предпринимателей и коммерсантов. Муссолини, добиваясь четкого разделения между внешней и внутренней политикой, в отличие от Нитти считал, что одна совершенно независима от другой, и отдавал приоритет внешней политике⁸. С одной стороны, Муссолини преследовал коммунистов и социалистов, чтобы предотвратить их объединение, с другой, – он стремился установить контакты с Советской Россией. Это было противоречие, решение которого Муссолини «оставил внешней политике НЭП»⁹.

Ещё до прихода к власти Муссолини, 24 мая 1922 г. Италия подписала с РСФСР новое, более полное экономическое соглашение. Муссолини 15 ноября 1922 г. заявил В.В. Воровскому, что в своей политике Италия будет руководствоваться реальными интересами и готова договориться о признании советского правительства де-юре¹⁰.

Лозаннская конференция (20 ноября 1922 – 24 июля 1923 гг.), созванная по инициативе Великобритании, Франции и Италии для подготовки мирного договора с Турцией, предоставила значительную возможность улучшить отношения между фашистским и большевистским правитель-

ствами. Она стала необходимой после победы национально-революционного движения во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком, который выступил против подписания Османской империей Севрского договора. На конференции была predetermined дальнейшая судьба черноморских проливов, а геополитика Турции и судьба территорий бывшей Османской империи пересмотрена. Англия опасалась, что равное присутствие России на конференции приведет к укреплению турецкой позиции. Именно благодаря итальянскому посредничеству российский делегат был допущен к ограниченному участию вместе с украинским и грузинским делегатами.

Параллельно с работой конференции Советский Союз в феврале 1923 г. направил правительству Италии первоначальный запрос о политико-экономическом сотрудничестве. Воровский попросил министра иностранных дел С. Контарини организовать систему более стабильных и лояльных политических отношений с Италией¹¹. Муссолини, со своей стороны, в обмен на прекращение большевистской пропаганды в Италии был готов к снятию идеологических условностей, омрачавших итало-российские отношения¹². Однако убийство Воровского уменьшило способность советской делегации отстаивать свои интересы на конференции в Лозанне и проводить в жизнь указания Ленина, и это затормозило развитие итало-российских дипломатических контактов.

Решающим поворотным моментом стало назначение в Италию преемника Воровского Н.И. Иорданского. Инициаторами заключения соглашения с Советской Россией выступали итальянские политические и экономические круги, они навязывали свое мнение правительству и дипломатам. В соглашении были заинтересованы некоторые фракции фашистской партии и националистические круги, но также, конечно, предприниматели, заинтересованные в российском рынке, и прежде всего те, кто был связан с итало-российской торговой палатой в Милане, т.е. представители CICE и Коммерческого банка¹³.

Кризис на Корфу и вопрос о Фиуме стали поводом для нового раунда итало-советских переговоров. Российское правительство фактически считало Грецию ответственной за кризисную ситуацию на Корфу. Точно так же оно поддержало итальянские претензии на Фиуме (Риека), считая, что Югославия стала приютом сторонников царизма. Именно в конце кризиса на Корфу дипломаты Италии и РСФСР в декабре 1923 г. начали серьезные переговоры по подготовке торгового договора.

Муссолини не стал ставить препятствия для признания Советской России де-юре, отложив вопрос о долгах царизма и компенсации национализированной собственности итальянским подданным на более поздний срок¹⁴. Взамен он попросил только заключить действенный торговый договор и предоставить уступки в ценах на сырье.

Тем временем в Британии консерваторы проиграли выборы, было создано лейбористское правительство, в программу которого входило признание Советской России. В ожидании развития ситуации в Британии советская делегация в Италии начала занимать уклончивую позицию.

Правительство Макдональда 1 февраля 1924 г. признало де-юре Советский Союз. Муссолини не был проинформирован об этом. Проиграв «гонку» с Лондоном, он одобрил 6 февраля заключение итало-советского договора. Так, 7 февраля 1924 г. в Риме были подписаны торговый договор и таможенная конвенция между Италией и СССР.

Они не вызвали существенных изменений в итало-российских экономических отношениях, которые существовали и до этого. Проводившиеся на его основе торговые операции продолжали отличаться непостоянством. Однако с подписанием итало-советского договора после заключения также и итало-югославского соглашения был сделан шаг вперед в политике безопасности в дунайско-балканском регионе: это была линия, которую Контарини как искусный дипломат пытался вести на этой деликатной шахматной доске¹⁵.

Признание СССР со стороны Англии и Италии способствовало его выходу из дипломатической изоляции. Последствия проявились незамедлительно. В течение 1924 г. СССР установил дипломатические отношения с Норвегией, Австрией, Швейцарией, Грецией и Данией. Тем самым новая дипломатическая политика в период НЭП принесла свои плоды.

---

¹ Хормач И.А. Советско-итальянские отношения в межвоенный период (1921–1939 гг.) // 1918–2018. Век истории в особняке Берга (под ред. Алонци Р., Масловой Е.). М. 2019. С. 198.

² Алонци Р. Страны Антанты и русская революция: дипломатический аспект // Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. XII Плехановские чтения. Материалы к международной конференции 30 мая – 1 июня 2017 г. Российская национальная библиотека, Санкт Петербург. СПб. 2017. С. 99.

³ Десятый съезд РКП (б). Март 1921 г. Стеногр. отчёт. М. 1963. С. 611.

⁴ Документы внешней политики СССР. Том 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. М. 1960. С. 281–286.

⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 2. М. 2002. С. 63.

⁶ Документы внешней политики СССР Том 5. 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. М. 1961. С. 47–48.

⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 5, цит. С. 167; Белковец Л.П., Белковец С.В. Пять лет «красной дипломатии». Советская Россия на международной конференции в Генуе // Международные отношения. 2017. № 2. С. 60–88; Fink C. The NEP in Foreign Policy: the Genoa Conference and the Treaty of Rapallo // G. Gorodetsky (ed.) Soviet Foreign Policy, 1917–1991. A retrospective. London, 1994. С. 11–20.

⁸ Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche 1917–1925. Roma-Bari. 1982. P. 236.

⁹ Ibid.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 688.

¹¹ Documenti Diplomatici Italiani, Serie VII (1922–1935). Vol. 1 (7 febbraio – 31 dicembre 1927). Roma, 1967. P. 369–370.

¹² Petracchi G. Op. cit. P. 233.

¹³ См.: Любин В.П. Итало-советские торгово-экономические отношения в 20-е годы // Вопросы истории. 2012. № 1. С. 54–72.

¹⁴ Documenti Diplomatici Italiani, Serie VII (1922–1935). Vol. 2 (27 aprile 1923 – 22 febbraio 1924). Roma. 1955. P. 351–352.

¹⁵ Pizzigallo M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana, 1922–1924. Milano. 1983. P. 187.

В.П. Любин

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ИТАЛИИ В 1920-е ГОДЫ

Торгово-экономические отношения России и Италии существовали издавна. СССР и Италия возобновили и успешно развивали их в 1920-е годы, исходя из потребностей послевоенного восстановления. Большую роль в этом сыграла итальянская компания «Чиче». Взаимовыгодная торговля включала широкий ассортимент производимой продукции, это обогатило экономики двух стран и улучшило двусторонние отношения.

Trade and economic relations between Russia and Italy have long existed. The USSR and Italy renewed and successfully developed them in the 1920s, based on the needs of post-war reconstruction. The Italian company “Cice” played a large role in this. Mutually beneficial trade included a wide range of products, this enriched the economies of the two countries and improved bilateral relations.

Представленные тезисы доклада основаны на материалах из фондов российских и итальянских архивов, изданиях документов, на соответствующей научной литературе из России и Италии, а также на российских публикациях и неопубликованном тексте на итальянском языке автора данного доклада (см. список источников и литературы).

Вновь образованное на руинах Российской империи 30 декабря 1922 г. государство – СССР после бурных событий революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг., остро нуждалось в восстановлении экономики и возобновлении торговых отношений в первую очередь с развитыми странами Европы, в число которых входила и Италия. После Генуэзской конференции и попутного заключения тогда же в Рапалло близ Генуи договора с Германией Советская Россия пыталась расширить круг торговых партнеров. Все упиралось в официальное признание нового государства – РСФСР и потом СССР со стороны бывших главных экономико-коммерческих партнеров Российской империи. Италия стала второй из ведущих экономически развитых держав после Англии, официально признавших СССР в самом начале 1924 г. [подробнее см., напр.: 18].

Торгово-экономические связи между Италией – или итальянскими государствами до их объединения в 1861 г., расположенными на территории Апеннинского полуострова – и Россией развивались издавна и не раз освещались в основательных научных исследованиях как отечественных, так и итальянских историков. Так, ленинградская исследовательница И.С. Шаркова [22] посвятила книгу данным связям с XV до первой четверти XVII в. В фундаментальной монографии Дж. Берти наряду с политическими анализировались и торгово-экономические связи итальянских государств с Российской империей в XVIII–XIX вв. [11]. О них же писал, хотя его работы затрагивали больше дипломатические аспекты отношений, один из итальянских специалистов по России Дж. Петракки [16, 17, 27, 28]. По истории отношений в первой половине XX в. издала свои монографии д.и.н. из ИРИ РАН И.А. Хормач [20, 21]. Написал несколько работ и автор данного доклада [см. 13, 14, 15, 24, 25]. Некоторые подробности о развитии отношений Италии с большевистской Советской Россией в начале 1920-х годов приведены в работе бельгийского историка С. Нуаре [26]. Замечательную фундаментальную монографию о деятельности внесшего самый большой вклад на поприще развития итало-советских торговых отношений Ф.Маринотти издали в 2008 г. двое итальянских специалистов по экономической истории В. Кастроново и А.М. Фалькерио [23]. При этом ими 27 раз в первой главе этой монографии процитирована моя работа о том же «герое» итальянской и советской истории 1920-х годов [23, с. 27–77, 289–291]. Она написана на архивных материалах и переведена на итальянский язык на десять лет ранее, в 1999 г., но так и не вышла, как было обещано миланским издательством Маринотти, отдельным изданием [см. 24], частично она использована в данных тезисах. Большой вклад в продолжение изучения тематики истории итало-советских связей внесли три научных конференции в МГУ в 2012–2013 гг., на них были представлены и доклады отечественных и итальянских историков о развитии торгово-экономических связей в 1920–30 гг. [12, 13, 16, 17, 18, 19].

Чтобы лучше понять, на какой основе были возобновлены итало-советские торговые отношения в 1920-е годы, следует обратиться к непосредственно предшествовавшему периоду, т.е. началу XX в. и Первой мировой войне, в ней оба государства воевали вместе в лагере Антанты. Итало-русское сближение 1900–1915 гг. напрямую способствовало развитию данных связей [см.: 23]. Найденные мною в отечественных архивах [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7] документы свидетельствуют, что Россия закупала у Италии накануне и в ходе Первой мировой войны широкий ассортимент разнообразных товаров, как военного – от стрелкового оружия до подводных лодок фирмы ФИАТ, так и гражданского назначения [см. об этом, напр.: 1, ф. Канц., оп. 470, д. 34, л. 155; 4, ф. 418, оп. 1, д. 3789; 5, ф. 23,

оп. 11, д. 54, л. 80–82, ф. 1276, оп. 10, д. 676, л. 10, оп. 11, д. 1450; 7, ф. 413, оп. 2, д. 141].

Подготовивший аналитическую справку для советского правительства, намеревавшегося восстановить торгово-экономические отношения с Италией, экономист Я. Фишман подчеркнул, что война Италии с Турцией 1911–1912 гг., затем 3,5 года ее участия в империалистической войне изменили ее хозяйственный уклад и экономику. Торговлю, производство и потребление все это время контролировало государство. И хотя Италия вышла из войны обнищавшей, с расстроеными финансами и ослабленным сельским хозяйством, ее индустрия усложнилась, стала «закаленной и мощной». Все это время страна «лихорадочно строила, расширяла и углубляла свое производство» [7, ф. 413, оп. 3, л. 141, л. 52]. Но кризис послевоенных лет в Италии не внушал оптимизма.

В России после захвата власти большевиками правительству РСФСР во главе с Лениным удавалось преодолевать множество подводных рифов и не посадить страну на мель. Для Италии баланс войны оказался очень тяжелым, страна понесла необычайно высокие потери. Из общего числа населения, насчитывавшего тогда 36 млн человек, 680 тыс. солдат пали на поле боя, 1,55 млн было ранено и 600 тыс. попали в австро-венгерский плен. Число итальянских дезертиров во время Первой мировой войны достигло 1,1 млн человек [15, с. 199]. Плоды военной победы в Италии омрачались тем, что выполнение секретных статей Лондонского договора от 26 апреля 1915 г., которые гарантировали Англия, Франция и Россия, из-за того, что последний из этих гарантов досрочно выбыл из войны в результате революции и установления другого государственного режима, оставалось под вопросом.

Большую роль в определении условий послевоенного устройства играли теперь США, подписи которых под Лондонским договором не было. Президент США объявил, что они выступают против империалистических устремлений, содержащихся в тайных договорах [подробнее см.: 10]. Хотя итальянский премьер-министр Орландо формально наряду с Вильсоном, Ллойд Джорджем и Клемансо и входил в главную четверку, определявшую дипломатическую погоду в Версале, с ним мало считались. На направленную 14 февраля 1919 г. ноту Советской России о восстановлении отношений, признании и возвращении ее в международное сообщество итальянское правительство не ответило. Несмотря на то, что в июне 1918 г. министр иностранных дел Италии С. Соннино на межсоюзнической конференции в Париже ясно высказался за сохранение территориальной целостности России [9, с. 13–28]. По мирному договору в Сен-Жермене Италия смогла получить лишь часть ранее затребованного: Трентино и Южный Тироль до Бреннера, Горицию, Триест и Истрию.

В финансовом выражении война стоила Италии 137,233 млрд лир, эта сумма была равна одной трети национального достояния. Позиции Италии на переговорах в Версале осложнялись тем, что ее долг – к концу войны страна задолжала Америке 1,648 млрд долларов и Англии 477 млн фунтов стерлингов – ставил ее в весьма уязвимое и зависимое положение. Внутренний государственный долг, составлявший на 1 августа 1914 г. 15,281 млрд лир, к концу войны составил 89,338 млрд, а к 1920 г. достиг 95,017 млрд лир. Если взять индекс потребительских цен по состоянию на 1913 г. как 100 пунктов, то рост цен к концу войны привел к увеличению данного индекса до 409,1, а в 1920 г. достиг 624. Уже к апрелю 1919 г. число безработных составило 398.598 человек [15, с. 200].

Правящие круги Италии страшно боялись звучащих в стране призывов «Сделать как в России». Удалось расколоть набравшее мощь социалистическое движение [15] и привести к власти в октябре 1922 г. фашизм, его диктатура продлилась до 1943 г. Фашистский режим ввиду плачевного положения послевоенной итальянской экономики был вынужден искать пути выхода из кризиса. Один из них виделся новому премьер-министру Муссолини на путях установления дипотношений с СССР и возобновления взаимовыгодного торгового обмена, от которого Италия много выигрывала еще до войны.

Государственные и частнопредпринимательские структуры Италии пытались искать выход из всеохватывающего кризиса. Кое-кто видел его на путях восстановления связей с Россией, освоения ее необъятного рынка. Руководство Советской России было не менее заинтересовано в возобновлении связей с традиционными европейскими партнерами, их привлечения к подъему советской экономики. 21 сентября 1921 г. Л.Б. Красин в «строго секретном» письме сообщал Ленину о переговорах с германскими предпринимателями и финансистами о возобновлении отношений [6, ф. 2, оп.2, д. 933, л. 1–9]. Кроме Германии, другой потенциально значимой страной большевистскому руководству виделась Италия.

В целях возобновления партнерства итальянские предприниматели уже в 1918 г. создали в Милане итало-русскую палату. В объединение «Compagnia Industriale Commercio Estero» сокращенно «Чиче», вошли Аньелли, Пирелли, Мариноти, Конти и др., его целью было «возобновление и укрепление нормальных, прочных отношений с Россией» [5, ф. 513, оп. 2, д. 1537, л. 1]. Прелиминарное русско-итальянское торговое соглашение было подписано 26 декабря 1921 г. в Риме дипломатическими представителями своих стран (в России П. Делла Торрета, в Италии – В.В. Воронский). Если в первые годы советской власти «вся внешняя торговля России на ближайшее время представлялась крайне неясной» [5, ф. 123, оп. 1, д. 3, с. 36], то после Генуэзской конференции в 1922 г. глава «Чиче» Маринотти

подписал проект договора с Наркоматом внешней торговли об импортно-экспортной деятельности [8, F. Marinotti, Note Autobiografiche (1933), SPD, CR, busta 102, fasc. X/R, „Riccardo Gualino“]. Сам он с этих пор играл ведущую роль в итало-советских отношениях [23, 24]. Так Италия в 1920-е годы стала во многих сферах вторым после Германии торговым партнером СССР [13].

Нередко установлению прочных деловых отношений мешали иные факторы, например, попытки Коминтерна готовить революционные потрясения в Италии. Убийство Воровского в Лозанне в 1923 г. негативно повлияло на связи двух стран. Сменявшие его представители, а потом и послы в Риме: Н.И. Иорданский, К.К. Юренев, П.М. Керженцев, Л.Б. Каменев, Д.И. Курский в 1920-е годы старались всемерно развивать торговые связи. Захвативший в 1922 г. власть в Италии фашистский диктатор Б. Муссолини доверительно признавался Керженцеву, что Италия «бедная страна», она «беднее Германии и даже Чехословакии», а Россия располагает богатыми ресурсами [2, ф. 098, оп. 8, п. 111, д. 143, л. 124]. Поэтому итальянское правительство всячески поддерживало деятельность «Чиче» в поощрении итало-русского экспорта и импорта. Поначалу и советское правительство устраивало почти все в деятельности «Чиче» и ее главы Ф. Маринотти.

Благодаря заключенному в 1925 г. торговому договору были достигнуты заметные результаты. Так, за 9 месяцев 1924 г., еще до его официальной ратификации, экспорт из СССР в Италию возрос на 68%, импорт на 22%, она занимала 5 место (4,1%) в общем советском экспорте [7, ф. 5240, оп. 19, д. 295; 21, с. 255–256]. Из СССР в Италию экспортировалась пшеница, сырая нефть (более 57% ее экспорта из Советского Союза в 1926 г.) и нефтепродукты, коконы (в 1925 г. 92% их экспорта), каменный уголь, древесина, марганцевая и железная руда, кожи, конский волос, семена, ковры, самоцветы и прочее. Из Италии ввозились традиционные товары: цитрусовые, шелковичная грена, сера, пряности, кофе, какао, кислоты, обувь, кожаные изделия, продукты химической промышленности, суда и автомобили.

Со временем советскую сторону, установившую монополию внешней торговли, начала тяготить монополия «Чиче», об этом сообщали в донесениях из Италии советские дипломаты. Противовесом засилью «Чиче» в СССР стало предоставление концессий другим компаниям, как итальянским, так и смешанным. Ратифицированный под давлением Муссолини итальянским парламентом в 1925 г. торговый договор автоматически продлевался и в дальнейшем. В 1928 г. М.М. Литвинов характеризовал установившиеся отношения двух стран, несмотря на различие их социально-политических систем, как положительный пример [14, с. 69].

Мировой экономической кризис затормозил развитие советско-итальянских торговых отношений. Объем промышленного производства в

Италии сократился с 1929 по 1932 г. на одну треть. Итальянский экспорт уменьшился за три года в два раза, импорт в 2,7 раза. Была вынуждена прекратить свою деятельность на русском рынке и компания «Чиче». Результаты ее деятельности были изложены Маринотти во время его последнего посещения фашистского диктатора Муссолини 19 июля 1933 г. [8, cit.]. Потери итальянского народного хозяйства могли быть компенсированы за счет расширения сотрудничества с СССР. Его форсированная индустриализация в ходе первых пятилеток предоставляла возможности загрузить итальянские предприятия судостроительной, машиностроительной, химической, военной отраслей промышленности советскими заказами. В августе 1930 г. было подписано соглашение о закупке Советским Союзом в ближайшее время продукции итальянской промышленности на сумму 200 млн лир. Предполагалось купить суда, торговое оборудование, подшипники, оборудование для металлургической, химической, горнодобывающей промышленности, электрооборудование, автотранспорт, тракторы, самолеты, авиамоторы, измерительные приборы, оптику, металлы, продукты химической промышленности, удобрения. В этом ряду находились изделия военной индустрии: самолеты, моторы, пушки. Италия не приняла участия в начатой по американской инициативе летом 1930 г. дискриминации советских товаров из-за занижения их стоимости. По мнению итальянского руководства, международный фронт против советского демпинга потерпел провал благодаря Италии и Германии. Оно высказалось за развитие взаимовыгодных итало-советских отношений, «независимо от политических страстей» [21, с. 297].

В 1930-е годы эти отношения, в которых были заинтересованы обе страны, продолжали поддерживаться. Но изменившаяся международная обстановка, все более агрессивная политика итальянского фашизма, не способствовали их развитию. Удар по ним нанесла Вторая мировая война, в которой страны оказались в противоположных воюющих коалициях. Восстановленные после войны отношения выстраивались на существовавшем историческом фундаменте и плодотворно развиваются до сих пор.

Источники

1. Архив внешней политики Российской империи – АВПРИ.
2. Архив внешней политики Российской Федерации – АВП РФ.
3. Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ.
4. Российский государственный архив военно-морского флота – РГАВМФ.
5. Российский государственный исторический архив – РГИА.
6. Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ.
7. Российский государственный экономический архив – РГАЭ.
8. Archivio Centrale dello Stato. Roma. Italia – ACS.
9. Documenti Diplomatici Italiani (DDI). V Serie. Vol XI. Roma. Libreria dello Stato, 1986.

Литература

10. Алонци Р. Европейская дипломатия и русская революция // 1917 год. Государство. Власть. Территория. М. 2018. С. 25–34.
11. Берги Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М. 1959. 746 с.
12. Вентури А. Итальянцы в «Стране Советов»: начало 20-х годов // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию. М. 2014. С. 85–92.
13. Любин В. Приключения бизнесмена Франко Маринотти в России // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию. цит. С. 93–98.
14. Любин В.П. Советско-итальянские торгово-экономические связи в 20-е годы // Вопросы истории. М. 2002. № 11. С. 54–72.
15. Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и её наследники. 1892–2006. М. Наука. 463 с.
16. Петракки Дж. Итальянские путешественники в России конца XIX в.: Образ страны с огромным неиспользованным потенциалом // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию, цит. – С. 13–22.
17. Петракки Дж. Путешественники из фашистской Италии в СССР и в отзывах об СССР // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию, цит. – С. 110–115.
18. Токарева Е.С. Некоторые размышления о документах Гуидо Мильоли в Архиве Крестинтерна // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию, цит. – С. 99–104.
19. Фалькерио А.М. Итальянские предприниматели в России времен пятилеток // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию, цит. – С. 125–132.
20. Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией. 1917–1924 гг.». – М.: ИРИ РАН, 1993. – 197 с.
21. Хормач И.А. СССР – Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. – М. ИРИ РАН. 1995. – 288 с.
22. Шаркова И.С. Россия и Италия: Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л. Наука, Ленинградское отделение. 1981. – 208 с.
23. Castronovo V., Falchero A.M. L'avventura di Franco Marinotti. Impresa, finanza e politica nella viat di un capitano d'industria. Milano: Marinotti ed., 2008. – 347 p.
24. Ljubin V. Il ruolo di Franco Marinotti e della societa' CICE nel rinnovamento e sviluppo dei rapporti economico-commerciali tra l'Italia e la Russia negli anni '20. Milano, 1999. – 104 p.
- Рукопись на итал. яз., хранящаяся в архиве издательства Кристиана Маринотти (внука Ф. Маринотти) в Милане.
25. Ljubin V. Russland und Deutschland im Kampf um Italien, 1900–1915 // Der Erste Weltkrieg. Deutschland und Russland im europäischen Kontext. – Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2017. – S. 56–67 (Россия и Германия в борьбе за Италию, 1900–1915 // Первая мировая война. Россия и Германия в европейском контексте. – Берлин, Бостон: Де Грүйтер Ольденбург, 2017).
26. Noiret S. Le origini della ripresa delle relazioni tra Roma e Mosca. Idealismo massimalista e realismo bolscevico: la missione Bombacci-Cabrini a Copenhagen nell'aprile 1920 // Storia contemporanea. - Bologna, ottobre 1988, XIX, N. 5 – P. 797–850.
27. Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana, 1917–1925. – Roma-Bari: Laterza, 1982. – 360 p.
28. Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca: la diplomazia italiana in Russia 1861–1941. – Roma: Bonacci, 1993. – 544 p.

СЕССИЯ II. СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНЕ В ПЕРИОД НЭПА

В.М. Абрамчук, В.М. Крылов

ОБРАЗОВАНИЕ СССР – ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА КАК НОВОЙ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ

Авторы статьи исходят из того, что Великая русская революция Октября 1917 года и последовавшее за ней в 1922 году рождение Союза ССР предложили всему миру принципиально новую альтернативу государственного и общественного развития, в том числе в области национальных отношений.

Как известно, пришедшие в 1917 году к власти большевики изначально ставили национальный вопрос в один ряд с вопросами мира, власти, земли. К этому обязывал национальный состав Российской империи, сложившийся на момент ее распада, когда на её территории проживало более 100 народов и множество небольших этнических групп, а также высокий уровень неграмотности населения (57%), особенно среди лиц, проживающих вдали от промышленно-развитых регионов, равно как и среди лиц неславянского происхождения.

Авторы статьи анализируют ленинский и сталинский взгляды на национальный вопрос, советский опыт строительства многонационального социалистического государства, приводят аргументы в пользу вывода о том, что, в итоге, в СССР сложилась **новая общность людей – советский народ**. Авторы также рассматривают распад СССР через призму национальных отношений.

Ключевые слова: ленинский и сталинский взгляды на национальный вопрос, советский опыт строительства многонационального социалистического государства, новая общность людей в СССР – советский народ.

The authors of the article believe that the Great Russian revolution of October 1917 and the birth of the Soviet Union in 1922 offered the world a fundamentally new alternative to state and social development, including in the field of national relations.

As you know, the Bolsheviks who came to power in 1917 initially put the national question on a par with the questions of peace, power and land. This was required by the national composition of the Russian Empire at the time of its collapse, when its territory was inhabited by more than 100 peoples and many small ethnic groups, as well as a high level of illiteracy (57%), especially among people living far from the industrialized regions, as well as among people of non-Slavic origin.

The authors of the article analyze Lenin's and Stalin's views on the national question, the Soviet experience of building a multi-ethnic socialist state, they give arguments in favor of the conclusion that, as a result, a new community of people has developed in the USSR – the Soviet people.

The authors also consider the collapse of the USSR through the prism of national relations.

Keywords: Lenin's and Stalin's views on the national question, the Soviet experience of building a multi-ethnic socialist state, a new community of people – the Soviet people – was formed in the USSR.

Наследство Российской империи

Пришедшим к власти большевикам, намеревавшимся претворить в жизнь невиданные до сих пор в мире революционные преобразования, вытекающие из их партийной Программы, необходимо было считаться с рядом очень существенных обстоятельств, доставшихся им в наследство от Российской империи и деятельности Временного правительства, равно как и от собственной деятельности, а именно:

1) Большевикам досталась самая крупная в мире по территории страна, население которой превосходило по численности (около 170 млн чел.) население любого европейского государства, а также США.

2) Важной особенностью Российской империи к 1917 году было её впечатляющее этническое разнообразие: на её территории проживало более 100 народов и множество этнических групп. Заметим, что в состав России на тот момент входили Царство польское и Финляндия, которые имели свои серьёзные требования к руководству страны.

3) На фоне масштабных характеристик государства доля его грамотного населения составляла в 1917 году лишь 43 %.

4) Экономика страны была к этому времени в значительной степени разорена участием России в I мировой войне. В ряды Вооружённых Сил было мобилизовано около 15,5 млн чел., из которых примерно 8 млн чел. (или 52% от мобилизованных) пострадали (погибли, в том числе от ран, были ранены, взяты в плен или пропали без вести).

5) К Октябрю 1917 года, когда Россия ещё участвовала в войне на стороне Антанты, российская армия была уже фактически деморализована и утратила свою боеспособность, в чём была весомая заслуга самих большевиков.

Учреждение СССР – закономерный и успешный результат национальной политики большевиков

После понесённых человеческих и материальных потерь в I мировой войне, двух революций 1917 года, последовавших за ними гражданской войны и иностранной военной интервенции, при плачевном положении дел в экономике бывшей империи и нарастающем сепаратистском движении на её бывшей территории Россия объективно находилась на грани государственного распада.

Поэтому наряду с решением первоочередных вопросов войны и мира, аграрного вопроса остро стоял и вопрос сохранения государства как такового в его новой форме, что предполагало проведение Советской властью

мудрой национальной политики. Жизнь требовала, чтобы новая форма государства при его принципиально новом содержании была найдена, с одной стороны, достаточно оперативно, а, с другой стороны, с учётом всех основных проблем, которые были связаны с национальным (этническим) многообразием страны. Не случайно от Октябрьских событий до учреждения СССР прошло 5 лет.

Из документов следует: за 20 лет, с 1903 по 1923 годы, было принято 6 партийных постановлений по национальному вопросу. Позиция большевиков по национальному вопросу была сформулирована ещё в 1903 году в Программе РСДРП и предполагала:

– **право на самоопределение за всеми нациями**, входящими в состав государства, – **полное равноправие всех граждан**, в том числе независимо от религии и национальности,

– **бесплатное обязательное общее и профессиональное образование для всех детей до 16 лет**, снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счёт государства,

– **право получать образование на родном языке за государственный счёт, объясняться на родном языке на собраниях, введение родного языка** наравне с государственным **во всех местных общественных и государственных учреждениях**¹.

Позже, по настоянию В.И. Ленина, **право на самоопределение наций** было дополнено словами **«вплоть до отделения»**.

Получив политическую власть в стране, большевики быстро перенесли эти партийные программные положения в официальные документы Советской власти. Уже 2 (15) ноября 1917 года в **«Декларации прав народов России»** Совет Народных Комиссаров заявил о том, что в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России кладёт следующие начала:

1. **Равенство и суверенность народов России.**

2. **Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения** и образования самостоятельного государства.

3. **Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.**

4. **Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России**².

В контексте сказанного, особого внимания заслуживает **«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»**, принятая 3 (16) января 2018 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) и одобренная, с учётом предложений редакционной комиссии, III съездом Советов 12 (25) января 1918 года.

В таком виде документ стал составной частью Конституции РСФСР 1918 года. Согласно этому важному акту,

– Советская Российская Республика учреждалась на основе **свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик,**

– провозглашалась государственная политика **достижения революционными мерами демократического мира между народами, без аннексий и контрибуций, на основе свободного волеизъявления наций,**

– приветствовалась деятельность Совнаркома, направленная на провозглашение **полной независимости Финляндии, вывод войск из Персии, свободу самоопределения Армении,**

– подчёркивалось, что для создания свободного, добровольного, полного и прочного союза трудящихся классов всех наций России **следует предоставить рабочим и крестьянам каждой нации возможность принять самостоятельно на своём собственном полномочном советском съезде решение: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях³.**

Но говорить и закреплять в документах право наций на самоопределение вплоть до их отделения и формирования собственного государства, ещё не означает готовность на практике принять на государственном уровне решение об отделении, согласиться с ним.

У большевиков в начале их государственной деятельности слова с делами не расходились. Более того, их государственные органы действовали очень оперативно. Так, 16 (29) декабря 1917 года финское Правительство обратилось к Совнаркому с просьбой признать независимость Финляндии, который уже 18 (31) декабря 1917 года принял Декрет о её независимости, подписанный тремя народными комиссарами и В.И. Лениным в качестве председателя Совнаркома (то есть, что очень важно, решение принималось коллективно).

ВЦИК, обладавший законодательными функциями, утвердил данный Декрет 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года), а 15 (28) января 1918 года, документ был окончательно утверждён решением III Всероссийского съезда Советов.

Аналогично решился и более сложный вопрос по Царству Польскому. 3 марта 1918 года Советская Россия заключила сепаратный мирный договор с Центрально-Европейскими странами, согласно которому принадлежавшие России ранее польские земли выводились из-под её верховной власти, а 29 августа 1918 года Совнарком РСФСР аннулировал договоры Российской империи о разделе Польши, окончательно оформив независимость Польши от России, как политически, так и юридически.

В целом в течение первых 5 лет Советской власти большевики работали над решением национального вопроса не теоретически, а практически, соз-

дав федеративное государство – РСФСР с демократической (относительно) Конституцией и активно и эффективно действующим наркоматом по делам национальностей во главе со Сталиным И.В., который просуществовал до 1923 года и был хорошо известен своими делами на всей территории бывшей империи. Принципы национального и религиозного равенства, добровольности, демонстрируемые в РСФСР и последовательно претворяемые в жизнь её Советскими органами власти, а также положительные примеры предоставления независимости Финляндии и Царству Польскому были привлекательны для национальных элит Украины, Белоруссии, Закавказских и Азиатских территорий, которые понимали, что в условиях враждебного внешнего окружения им в одиночку не выжить.

Таким образом, в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, тяжёлого социально-экономического положения в стране большевикам удалось создать благоприятные условия и предпосылки для максимального сохранения Российского государства на основе широкой советской федерации.

Родиться она могла лишь на основе добровольности, осознанного понимания всеми национальными элитами взаимной и долгосрочной выгоды от их союза. И хотя до самого конца подготовительной стадии объединения возникало множество проблем, центристские силы победили.

Учреждение 29–30 декабря 1922 года Союза ССР, сопровождавшееся подписанием Союзного договора и принятием соответствующей Декларации, может по праву считаться событием мирового масштаба, торжеством национальной политики новой власти – власти большевистской партии. Именно создание СССР стало основой для формирования принципиально **новой общности людей** под названием – **«советский народ»**.

Подчеркнём, что важную роль в разработке и практической реализации национальной политики в Советской России, а позже и в СССР сыграли В.И. Ленин и И.В. Сталин.

Основные теоретические наработки по национальному вопросу в России, охватывающие два десятилетия (1903–1922 годы), принадлежат В.И. Ленину. Будучи изначально сторонником унитаризма в противовес государственной раздробленности, В.И. Ленин всегда доказывал своё тактическое мастерство, основанное на точном чувстве политического момента. Это позволяло ему существенно корректировать свои предыдущие позиции и предлагать оптимальные и эффективные решения, например, о создании сначала советской федерации, включая автономии, в рамках РСФСР, позже – советской федерации в Закавказье, а затем и федеративного Союза ССР. Кроме того, во многом благодаря ленинской позиции о праве наций на самоопределение, сегодня эта правовая норма является международной.

Важно заметить, что, пока В.И. Ленин был работоспособен (до 1923 года), благодаря накопленному им авторитету в партии и государственных структурах Советской власти, его предложения по национальному вопросу имели бесспорный приоритет и, как правило, утверждались.

Однако, В.И. Ленин и Партия большевиков, исходили из того, что **социалистическое решение национального вопроса** обязательно **предполагает**, с политической точки зрения, **установление власти рабочего класса**, а, с экономической точки зрения, **утверждение общественной собственности на средства производства**. Мировая практика, особенно становление, развитие и распад СССР, а также социалистической Югославии поставили под сомнение правомерность такого подхода, с точки зрения его достаточности. Национальный вопрос, по своей природе, оказался более сложным, более многосторонним, чем он виделся В.И. Ленину и большевикам в начале XX века.

В этот же период времени И.В. Сталин, известный написанной им в 1913 году работой «Марксизм и национальный вопрос», продолжавший писать статьи по данному вопросу и исполнявший в течении более чем 5-ти лет обязанности наркома по делам национальностей РСФСР, был всегда на виду, но находился как бы в тени В.И. Ленина. Более того, решающей роли он тогда играть не мог – таковы были нормы подготовки и принятия решений, как в партии, так и в государственных органах.

Общим на тот момент было то, что, по пониманию В.И. Ленина и И.В. Сталина, **каждая нация и народность** новой, формирующейся страны **могла рассчитывать на свой «национальный Дом»**, в котором ей будет жить безопасно и комфортно.

Советский опыт строительства многонационального социалистического государства

СССР как государство учреждалось и развивалось впервые в мире на принципиально новой национальной (этнической) основе, изначально сопряжённой с большими рисками. Этой основой стали национальные республики (союзные) и различные автономии. На такой основе построить прочное государство очень трудно. Критики государственного строительства в СССР и сегодня утверждают, что это вообще невозможно.

Однако, В.И. Ленин и большевики не случайно говорили о социалистическом решении национального вопроса, закладывая его в саму основу строительства социалистического государства. Они (прежде всего, В.И. Ленин) отвергли предложения о культурной автономии меньшинств и остановились на федеративной форме государственной организации, полагая, тем самым, что, ликвидировав все причины и предпосылки для конфликтов на национальной почве, оказав максимальное доверие нациям и народностям, они цементируют будущее государство рабочих и крестьян. Более того, они

полагали, что это может и должно происходить в мировом масштабе на основе деятельности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках.

В период, когда по состоянию здоровья В.И. Ленин отошёл от дел, вплоть до конца 20-х годов прошлого века наблюдаются последовательные действия органов Советской власти при формировании многонационального государства, которые практически не отходили от ленинских позиций. Так, ЦИК СССР первого созыва на своей второй сессии одобрил 6 июля 1923 года Конституцию СССР, окончательная редакция которой была утверждена II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. Конституция начиналась с **Декларации и Договора об образовании Союза ССР**. Она регламентировала предметы ведения органов власти Союза ССР, **суверенные права республик и их органы власти**.

Сам термин «советский народ» использовался для обозначения населения СССР уже в 20-х годах прошлого века, что было логично, потому что вытекало из названия государства. Но для того, чтобы говорить о советском народе как о новой общности людей, нужны были качественные изменения в самих гражданах: в их морали, сознании, самоидентификации.

Эти качественные изменения происходили и крепили в процессе становления, расширения и развития страны, в том числе в периоды серьёзных испытаний и достижений.

Здесь надо, прежде всего, отметить доступное бесплатное **образование**, в том числе нередко и на родном языке, в ходе которого дети и молодёжь получали не только знания, но и **советское воспитание**, которое продолжалось и вне образовательных учреждений: в Домах пионеров, спортивных и прикладных секциях, по месту работы граждан, в учреждениях политпросвещения. Огромную воспитательную роль сыграли советский кинематограф, самые разнообразные газеты и журналы, радио, а затем и телевидение, Дома культуры, дошедшие до каждого крупного села СССР, театры, филармонии, книжные магазины, библиотеки, проведение республиканских и всесоюзных культурных фестивалей и многое другое.

За всем перечисленным стояло советское государство, которое обеспечивало его доступность практически каждому гражданину страны. В свою очередь, оно изначально ввело законодательно единое союзное гражданство и установило русский язык в качестве государственного, что, несомненно, способствовало объединению советских людей в единую общность.

Консолидация советских людей связана и с такими событиями мирового масштаба как Победа советского народа в Великой Отечественной войне и освоение космоса.

Именно благодаря сказанному выше в сознании, морали, культуре большинства советских граждан было много общего. И хотя деятельность И.В. Сталина в конце 20-х, в течение 30-х и послевоенных годов по про-

движению национального вопроса уже практически ничего не имела с ленинской позицией (всё интернациональное у него начиналось за пределами государственно-национальных образований, а поликультурный, полиэтнический характер самих образований он де факто не принимал во внимание), государственная идеологическая машина сделала своё дело и сделала его хорошо. То есть принадлежность к советскому народу для большинства его граждан, в итоге, стала бесспорно выше их этнического происхождения.

О советском народе как о новой общности людей было сказано уже в 1961 году Н.С. Хрущёвым в докладе о новой программе КПСС: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – **советский народ**. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии».

Спустя 10 лет, в 1971 году, в Постановлении XXIV съезда КПСС советский народ был провозглашён результатом прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоёв, наций и народностей, заселяющих территорию СССР.

Из сказанного вытекает важное следствие – **советский народ** как новая общность людей, несомненно, **отвечал и основным признакам гражданской нации**, о чём сейчас принято рассуждать в экспертном сообществе, в противовес этнической замкнутости, как о высоком достижении демократического и гуманного характера.

Вместо заключения

Многие эксперты сегодня утверждают, что **новая общность людей «советский народ»** существовала в СССР лишь теоретически, ссылаясь, в частности, на процесс его распада, в котором национальный (этнический) фактор сыграл важную роль.

В противовес такой точке зрения можно привести следующие аргументы.

1. Кризис и распад СССР никак не доказывают отсутствие в реальности новой общности людей **«советский народ»**, сформировавшейся за несколько десятилетий.

2. Советский проект был вызовом капиталистическому миру как альтернатива общественного развития. В рамках этого проекта государство непрерывно решало задачу формирования нового человека, благодаря чему и сформировалась принципиально новая общность людей **«советский народ»**.

3. Строительство государства, основанного на равноправии и ответственности проживающих на его территории наций и народностей, как и

идея социализма, потерпели неудачу. Но это совершенно не означает конца истории, то есть можно считать решение этих вопросов исторически отложенными.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. I. М., 1983. С. 62.

² Декреты Советской власти. Т. I. М. 1957. С. 40–41.

³ Декреты Советской власти. Там же. С. 321–323.

В. Ф. Солдатенко

Х.Г. РАКОВСКИЙ VS. И.В. СТАЛИН: ВОЗВРАЩАЯСЬ К ДИСКУССИИ О ПУТЯХ И ПРИНЦИПАХ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

На основе документов предпринята попытка воссоздания ключевых элементов реальной картины острейшей дискуссии, возникшей на завершающей стадии процесса образования Союза ССР между двумя видными деятелями РКП(б) – И.В. Сталиным и Х.Г. Раковским, имевшими различные взгляды на перспективы национально-государственного строительства, принципы функционирования интернационального федеративного образования.

Based on the documents, an attempt was made to recreate key elements of real picture of the most acute discussion that arose at the final stage of USSR formation between two prominent figures of the RCP(b) – I. Stalin and Kh. Rakovsky, who had different views on national state building and principles of international federal education functioning.

Хотя историография, посвященная изучению процесса создания Союза ССР, его почти семидесятилетнего функционирования и неутешительного финала поистине огромна, можно предположить, что интерес к проблеме в перспективе только усилится. Среди других мотивов тут можно выделить приближение 100-летия подлинно геополитического события, соблазн сравнения недавнего впечатляющего опыта с тридцатилетней небезпроблемной поступью постсоветских национально-государственных образований, введение в научный оборот значительного пласта неизвестных ранее документов и материалов¹, потребность их неконъюнктурной научной интерпретации.

К числу аспектов, которые, как представляется, остаются сравнительно меньше проясненными, продолжая нести на себе отпечатки историографических несовершенств и недостатков прошлых лет, можно отнести реалистичное воссоздание роли в исследуемом процессе субъективного, личностного фактора. Особым накалом страстей, драматизмом обернулось идейно-теоретическое столкновение позиций двух членов комиссии

Оргбюро ЦК РКП(б), которой надлежало подготовить предложения о совершенствовании взаимоотношений между РСФСР и независимыми республиками, постепенно трансформировавшуюся в институциональный орган, вырабатывавший план создания союзного государства и обеспечивший организационные меры по его реализации. Речь о И.В. Сталине и Х.Г. Раковском.

Ключевой, наиболее влиятельной политической фигурой в комиссии оказался Иосиф Виссарионович Сталин, что вполне объяснимо. С 26 октября 1917 г. он являлся бессменным народным комиссаром по делам национальностей Советской России и в этой роли пользовался полным доверием и безусловной поддержкой В. И. Ленина. С именем российского наркома связывали многие существенные, качественные подвижки во всех национальных регионах страны. Он приобрел большой авторитет и в центре страны и на окраинах, уверенно расставляя «свои» кадры и оказывая через них влияние на развитие событий по всей стране. Такие возможности тут существенно возросли после того, как в марте 1919 г. член Политбюро ЦК И.В. Сталин возглавил и Оргбюро ЦК, стал «куратором» всего партийного кадрового сегмента. А 3 апреля 1922 г. он был избран Генеральным секретарем ЦК РКП(б).

Труднее, пожалуй, убедительно объяснить, почему комиссия «заужено» замыкалась на Оргбюро ЦК, будучи, на самом деле, и общепартийной, и межгосударственной, и интернациональной. Можно думать, что тем самым подчеркивалась некая то ли особая, то ли «ведомственная» (в смысле личного определения – на кого институционально рассчитывали в подготовке вопроса). А, возможно, руководствовались «организационным прагматизмом», не обращая внимания на формальное название.

И. В. Сталин выдвинулся в партии на видные, ключевые позиции в области определения, формирования идеологии и политики национального вопроса. Именно ему поручались соответствующие доклады и подготовка резолютивных документов на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), VIII и X съездах РКП(б). Приблизительно половина материалов, включенных в 4–6 тома Сочинений В.И. Сталина, хронологически относящихся к 1917–1920 гг., так, или иначе были связаны с национальными аспектами осуществляемого курса.

По большому счету, Генеральный секретарь ЦК РКП(б) являлся убежденным приверженцем этатизма – человеком, который в вопросах теории и практики общественного развития, национальной жизни исходным пунктом в системе координат считал государство, его всестороннее, всемерное упрочение, а производным от его состояния – национальные интересы, другие составляющие непосредственно национального фактора. По его твердому, абсолютному представлению, если не идеальной, то, во всяком случае –

наиболее подходящей моделью объединения национальных республик в союзное государство являлась Российская Федерация. На X съезде партии он совершенно определенно заявил: «Федерация советских республик является той искомой формой государственного союза, живым воплощением которой является РСФСР»².

Своей принципиальной позиции он не изменил даже после образования на других, отличительных основаниях Союза ССР, о чем свидетельствует совсем недавно обнаруженный новый документ³.

Естественно, предложенный И.В. Сталиным вариант объединения независимых республик в союзное государство оказался продуктом, изготовленным по избранным лекалам – «планом автономизации». Его квинтэссенцией стало первое же положение документа: «Признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР...»⁴.

Сталинская модель вызвала непонимание, деликатное по форме, но определенное по существу первое противодействие членов комиссии, представлявших национальные республики, что засвидетельствовали голосования как по данному, так и по производным пунктам документа, другим материалам в ходе дальнейших обсуждений, а также внесенных содержательных уточнений и дополнений⁵.

Определенные уступки, на которые согласился пойти председатель комиссии, жесткое отстаивание позиции ограничения суверенитета независимых республик до конца ситуацию не разрядили, более того – привели к первому, во всяком случае столь крупномасштабному расхождению позиций В.И. Ленина и И.В. Сталина. Об этом свидетельствует переписка (подчас – весьма резкая между двумя лидерами государства), эпистолярные материалы, относящиеся к другим партийно-государственным деятелям, встречи и беседы В.И. Ленина с рядом представителей, задействованных в объединительный процесс субъектов⁶.

Многие аспекты упомянутых непростых страниц прошлого нашли достаточно детальное, хотя во многих случаях предвзятое и субъективное истолкование. Это отчасти касается перманентных разнотолков относительно позиции и поведения в возникшей дискуссии о путях и принципах образования Союза ССР тогдашнего первого лица в партийно-советской иерархии в Украине, председателя Совнаркома, члена Политбюро ЦК КП(б)У Христиана Георгиевича Раковского. На непростые метаморфозы в историографии, надо думать, в немалой степени повлияло то, что именно Х.Г. Раковский понес в процессе рассматриваемых событий наибольшие репутационные потери, а его фантастически блестящая до того карьера стремительно покатила вниз. Обвиненный И.В. Сталиным в приверженности конфедерализму, квалифицированному в конкретных обстоятельствах

не просто заблуждением (в партийной программе такого пункта не было), но и вредной, общественно опасной позицией, известный, авторитетный в европейских социал-демократических кругах революционер, широко образованная, с энциклопедическим интеллектом личность, был устранен с высоких государственных постов, а позже и вообще репрессирован. Почти до конца советской эпохи на нем было клеймо «врага народа». В новейшей украинской историографии, совсем наоборот, распространяются оценки деятельности Х.Г. Раковского как носителя великодержавной идеологии, послушного орудия, проводника антиукраинской политики⁷.

Следует заметить, что лейтмотивом многих выступлений после реабилитации в 1988 г. Х.Г. Раковского было стремление доказать, что он, интернационалист по природе, образу мышления, по жизненной позиции, всем поступкам не был (просто не мог быть!) конфедералистом. Это была первая, пусть с дистанции многих лет, ответная реакция на необоснованные обвинения видного партийного и государственного деятеля⁸.

Такой подход, казалось, вполне логично вписывался в канву партийной реабилитации. Наверное, для определенного этапа жизни страны, советского общества, так и было. Однако, по большому счету, в принципе конфедерализма, как такового, как одной из весьма конструктивных, демократичных в своей сути моделей строительства полиэтнических государств, доказавших на многих примерах в мире свою состоятельность и эффективность, вобщем-то ничего плохого нет.

И все же было весьма убедительно доказано, что в предложениях Х.Г. Раковского, касавшихся принципиальной основы строительства многонационального государства, даже в теоретическом плане не было серьезных покушений на федеративную модель, ее возможный подрыв, разрушение. Интернационалист Х.Г. Раковский не мог себе такого позволить ни при каких обстоятельствах. Одновременно демократ Х.Г. Раковский стремился не допустить ни малейших ущемлений чьих бы то ни было национальных прав, считая, что подлинное интернациональное единство выковывается последовательной борьбой за гарантию полной свободы для национальной жизни, национального творчества и созидания.

Именно этот идеал являлся определяющим в противодействии революционера-интернационалиста, подлинного демократа и негибаемого борца за справедливость реализации сталинскому «плану автономизации», т.е., по существу ограничения суверенитета советских национальных республик, завоеванного в годы революции и Гражданской войны, открывающего дорогу к воплощению в практику государственного унитаризма.

Кто бы то ни было легко убедится, что в системе координат, в которой мыслил и пытался действовать Х.Г. Раковский, отправным, определяющим моментом было недопущение движения вспять от завоеванной народами

национальной свободы. А практическая модель выстраивалась, исходя из реалий, наглядных примеров Украины (что вполне естественно, объяснимо личным опытом). Именно с этих положений начинается обстоятельный документ, адресованный 28 сентября 1922 г. председателем СНК УССР И.В. Сталину, направлявшему процесс образования Союза ССР и добившемуся одобрения соответствующей комиссией предложений, которые Х.Г. Раковский считал несовершенно, необоснованными и ошибочными⁹. Конкретный сюжет заканчивается весьма категоричным выводом: «В проекте (комиссии ЦК РКП(б), возглавляемой И.В. Сталиным. – В.С.) говорится об обязанностях независимых республик, о подчинении директивам центра, но ничего не сказано о правах, которыми пользуются их ЦИК и Совнарком и находящиеся при них наркоматы и управления объединенных комиссариатов»¹⁰. Подобная асимметрия для Х.Г. Раковского была недопустима, вела к неоправданным перекосам в строительстве государства в сторону шовинистического централизма.

Всецело, горячо поддерживая цель «поставить на прочные начала отношения РСФСР с независимыми республиками», представитель Украины с тревогой обращал внимание на обнаружившуюся тенденцию: «Вместо того, чтобы довести начатое строительство до конца, поставив ясно и определенно вопрос о формах нашей государственной [жизни] и о строении наших центральных органов, вместо того, чтобы выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех одинаковые условия революционного строительства, объединяла бы рабочий класс всех национальностей России на основе равноправия, данный проект проходит мимо этой задачи (тут и далее в документе подчеркнуто Х.Г. Раковским. – В.С.). Данный проект игнорирует, что Советская федерация не является однородным национальным государством. В этом отношении проект резолюции является поворотным пунктом во всей национальной политике нашей партии. Его проведение, т.е. формальное упразднение независимых республик, является источником затруднений как за границей, так и внутри Федерации»¹¹.

За годы работы в республике Х.Г. Раковский смог сполна проникнуться идеей украинской соборности. Ее реализацию он ставил в прямую зависимость от статуса УССР в будущем федеративном объединении, обоснованно считал, что самое малое ущемление, ограничение прав национальной республики будет негативно сказываться на международных факторах решения важнейшей, гуманнейшей проблемы, использоваться во вред украинской нации, ее единству. Поэтому очень убежденно предостерегал от возможного преуменьшения пропагандистского эффекта, который имел и должен иметь пример обеспечения советской властью полной свободы самоопределения и выбора собственного варианта перспективы, судьбы каждым народом, которого коснулись перемены социалистического строя,

прежде всего – Украины. «Посредством независимой Советской Украины – подчеркивал он – Советская федерация имела возможность совершать такое же революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьезной надобности мы сами себя лишаем этого оружия и, наоборот, даем польской и румынской буржуазии новое оружие для борьбы с нами и усиления своей национальной политики. По отношению к Украине Польша выступит в роли защитницы ее независимости, признанной Рижским договором»¹².

На этом соображении глава украинского правительства решительно настаивает и в письме Первому секретарю ЦК КП(б)У Д. Мануильскому от 29 сентября: «...Если Политбюро ЦК КП(б)У разделяет мою точку зрения, было бы целесообразно, чтобы т.т. Петровский и Фрунзе, поехавши в Москву, **отстаивали бы нашу точку зрения** (выделено Х.Г. Раковским. – В.С.). Я думаю, что Украина в данном случае страдает главным образом из-за неблагоразумия и уклонов других независ/имых/ республик. Между тем более всего для нашего револ/юционного/ воздействия /на/ за границу имеет значение сохранение независимости Украины. Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции, Прикарпатской Руси, Буковины и Бессарабии ориентируются и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину»

Исходя из всего изложенного, буквально тревожным набатом звучат слова Х.Г. Раковского: «Самый главный вопрос остается – вопрос о выработке строго централизованной, но федеральной системы управления, в которой правильно были бы защищены интересы республик и последние пользовались бы определенной автономией»¹³.

Активная позиция лидера Компартии Украины, его огромный авторитет обеспечили сплочение на предлагаемых им принципах республиканской партийной организации, ее руководства. 3 октября 1922 г. Политбюро ЦК КП(б)У заслушало на своем заседании вопрос «О взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками» (докладчиком был Г.И. Петровский). После обсуждения было принято решение: «1) Категорически высказаться за принятую последним Пленумом ЦК КПУ резолюцию о взаимоотношениях между РСФСР и УССР, признавшую необходимость сохранения независимости УССР и оформления взаимоотношений, принятыми комиссией тов. Фрунзе с оговор[к]ами. Фактическое централизованное руководство независимыми республиками может быть вполне достигнуто соответствующими директивами по партийной линии.

2) В случае, если ЦК РКП примет, однако, необходимость вхождения УССР в состав РСФСР, не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР, а определить отношения на основе практической целесообразности»¹⁴.

Отдавая себе отчет во всей важности решавшейся проблемы, Х.Г. Раковский нашел нужным (как и другие видные партийно-советские работники) апеллировать к авторитету В.И. Ленина, с его помощью переубедить И.В. Сталина отступить от своего жесткого автономистского плана, ведшего к свертыванию, ограничению суверенитета национальных республик.

Специалисты считают, что болгарскому революционеру-интернационалисту и украинскому патриоту эта миссия удалась во время посещения В.И. Ленина в Горках 25 августа 1922 г.¹⁵

Конечно, было бы необоснованным считать, что уже тогда детально обсуждались многие аспекты ситуации, хронологически складывавшейся и в полном объеме проявившейся позже, в следующие месяцы. Однако принципиальные позиции В.И. Ленина и Х.Г. Раковского были близкими и до этого момента. Так думать и даже с большой долей вероятности утверждать позволяет практическое тождество взглядов на украинские проблемы, реализовавшиеся, к примеру, в подготовке ленинской резолюции о Советской власти на Украине, принятой VIII конференцией РКП(б) и выработке тактики по отношению к Украинской Коммунистической партии (боротьбистов)¹⁶. Теоретические воззрения Х.Г. Раковского осенью 1922 г. сложились в еще более отточенные, отточенные логические подходы и конструкции. В. И. Ленин о них знал хотя бы по тому, что в письмах к нему на оценки ««нелипового» украинца» (так именовал Х.Г. Раковского) то ли сердито, то ли саркастически ссылался И.В. Сталин¹⁷.

Очевидно, не без учета и влияния вышеизложенного сложилась очень категоричная сентенция вождя большевистской партии, надиктованная в самый ответственный момент, в дни проведения Первого съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик: «Видимо, вся эта затея «автономизации» (план И.В. Сталина. – *В.С.*) в корне была неверна и несвоевременна»¹⁸. Не прибегая к другим, прямо корреспондирующимся с приведенным, оценкам и выводам (в духе «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть»¹⁹) представляется уместным сослаться на авторитетное наблюдение самого близкого В.И. Ленину человека – Н.К. Крупской. В письме Г.Е. Зиновьеву 31 октября 1923 г., в момент обострения внутрипартийной борьбы, в эпицентре которой оказался Л.Д. Троцкий, супруга и соратник подчеркнула, что в этот момент «больше всего В.И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы водворившиеся в наших верхах»²⁰.

Как известно, к сожалению, ни ленинские тревожные и провидческие предположения, ни настоятельные требования Х.Г. Раковского, ни решения I съезда Советов СССР о том, что Декларация и Союзный договор «приняты в основном»²¹, считаются временными, должны быть совместно существенно доработаны (в выдвижении этих положений, предложенных фору-

му от имени проведенной накануне конференции и от имени ЦИК Советов Украины, оглашенной делегатом от УССР М.В. Фрунзе, явно просматривается позиция лидера Советской Украины) не возымели своего решающего влияния. Сущность одобренных в 1923–1924 гг. документов, в том числе и принятой Конституции Советского Союза, многих совершенных действий, в значительной мере явились реализацией позиции И.В. Сталина.

---

¹ Из истории образования СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–217; Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992; На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–102; РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М. 2005. 728 с.; Власенко С.С. Складний шлях до утворення СРСР (за фондами ЦДАГО України) // Историчний журнал (Київ). 2008. № 2. С. 104–109.

² Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М. 1963. С. 184.

³ «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно» // Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б) 4 февраля 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6. С. 136–142.

⁴ Из истории образования СССР. С. 192.

⁵ Там же. С. 201–203, 205–206, 214–215.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–213, 214; Из истории образования СССР. С. 198–99, 208–209.

⁷ Уряди України у ХХ ст. Науково-документальне видання. К. 2001. С. 345–351; Україна: політична історія. ХХ – початок ХХІ століття. К. 2007. С. 410, 412, 438–439, 441, 447.

⁸ См.: Мельниченко В.Ю. Чи був Раковський конфедералістом? // Про минуле заради майбутнього. К. 1989. С. 283–299; Его же. Нескорений. Науково-художня книга про Християна Раковського. С. 104–121.

⁹ См.: Замечания тов. Раковского по проекту резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками // Из истории образования СССР. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 209, 211.

¹⁰ Там же. С. 211–212.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 212.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 214.

¹⁵ См.: Журавлев В.В., Ненароков А.П. «Белые пятна» в истории создания СССР // Правда. 1988. 8 июля; Волковинський В. М., Кульчицький С. В. Християн Раковський. Політичний портрет. К. 1990. С. 189; Фролов М. О. Компарти́но-радянська еліта в Україні: особливості існування та функціонування в 1920 – 1930 рр. С. 72.

¹⁶ Десятый съезд РКП(б) Стенографический отчет. М. 1923. С. 89; Як готувалася резолюція ЦК РКП(б) «Про Радянську владу на Україні»? // Сторінки історії Компартії України. К. 1990. С. 106–111.

¹⁷ Из истории образования СССР. С. 200.

¹⁸ Ленин В.И. Полн собр. соч. Т. 45. С. 356.

¹⁹ Там же. С. 214.

²⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 201–202.

²¹ I съезд Советов СССР (стенографический отчет с приложениями). М. 1923. С. 11–12.

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД НЭПА

В XIX веке в условиях кризиса феодализма дворяне России, в поисках путей достижения прогресса и социальной справедливости в стране, увлеклись социалистическими теориями. Это привело к зарождению особого общественного слоя – интеллигенции. В процессе буржуазной модернизации России произошла идеологическая и социально-политическая дифференциация интеллигенции. Революция 1917 года, завершилась утверждением власти ортодоксальных социалистов. Практические сложности социалистического строительства заставили их перейти к НЭПу. Но новый курс не был реализован. Это имело трагические последствия для всего советского общества, особенно для интеллигенции.

In the XIX century, in the conditions of the crisis of feudalism, the nobles of Russia, in search of ways to achieve progress and social justice in the country, were carried away by socialist theories. This led to the emergence of a special social layer – the intelligentsia. In the process of bourgeois modernization of Russia, there was ideological and socio-political differentiation of the intelligentsia. The revolution of 1917 ended with the assertion of power by orthodox socialists. The practical difficulties of socialist construction forced them to move to the NEP. But the new course has not been implemented. This had tragic consequences for the whole of Soviet society, especially for the intelligentsia.

«Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только образованный класс и разные в нем направления», – заметил П.Б. Струве в статье «Интеллигенция и революция»¹. Действительно, в условиях нарастающего кризиса феодально-крепостнической системы, господства абсолютной монархии, политического инфантилизма класса предпринимателей России, роль защитника бесправного населения страны взяли на себя образованные люди, преимущественно дворяне. Готовность к этой миссии обнаружил уже Радищев и «почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных»². В процессе поиска путей достижения Россией прогресса и социальной справедливости все больше представителей образованного дворянства проявляли интерес к западноевропейским социалистическим учениям. Он рос тем стремительнее, чем быстрее происходило разочарование в либеральных ценностях. Так западник А.И. Герцен, оказавшись в 1848 году в самой гуще революционных потрясений, охвативших Западную Европу,

отказался от использования ее примера для будущей модернизации России. Он стал искать возможность миновать буржуазный этап в развитии своей страны и создал теорию русского социализма. Половинчатость и незавершенность буржуазных реформ Александра II привела к формированию народничества как общественно-политического движения, исповедовавшего эту теорию. Неудачи и просчеты народников в немалой степени способствовали распространению в России марксистской социалистической теории. Главное одно: именно выходцы из образованной части дворянства, вооруженные социалистической теорией, став основными критиками общественно-политического строя России, породили российскую интеллигенцию.

В пореформенное время в условиях вызревания революционного кризиса российское общество быстро политизировалось. Этот процесс вызвал в среде интеллигенции дифференциацию по социальному и идейно-политическому признаку. В итоге, к 1917 году ее можно разделить условно на четыре социально-политические группы: дворянскую, буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую. Конечно, устанавливать прямую связь между социальным происхождением и идейными устремлениями различных групп российской интеллигенции нельзя. Однако не вызывает сомнений тот факт, что, если дворянская и буржуазная интеллигенции придерживалась либеральных взглядов, то приверженцами социал-демократического переустройства России были преимущественно выходцы из пролетарской и мелкобуржуазной среды. В борьбе за чистоту своих рядов, стратегических и тактических программ сторонники социалистического обновления страны радикализировались, породив большевизм. В результате, в период революционного кризиса 1917 года в глазах противников прежнего режима большевики выглядели как утописты, грозящие своими планами погубить российское государство. А.Н. Бенуа, уверенно заявлял: «Социалистом я вообще никогда не был и не буду, ибо не верю в эти милые, но опасные бредни»³. З.Н. Гиппиус также не скрывала своего враждебного отношения к большевикам: «Большевики же все, без единого исключения, разделяются на: 1) тупых фанатиков; 2) дураков природных, невежд и хамов; 3) мерзавцев определенных и агентов Германии»⁴. Даже немало тех, кто примыкал к социал-демократическому движению, нередко демонстрировали свое неприятие большевиков. Так, например, молодой историк философии И.А. Боричевский был связан с меньшевиками. Но их оборончество, отсутствие продуманной программы решения российских проблем расстраивало Боричевского: «Слова, слова, слова! Руки опускаются»⁵. И, тем не менее, его выбор был не в пользу большевиков: «... большевики в политическом отношении неумыты и непричесаны; остается пойти к меньшевикам, которые тоже не всегда на высоте»⁶.

Подобные предубеждения против большевиков, усиленные враждебной пропагандой их идейно-политических противников, дали свои результаты. После победы Октябрьского вооруженного восстания, в атмосфере истерики и антисоветских мятежей оказались почти незамеченными первые реальные преобразования Советской власти во главе с большевиками, не выходявшие за общедемократические рамки. Не получили широкого распространения и призывы В.И. Ленина, изложенные в работе «Очередные задачи Советской власти», заняться наведением элементарного порядка в производственной и повседневной жизни страны. Кроме того, этот период был очень кратковременным и завершился весной 1918 года с началом иностранной интервенции. Развязанная в этих условиях политическими противниками большевиков Гражданская война побудила советское руководство ввести нормы «военного коммунизма». Национализация всех частных предприятий, свертывание товарно-денежных отношений, обязательная трудовая повинность, а вскоре и объявленный в качестве ответной меры «красный террор» полностью соответствовали, существовавшим представлениям о том, чего можно ожидать от большевиков. Известный историк А.Е. Пресняков, оказавшийся в июле 1918 года по служебным делам в Москве, в письме жене сообщил свои умозаключения об услышанной от знакомого версии вовлечения В.И. Ульянова в революционную борьбу: «Так воспитанные боевые революционеры полны настроением к отрицательной борьбе против прежних порядков жизни, но в них слабы корни для положительного строительства. Оно сверху лежит на них, чуждо им по существу. В этом весь Ленин. Разрушение – в глубине его духа, строительство только в голове доктрина»⁷.

Неудачная попытка свержения Советской власти ее противниками в годы Гражданской войны, побудила многих представителей интеллигенции, враждебно настроенных по отношению к большевикам, покинуть Россию. Идейно-политические взгляды и мотивы той ее части, которая осталась в стране, были очень разнообразны и противоречивы. Одни отнеслись к Советской власти с поддержкой, сочувствием или просто лояльно, а другие занимали выжидательную позицию. Объединяло всех, неприятие как прежнего дореволюционного режима и потерпевших провал белогвардейских планов и порядков, так и беспокойство о судьбе страны. А.Н. Бенуа, занимавший высокое общественное и профессиональное положение в дореволюционное время, был абсолютно убежден в несостоятельности прежних порядков: «Какие мерзавцы или, вернее, идиоты все те, кто довел страну и монархию до такого кризиса!»⁸. Особенно его возмущала война, в которую втянул Россию царизм и которую Временное правительство хотело продолжать до победного конца. Пацифистские настроения отдалили его от привычного сообщества, со многими даже рассорив. Советская власть

вывела Россию из войны. Может быть, это обстоятельство и было одним из тех, которые первоначально помешали его отъезду из страны. «Я считал *нужным ехать*, но мне *не хотелось*», – записал А.Н. Бенуа в своем дневнике в августе 1921 года⁹. Молодой литератор Г.К. Бломквист, размышляя над поражением Добровольческой армии, отметил: «... причина из причин – отсутствие идеи! ...дали верховодить генералам, земли не давали. Единая Россия, хотя никто из народов не хочет этого единства. Неделимая – она уже разделилась»¹⁰. А М.М. Зощенко, находясь по служебным делам в Архангельске, отказался от предложения французского полковника покинуть Россию: «Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал»¹¹. «... не работал ни для Николая, для Ленина, для кого бы то ни было; работал и работаю только для людей, для народа, для человечества. Только так оправдана вся моя жизнь», – заметил в своем дневнике в 1921 году художник С.Г. Бережков¹². Похожие настроения переживал и философ И.А. Боричевский: «Россия единственная страна, где я могу работать не для одного себя»¹³.

Приведенные примеры свидетельствуют, что, несмотря на различное материальное положение и идейно-политические расхождения с Советской властью, немало представителей дореволюционной интеллигенции все же остались в России, продемонстрировав главное, органически присущее именно интеллигенции качество – равнодушное отношение к своей стране и народу. Под его воздействием, несмотря на все трудности военного времени, последующие разруху и голод, критические высказывания в адрес советского государства и его политики, дореволюционные специалисты старались быть полезными своей стране. Они активно участвовали в становлении новой системы образования, просвещения, науки, литературы и искусства. М.Зощенко «понимал, что пользу людям можно принести через литературу»¹⁴ и намеренно формировал себя как пролетарского писателя, создав множество сатирических произведений, борясь за нравственную чистоту советского человека. А.Н. Бенуа внес огромный вклад в становление музейного дела, формирование коллекции Эрмитажа, в зарождение и развитие нового театра. С.Г. Бережков, занимаясь преподаванием в системе среднего и высшего образования, старался «быть носителем культуры более высокой, нежели та, которая будет культурой массовой»¹⁵. Многие дореволюционные ученые с огромным энтузиазмом включались в формирование советской системы научных учреждений и школ, получивших в будущем мировое признание.

Провозглашение НЭПа интеллигенция встретила с непониманием и настороженностью. «Коммунизм, как ни плох был эксперимент, работал для будущего. Сейчас в страстных прениях о свободном товарообмене мне прежде всего бросается в глаза эта будничность и эгоистичность», – отме-

тил С.Г. Бережков¹⁶. А.Н. Бенуа опасался, что допущение рыночных отношений является провокацией, «чтобы снова разжечь ненависть у неимущих к имущим, причем на сей раз большинство среди первых окажется из интеллигенции»¹⁷. Однако некоторые его знакомые в своих рассуждениях шли еще дальше. Так, Н.Ф. Монахов, один из основателей, актер и режиссер БДТ, считал свои планы уехать за рубеж «несвоевременными, ибо, несомненно, все идет к ликвидации коммунизма и к восстановлению нормальных условий жизни»¹⁸. Много было и таких, как экономист Д.А. Лутохин, призывавший ранее уехавших из России возвращаться назад. «...становясь гражданами Советской России, мы приобретаем возможность большего воздействия на ее будущее, чем разбросанно живя по всему земному шару», – убеждал он¹⁹.

Изложенные взгляды дореволюционной интеллигенции не вызывают сомнений в том, что она в своем большинстве не поняла замысел НЭПа, не смогла соотнести политику Советской власти ни с чем иным, кроме как с воплощением в жизнь ортодоксальных социалистических идей. Между тем, в систематическом разъяснении НЭПа как долговременного и единственно возможного в среднеразвитой, крестьянской России курса на поэтапное продвижения к социализму нуждалась не только интеллигенция, но и все остальные слои населения страны. Однако главный теоретик НЭПа, В.И. Ленин, после перенесенной болезни отошел от активной политической деятельности в самом начале задуманного им масштабного поворота во всей жизни государства. Его преемники в советском руководстве проигнорировали рекомендации и советы, изложенные им в последних статьях и письмах и призванные помочь в реализации нового курса. В результате, они все больше демонстрировали растерянность и несогласованность в определении способов решения нарастающих проблем и противоречий, вызванных НЭПом: кризис перепроизводства, безработица, социальные контрасты и психологическое неприятие большинством трудящихся частного предпринимательства. Усугубляли сложности в осуществлении нового курса сменовеховские настроения тех представителей интеллигенции, которые планировали изнутри помочь либеральному перерождению Советской власти. Аресты, громкие судебные процессы и наказания, вынесенные им, вплоть до расстрелов и высылки из страны еще более усилили в обществе настороженное отношение к старым специалистам.

Неумение и нежелание действовать гибко, идти на компромиссы в сложной внутренней обстановке побудили политических лидеров СССР отказаться от НЭПа и взять курс на социалистическую реконструкцию страны. В 1925 году XIV съезд ВКП(б) утвердил эту стратегию. В результате сворачивания НЭПа был утерян шанс на установление плодотворного сотрудничества между государственной властью и дореволюционной ин-

телигенцией. Большинство ее представителей возражало не против самого прогрессивного социального обновления страны, а той поспешности и прямолинейности, с которыми советское руководство планировало это делать. Г.К. Бломквист рассуждал: «Будет ли социализм? Кроме развитости капиталистической здесь важна нравственная подготовка. Нужна потому, что без известного отношения к ближним и к общественной собственности тут ничего не выйдет! ... полагаю, что социализм может стать необходимостью, за невозможностью иначе жить, а раз так, то и человек должен к тому приготовить свой нравственный облик»²⁰. К.И. Чуковский в своем дневнике высказывал солидарные мысли: «Взяли мелкобуржуазную страну, с самыми закоренелыми собственническими инстинктами и хотим в три года сделать её пролетарской»²¹.

Свертывание НЭПа существенно ограничило возможности участия интеллигенции в общем деле обновления страны. Прежде всего, оно лишило ее надежды на сохранение личной творческой свободы, возможности заниматься частной предпринимательской деятельностью, особенно в сфере культуры и искусства. М.М. Пришвин в своем дневнике заметил: «И в моей жизни, человека, добывающего средства существования придумкой, есть своя рабочая теория, без которой я бы не мог заниматься своей профессией: в самом деле я использую рабочую ценность мечты о личной свободе»²². А замечательный художник, коллекционер и эксперт в области изобразительного искусства А.Н. Бенуа возмущался другим: «...чем больше у нас было вкуса, знаний, любви к прекрасному, чем полнее нам удавалось собрать эти любимые вещи, тем мы больше преступники, раз мы не хотим расстаться с нашей же коренной психологией собственников. Какая мерзость, какой получается осадок на душе!»²³.

Но еще более серьезные последствия для интеллигенции имела ее нескрываемая уверенность, что переход к прямой социалистической реконструкции является авантюрой, и декларативное введение социалистических порядков закончится трагедией. В результате, в обществе стала целенаправленно насаждаться идея о том, что старые специалисты не могут быть равноправными участниками строительства социализма как идейно чуждые ему, что их можно использовать только как временных попутчиков, носителей знаний до тех пор, пока не появится своя социалистическая интеллигенция. «...по отношению к ним, проводится, говорили ответственные лица, такая политика: «из них выжимают все, что можно, оставляя лишь столько, чтобы сохранить их для выжимания их в будущий год»», – с возмущением заметил С.Г. Бережков²⁴. Всю дореволюционную интеллигенцию по малейшему поводу стали представлять носителями буржуазной идеологии, а значит чуждой строительству социализма силой. Известный историк И.М. Гревс с большим сожалением отмечал: «Ведь я не материа-

лист, а следовательно, с принятой нынче точки зрения, я буржуазный ученый. Но ведь это неправда. Я никогда не был сторонником капитализма. Он всегда был мне враждебен»²⁵.

Отказ советского руководства от постепенного, поэтапного продвижения к социализму привел к многочисленным срывам и неудачам, ответственность за которые была возложена главным образом на дореволюционных специалистов, обвиненных во вредительстве и подвергнутых репрессиям. Тем самым, интеллигенция, первой определившая социалистическую идею путеводной звездой прогрессивного обновления России, стала главной жертвой политики, построенной на возобладавших в руководстве СССР ошибочных представлениях о путях и методах ее практического воплощения.

---

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1990. С. 173.

² Русская литература XI–XVIII вв. М. 1988. С. 376.

³ Бенуа А.Н. Дневник. 1916–1918. М. 2010. С. 312.

⁴ Гиппиус З.Н. Дневники. М. 2017. С. 199.

⁵ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 6. С. 49.

⁶ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 6. С. 55.

⁷ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб. 2005. С. 798.

⁸ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 100.

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ Там же. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 24. С. 14–14 об.

¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 469. Оп. 1. Д. 9. С. 29.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. С. 34 об.

¹³ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 15. С. 5 об.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 469. Оп. 1. Д. 9. С. 29.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. С. 23.

¹⁶ ЦГАЛИ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 20. С. 23.

¹⁷ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 258.

¹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 445. Д. 4. С. 12.

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 24. С. 59 об.

²¹ Чуковский К.И. Дневник (1901–1929). М. 1991. С. 279–280.

²² Пришвин М.М. Дневники. М. 1990. С. 125.

²³ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 673.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Д. 22. С. 34 об.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 27. Д. 2. С. 22.

ЛЕНИН ВО ВХУТЕМАС: РЕВОЛЮЦИЯ И АВАНГАРД В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ МОЛОДОГО МИХ. ЛИФШИЦА*

Визит В.И. Ленина во ВХУТЕМАС, сохраненный множеством мемуаристов, представляет собой говорящую ситуацию, способную сказать нечто существенное о судьбе революции в России. Отражаясь в зеркале идей молодого Мих. Лифшица, эта ситуация раскрывает свою центральную идею: поиск разгадки проблемы противоречивых отношений революции и авангарда.

Ключевые слова: Мих. Лифшиц, Ленин, революция, прогресс, диалектика, Пушкин, Маяковский.

LENIN IN VKHUTEMAS: REVOLUTION AND AVANT-GARDE IN THE CONTEXT OF THE IDEAS OF YOUNG MIKH. LIFSHITZ

V.I. Lenin's visit in Vkhutemas, preserved by many memoirists, is a talking situation that can say something significant about the fate of the revolution in Russia. Reflecting in the mirror of the ideas of young Mikh. Lifshitz, this situation reveals its central idea: the search for the solution to the problem of the contradictory relations of the revolution and the avant-garde.

Key-words: Mikh. Lifshitz, Lenin, revolution, progress, dialectic, Pushkin, Mayakovsky

Признать все наследство классического искусства в его собственном, а не исправленном и подчищенном виде – значит многое изменить в установившемся образе мысли. С того времени, как я это понял (а было это 15 лет назад), я число начало моей сознательной жизни.

Из письма Мих. Лифшица Г.М. Фридендеру от 08.04.1938 года

В одной из своих поздних архивных заметок Мих. Лифшиц писал: «История = область пересечения всеобщего смысла – вопреки и благодаря – и факта (бессмыслицы)»¹. Действительно, что может быть бессмысленнее, чем голый исторический факт? Его молчание оскорбляет человеческую жажду смысла, способную даже в бесформенных разводах краски на стене разглядеть очертание прекрасного пейзажа. Но не менее оскорбителен и тот всеобщий смысл, что обречен бесплотным призраком вечно оставаться где-то по ту сторону действительности. Обнаружить внутреннее единство и взаимный переход двух этих полярных позиций способен только диалектический взгляд на историю, раскрывающий удивительное сочетание противоположностей, когда не только вопреки исторической ограниченности факта, но отчасти и благодаря ей, ноуменальная, фабульная сторона истории является нам во всей своей притягательной, посюсто-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ №18-011-01042 «Консервативные идеи в советской философии и литературе(круг М.А. Лифшица)»

ронней конкретности. Такие исторические ситуации по праву могут быть названы говорящими, представляя собой объективно существующие точки, «заряженные, – как писал Мих. Лифшиц, – всеобщностью, в которых сама материальная субстанция мира становится субъектом»².

Итак, говорящие ситуации существуют. И существуют они в форме объективных зеркал, составляющих фундамент нашего исторического познания, опирающегося «на узловые или смысловые точки бытия, эквиваленты более широкой реальности»³. Однако, отсюда вовсе не следует, что такие ситуации готовы заговорить с первым встречным. Еще в 30-е писатель Андрей Платонов во время своего знакомства с Мих. Лифшицем спросил: «А есть ли вообще в жизни смысл?», в ответ на что услышал: «Кажется, есть, но она не обязана предъясвлять его нам по первому требованию»⁴. Несомненно, говорящую ситуацию еще нужно суметь разговорить. И если она представляет собой зеркало, то открыть, что отразилось в этом зеркале, нам может лишь еще одно зеркало, тем самым как бы обнаруживая объективную систему зеркал, отражающих все более широкое содержание.

Обращаясь к истории Советского Союза, к переломному периоду 20–30-х, мы также можем обнаружить объективные зеркала, «прерогативные инстанции» (по выражению Мих. Лифшица, восходящему к Ф. Бэкону), способные в определенном факте, не только вопреки, но отчасти и благодаря этой его ограниченности, раскрыть перед нами всеобщий смысл исторического процесса. К числу этих непридуманных фабул, несомненно, относится и сохраненный воспоминаниями множества очевидцев рассказ о посещении В.И. Лениным Высших художественно-технических мастерских в Москве, учебного заведения, являвшегося одним из центров культурной жизни 20-х.

Это произошло вечером 25 февраля 1921 года. По воспоминаниям Н.К. Крупской, Ленину захотелось посмотреть, «как живет коммуна молодёжь»⁵. Он появился во ВХУТЕМАС абсолютно неожиданно и был тут же окружен толпой студентов, спешивших воспользоваться возможностью поделиться с Лениным какими-нибудь соображениями или вопросом⁶. «А он смеялся, уклонялся от ответов, на вопросы отвечал вопросами: «Что вы читаете? Пушкина читаете?» – «О нет, – выпалил кто-то, – он был ведь буржуй. Мы – Маяковского». Ильич улыбнулся: «По-моему, Пушкин лучше». После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому»⁷. Ленин долго и весело разговаривал со студентами, однако, «на обратном пути, – вспоминала И.А. Арманд, – в машине Владимир Ильич был задумчив и молчалив. По короткому «да», которое он время от времени произносил с какой-то особой интонацией, можно было судить, что он занят мыслями о только что состоявшейся встрече и озабочен»⁸. Отчасти понять природу этой задумчивости позволяют воспоминания А.В. Луначарского: «после этой бе-

седы Владимир Ильич говорил мне: «А все-таки какие это славные ребята, чудесные ребята, было бы хорошо, если бы их энергию можно было бы направить на какое-нибудь другое дело, в какое-нибудь другое русло: из них могло бы выйти что-нибудь очень хорошее – хорошие инженеры, хорошие врачи, но боюсь, что хороших художников из них не выйдет»⁹. И.А. Арманд дает такой вариант мысли Ленина: «От Надежды Константиновны я слышала, как, встретив после этого наркома просвещения А.В. Луначарского, Ленин сказал ему с упреком: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учите!»¹⁰.

Так что же отразилось в этом небольшом историческом эпизоде, почему даже спустя несколько лет люди вроде Крупской или Луначарского посчитали нужным сохранить для истории именно этот эпизод из деятельности Ленина в послереволюционную эпоху? Чтобы увидеть действительное содержание этой говорящей ситуации необходима специальная оптика. Такой оптикой станут для нас идеи молодого Мих. Лифшица, вовсе не случайно сформулированные им именно в стенах Высших художественно-технических мастерских второй половины 20-х.

К этому периоду относятся две важнейшие работы Лифшица: статья «К вопросу об эстетических взглядах Маркса» и доклад «Диалектика в истории искусства». Обосновывая возможность существования оригинальной и самостоятельной эстетической концепции в работах Маркса и Энгельса, Лифшиц также формулирует и лежащую в ее фундаменте идею неравномерности развития, согласно которой, расцвет искусства «не зависит непосредственно от количественного уровня развития хозяйства ни в прямом, ни в обратном смысле»¹¹, более того, периоды расцвета искусства часто и вовсе находятся в противоречии с уровнем развития хозяйства (например, эпос Гомера или живопись Возрождения). Вместе с тем, – отмечает Лифшиц, – «проблема неравномерности относится не только к искусству», а «неравномерность есть лишь специфическое выражение некоторого общего закона движения от одной пропорциональности к другой через дисгармонию и непропорцию реальности». Таким образом, «речь идет о диалектическом понимании прогресса»¹², когда каждый шаг вперед, в то же время, оказывается шагом назад, каждое завоевание означает утрату, а каждая победа покупается ценой поражения. Так в работах молодого Лифшица начинает формироваться то, что позднее будет названо им «теорией тождеств».

Да, «всякий прогресс есть вместе с тем и регресс, однако существует разница между двумя видами единства этих противоположностей»¹³. От чего же зависит, станет ли иное возвращение вспять более глубоким шагом вперед или, напротив, стремительное прогрессивное движение обернется страшнейшим регрессом? Разгадка этой тайны лежит в понимании кате-

гории отрицания, того, что Тегель называл негативностью. Несомненно, прогресс отрицает регресс, а регресс отрицает прогресс, но от того, в какой форме происходит такое отрицание (иными словами, в какой форме две эти противоположности образуют тождество), и зависит его итог. Согласно мысли молодого Лифшица, «решающую роль играет отрицание отрицания – положительный результат противоречия и внутренней борьбы»¹⁴. Отрицание становится положительным лишь тогда, когда его движущей силой выступает логика стремления к полноте, т.е. когда оно отрицает всякую ограниченность, всякую абстрактность во имя рождения в результате такого отрицания чего-то более конкретного, наполненного более широким содержанием. «Все негативное, всякое отрицание, – пишет Лифшиц, – ценно именно тем, что оно переходит в отрицание отрицания; и тем более ценно, чем полнее это совершается»¹⁵. Абстрактному тождеству противоположностей противопоставляется их конкретное единство.

Сформулированное Лифшицем диалектическое понимание прогресса непосредственно связывалось им с поиском разгадки проблемы противоречивых отношений революции и авангарда. Эта же проблема обнаруживается и в качестве центрального момента повествования о визите Ленина во ВХУТЕМАС. Но для того, чтобы увидеть взаимное отражение двух этих объективных зеркал, нам необходимо ответить на два вопроса: во-первых, почему перед студентам Ленин предпочел Пушкина Маяковскому, а во-вторых, почему, несмотря на это, он в итоге все же подобрел к последнему?

К началу 20-х гг. сформировались несколько основных позиций по отношению к пушкинскому наследию. Здесь не место разбирать каждую подробно¹⁶, поэтому остановимся на них лишь в самых общих чертах. Хорошо известна позиция радикального отрицания, подразумевавшая необходимость отречения от всей предшествующей культуры, запятнавшей себя связями с классовым обществом, таким образом, и дворянин Пушкин несомненно должен был быть заклеен как поэт классово чуждый победившему пролетариату. Однако наряду с радикальными формами постепенно стали возникать и более либеральные, пусть и не отрицавшие классовую чуждость, но отдававшие должное формальному мастерству поэта, которому можно и нужно было у него научиться. Еще одним вариантом реабилитации пушкинского наследия стали утверждения о близости или созвучности его наступающей эпохе социализма (кто-то подчеркивал оптимизм Пушкина, близкий поднимающемуся классу, кто-то отмечал важность языка Пушкина для перехода поэзии к новым задачам – от «митинговости» авангарда к описанию нового, социалистического быта¹⁷). Наконец, ближе к 30-м Пушкин предстал уже как своего рода окно в прошлое, без понимания которого невозможно понять и будущее. Последнюю позицию

можно обнаружить даже у А.В. Луначарского¹⁸, который в остальном высоко поднимается над средним уровнем и в этом отношении напрямую следует статьям Ленина о Толстом.

Так или иначе, но все эти вариации объединяет нечто общее: пусть Пушкин и лучше, и полнее всего *выражает* свою эпоху, он, тем не менее, ее не *отражает*. Он всегда остается лишь продуктом, как бы симптомом, механическим отпечатком, хоть и особого качества, но не зеркалом. А именно зеркалом, по мысли Ленина, продолженной Лифшицем, должен являться всякий великий писатель, если он действительно заслуживает этого имени. В истории, как и в природе, существует принципиальная разница между механическим отпечатком и отражением: если отпечаток, – писал Мих. Лифшиц, – «носит конечный и местный характер», если он есть «только отпечаток, только **влияние** одного материального тела на другое», то отражение основано на «разнице между миром конечных вещей, фактов, явлений и тем *бесконечным* общим содержанием, которое заключено в этой конкретной ткани», оно «*всеобще и бесконечно*»¹⁹.

Для Мих. Лифшица поэзия Пушкина – не просто механический результат слепого столкновения лежащих позади сознания классовых сил. Она – *объективное зеркало*, в котором отражается действительность, большое бытие ставшее субъектом в созданиях поэта и явившее в этих ограниченных формах бесконечное и всеобщее содержание. Здесь же кроется и ответ на вопрос: почему Ленин все же подобрел к Маяковскому? Во ВХУТЕМАСе он во плоти увидел, что же именно стоит за поэзией этого авангардного поэта: не только плакатный футуризм в духе Маринетти, но и нечто иное, не только продукт разложения перезрелой буржуазной культуры, но и крайне противоречивый революционный подъем самых широких масс²⁰.

1921 год был первым годом НЭПа. По мысли Лифшица, ленинский план предполагал «освобождение тысячелетней энергии, накопленной в низах, сдавленной тисками иерархии, социального неравенства – освобождение этой не растроченной целиком в Октябре социальной энергии, как силы, способной поддерживать режим самостоятельным участием масс, оправдывать сохранение государства и устранять его «отчужденность» от общества. Одним словом, для него нэп был связан с поисками новых путей советской демократии, преодоления остатков царской государственности и всяческого затора наверху»²¹. Это был поиск новой формы соединения самых широких масс и культуры, до того остававшейся им не только чуждой, но часто и противостоящей. Могла ли поэзия Маяковского найти эту форму? Ленин ясно видел, что нет – необходимо было связать концы разорванной нити человеческой истории, идея должна была войти в плоть и кровь, чтобы коммунизм не остался пустым лозунгом, но вошел в привычку, в быт. Именно об этом писал Ленин в своих поздних работах. Однако именно это-

го и не мог сделать Маяковский, оставаясь, по выражению Луначарского, «бездомным»: «Это все свидетельствует о бездомности Маяковского, о том, что настоящего корня он в новый быт, конечно, не пустил и этого нового быта, конечно, не сознает»²².

Авангард, даже в лице своего лучшего поэта, не сумел найти ту форму единства культуры и массы, которая была необходима революции для того, чтобы суметь выйти за пределы горизонта разложившейся классовой цивилизации. Но можно ли сказать, что авангард не нашел никакого единства? Нет, но что за единство было им обнаружено: это единство перезрелой, упадочной буржуазной культуры, со всеми ее атрибутами, «с кульгом силы, радостью уничтожения, любовью к жестокости, жаждой бездумной жизни, слепого повиновения»²³ и темной стихии взбесившегося обывателя. В одном из своих позднейших писем Мих. Лифшиц писал: «Маяковского я считаю значительной и до сих пор не понятой фигурой»²⁴. Эта значительность, отчасти, проистекает и из того, что в отличие от людей вроде Пикассо²⁵, он не стал насильно сводить концы с концами там, где эти концы не сводились для него в самой действительности. Назвав его «представителем анти-поэзии, доведённой до гиперболических размеров», Лифшиц так завершает свое письмо: «Его несчастью я сочувствую, его программу – отвергаю». В своей анти-поэзии, отразившей одну из важных и противоречивых сторон революции, Маяковский честно искал выхода, но погиб (прежде всего, как поэт) так и не найдя.

Однако уже в начале 20-х Ленин видел возможность и иного единства, с особенной пластической ясностью выразившегося в поэзии Пушкина: единства высших достижений человеческой культуры и свободной самодеятельности революционного народа – не темного обывателя и салонного декадента, но простого человека труда и тех хранителей старой, классической культуры «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести»²⁶. Но чтобы такое единство стало возможным, необходимо было в самой объективной реальности открыть действительные пути, способные опосредовать две эти пока еще разобщенные его составляющие. Голое, абстрактное отрицание авангарда есть не что иное как утверждение того, что отрицается, однако, утверждение в обратной, превращенной форме (см. слова Ленина об анархизме как «вывернутой наизнанку буржуазности»). В то время как подлинная классика открывает возможность отрицания конкретного. В своем докладе «Диалектика в истории искусства» молодой Мих. Лифшиц определяет понятие классики как «реализации отрицания отрицания в данных конкретных масштабах, а не в отдаленной перспективе»²⁷. В отличие от отрицания абстрактного, конкретное отрицание основывается на отражении предметом в себе своей собственной противоположности, ведь только объективное качество зер-

кальности способно, подобно щиту Персея, обеспечить защиту от голой негативности.

Вот почему Ленин и предпочел Пушкина Маяковскому: усвоить подлинно классическую поэзию Пушкина, заключавшую в себе «мужественное отношение к противоречиям истории, позицию художника, впитывающего в свои произведения всю красоту, весь разум мира и ограничивающего свои желания, взгляды, симпатии, все, что касается собственного субъективного вторжения в царство действительности», означало усвоить и совершенно новый, диалектический взгляд на историю. Взгляд, который в одно и то же время являлся и далекой перспективой революции, и ее ближайшей, самой насущной задачей. Взгляд, «не лишенный известной и даже очень глубокой веры в будущее, но веры осторожной, далекой от оптимизма просветителей или романтиков типа Ленского, веры человека, знающего, как тяжела жизнь большинства людей и сколько трудностей нужно преодолеть для того, чтобы внести в эту жизнь хотя бы самое малое, но действительное улучшение»²⁸.

---

¹ Лифшиц Мих. Что такое классика? М. Искусством XXI век. 2004. С. 423.

² Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М. 2003. С. 168

³ Лифшиц Мих. Что такое классика? С. 307.

⁴ Лифшиц Мих. Архив. Папка № 140. Л. 676.

⁵ Из воспоминаний Н.К. Крупской // В защиту искусства. Классическая марксистская традиция критики натурализма, декадентства и модернизма. Сост. Рейнгардт Л.Я. М. 1979. С. 233.

⁶ Важно отметить, что встреча проходила на фоне оживленной полемики «реалистов» и «футуристов» в стенах ВХУТЕМАСа, подробнее см.: Борьба реалистов и футуристов во ВХУТЕМАСе (Новые материалы). Публикация Л. М. Хлебникова // Литературное наследство Т. 80 В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М. 1971. С. 704–719.

⁷ Из воспоминаний Н.К. Крупской // В защиту искусства. С. 234.

⁸ Из воспоминаний И.А. Арманд // В защиту искусства. С. 252.

⁹ Из воспоминаний А.В. Луначарского // В защиту искусства. С. 239.

¹⁰ Из воспоминаний И.А. Арманд // В защиту искусства. С. 252.

¹¹ Лифшиц Мих. К вопросу об эстетических взглядах Маркса // Мих. Лифшиц Собр. соч. Т. 1. М. Изобразительное искусство. 1984. С. 221.

¹² Лифшиц Мих. Диалектика в истории искусства // Мих. Лифшиц Собр. соч. Т. 1. М. 1984. С. 236–237.

¹³ Лифшиц Мих. Диалектика в истории искусства // Мих. Лифшиц Собр. соч. Т. 1. С. 226.

¹⁴ Там же. С. 224.

¹⁵ Там же. С. 226–227.

¹⁶ Подробнее см: Платт Джонатан Брукс Здравствуй, Пушкин! : сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.

¹⁷ Луначарский А.В. Еще о Пушкине // А.В. Луначарский Собр. соч. Т. 1. М. Художественная литература. 1963. С. 41.

¹⁸ Луначарский А.В. Александр Сергеевич Пушкин [1930] // А.В. Луначарский Собр. соч. Т. 1. М. 1963. С. 83.

¹⁹ Лифшиц Мих. Что такое классика? С. 224–225.

²⁰ Н.К. Крупская так пишет об этом в своих воспоминаниях: «При этом имени [Маяковского] ему вспоминалась вхутемасовская молодежь, полная жизни и радости, готовая умереть за Советскую власть, не находящая слов на современном языке, чтобы выразить себя, и ищущая этого выражения в малоизвестных стихах Маяковского». Из воспоминаний Н.К. Крупской // В защиту искусства. С. 234.

²¹ Лифшиц Мих. Что такое классика? С. 32.

²² Луначарский А.В. Еще о Пушкине // А.В. Луначарский Собр. соч. Т. 1. С. 42.

²³ Лифшиц Мих. Почему я не модернист? // Мих. Лифшиц Почему я не модернист? М. Искусство-XXI век. 2009. С. 40–41.

²⁴ Лифшиц Мих. Письма В. Досталу, В. Арсланову, М. Михайлову. 1959–1983. М. Grundrisse. 2011. С. 48.

²⁵ «Грань между искусством и шарлатанством стала эфемерной, даже в пределах жизни одной личности (как Пикассо, например)» // Там же. С. 19–20.

²⁶ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // В.И. Ленин Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 45. М. 1975. С. 391.

²⁷ Лифшиц Мих. Диалектика в истории искусства // Мих. Лифшиц Собр. соч. Т. 1. С. 227.

²⁸ Лифшиц Мих. <Заметки об оптимизме Пушкина (Глава из незавершенной работы 30-х годов)> // Мих. Лифшиц Очерки русской культуры. М. Академический проект. 2015. С. 288.

В.В. Кнорринг

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СССР В 1921–1927 гг.: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Впервые в отечественной историографии поставлен вопрос о положительном влиянии Советской власти на еврейскую культуру в 1921–1927 гг. Проанализированы методологические аспекты этой проблемы. Выдвинутый тезис подтвержден примерами: новыми возможностями еврейской историографии, развитием еврейской школы всех ступеней, а также небывалым расцветом книгоиздания на идише. Сделан вывод о положительном влиянии Советского социалистического государства на развитие еврейской культуры означенного периода.

THE SOVIET POWER AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE JEWISH CULTURE IN THE USSR 1921–1927: CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE PROBLEM

For the first time in the Russian historiography, the question of the positive influence of the Soviet Power on the Jewish culture in 1921–1927 has been raised. The methodological aspects of this problem have been analyzed. The thesis put forward has been confirmed by the following examples: the new possibilities of the Jewish historiography, the development of the Jewish school at all levels, as well as the unprecedented development of book publishing in Yiddish. The conclusion has been made about the positive influence of the Soviet socialist state on the development of the Jewish culture of the indicated period.

Тема настоящего сообщения по сути своей является дискуссионной. Не располагая в настоящее время материалами для всестороннего раскрытия

столь сложной проблемы, предлагаю сосредоточиться на ее методологических аспектах. И прежде всего задаться вопросом: можно ли было сформулировать подобный тезис в какой-либо из предыдущих периодов отечественной истории?

На заре Советской власти положительное влияние таковой на все сферы культуры, включая ее национальные формы, в обсуждениях не нуждалось, поскольку считалось несомненным. В годы Великой Отечественной войны вообще было не до этого. Послевоенные годы ознаменовались печально известным витком репрессий, апофеозом которых стали расстрел Еврейского антифашистского комитета и «дело врачей». Тогда антисемитизм впервые попытались было привнести в советскую идеологию, но к счастью, на реализацию этой задумки не хватило времени. Наступила краткая эпоха «оттепели». Однако и в то время достаточно сложно представить себе дискуссию о роли еврейской культуры в советском обществе. А годы «застоя», как мы помним, стали периодом расцвета политики государственного антисемитизма, когда еврейская тема на официальном уровне последовательно замалчивалась, в массовом же сознании нашла свое отражение в огромном количестве анекдотов. Также в 1970–1980-е гг. возникло немало диссидентских течений, связанных с еврейством: религиозные, языковые, исторические семинары, «самиздат», движение «отказников» и т.д. Подобное положение дел отнюдь не располагало к анализу положительного влияния советской власти на развитие еврейской культуры.

И только Перестройка сделала возможным свободный разговор о еврействе вообще и об его культуре в частности. Поначалу это вызвало своего рода эйфорию, а когда первые страсти улеглись, началось серьезное погружение в тему. Отечественная иудаика – комплексная наука о еврействе, – будто возродилась из пепла после десятилетий вынужденного перерыва. Вновь возобновились исследования по истории евреев России и сопредельных стран, прекратившиеся еще в начале 1930-х гг. Но можно ли было в перестроечные времена поставить вопрос, сформулированный в теме нашего сообщения? Едва ли. Поясним это.

Благодаря тому, что исследования в области иудаики спустя более полувека словно бы возвращались к той точке, на которой были прерваны, они усвоили методологический фундамент еврейской науки, сформировавшийся еще в XIX в. и в общих чертах сохранявшийся в 1917–1930 гг. Верхней хронологической границей служит дата выхода последнего номера научного журнала «Еврейская Старина», основанного еще патриархом русско-еврейской истории С.М. Дубновым. Задолго до этого Дубнов разработал концепцию русско-еврейской истории¹. Одним из важнейших методологических принципов, провозглашенных им, было отношение к еврейской традиции как к фундаменту, на котором зиждится национальное сознание.

Ход рассуждений Дубнова оказал серьезное влияние на всех специалистов в этой области, причем не только в нашей стране, но и за рубежом. В России же сложилась особая школа историков еврейства, в определенной степени испытывавшая трансформацию взглядов после победы советского строя и впитавшая отдельные идеологические установки новой власти, но в основном сохранявшая преемственность с дубновскими принципами. Кстати, именно связь со старой школой и стала одной из причин закрытия в начале 1930-х гг. последних институций, специализировавшихся на историко-этнографических исследованиях еврейства. Вот с этой-то «точки» и начали отчет своих трудов исследователи, получившие возможность вернуться к еврейской теме после Перестройки. И сами они, и их аудитория впитали в себя методологические основы, впервые сформулированные еще в знаменитой Дубновской брошюре «Об изучении истории русских евреев и об учреждении Русского-еврейского исторического общества» (1891).

Первоочередной задачей, вставшей перед историками еврейства в постперестроечный период, было заполнение лакун в новейшей истории советских евреев. Ученые стремились к максимальной объективности. Однако факты, которые они анализировали при этом, говорили сами за себя, подталкивая к очевидному выводу: в Советском Союзе имели место преследования евреев, в особенности стремившихся сохранять национальную идентичность и соблюдать религиозные традиции. Это были не единичные случаи, но своего рода система, отчасти маскировавшаяся под «народную инициативу», а частично и скрытая под грифом секретности. Сказанное можно подкрепить более чем многочисленными примерами; остановимся лишь на трех. В 1920-х гг. в районах бывшей черты оседлости проходила кампания так называемых «судов над хедерами», которая была номинально инициирована самими жителями местечек. Но механизм подобных «народных инициатив» сегодня хорошо известен. Далее, богатую пищу для размышлений дает история ленинградской еврейской общины, – как ее руководителей, так и самого что ни на есть низового звена. И, наконец, вспомним биографию одного ученого – Исроела Цинберга (в русском окружении его уважительно именовали Сергеем Лазаревичем; даты жизни: 1873–1939). Он получил блестящее образование в университетах Германии и Швейцарии, вернулся в Россию со степенью доктора химии, специализировался в области химической технологии и с 1905 по 1938 годы возглавлял аналитическую лабораторию при Путиловском заводе. То, что большая часть этого срока пришлась на пореволюционные годы, лучше всего свидетельствует об отношении Цинберга к Советской власти (хотя горячим ее сторонником он не был). Зато ученый принимал активное участие в работе еврейских организаций города, несколько лет был главным редактором журнала «Еврейская старина» и занимался исследованиями в области иудаики. «Орус

vitae» Цинберга – многотомная «История еврейской литературы европейского периода». Рукопись этого труда бесследно пропала при аресте ученого в 1938 г. Жена Цинберга обратилась к высшему советскому руководству, чтобы прояснить причины ареста мужа и попытаться облегчить его участь. Ей передали: «Будь он только “старым спецом”, еще что-то можно было бы попробовать предпринять, но так как он еврейский деятель, ничего поделать нельзя». Об этом сообщает московская исследовательница Г.А. Элиасберг в монографии, посвященной Цинбергу². Как раз такие факты, связанные с антиеврейской политикой властей, и были впоследствии засекречены на долгие годы.

Историк обязан быть объективным. Но каждый историк остается человеком, и трудно представить себе человека, перед которым бесконечной вереницей проходили бы изломанные, исковерканные судьбы ни в чем не повинных людей, и которого при этом не захлестывали бы эмоции. Пока шла огромная работа по восстановлению «белых пятен» новейшей истории и пока боль от постижения этой истории не улеглась, никакой разговор о положительном влиянии советского строя на еврейскую культуру был решительно невозможен. Но в наши дни настала пора для действительно объективного, холодного анализа еврейской истории новейшего периода. Поэтому и тема моего сообщения могла быть заявлена только сегодня. Она прозвучала, попробуем же разобраться в данном вопросе.

Утверждать, будто Советская власть принесла евреям одни только бедствия, не смог бы ни один честный, уважающий себя историк. Это не означает отрицания всего сказанного выше: в целом советское государство действительно проводило по отношению к евреям политику дискриминации по национальному принципу. Но во-первых, это государство многое евреям и дало, а во-вторых, в различные периоды своей истории оно относилось к евреям по-разному. Рассматриваемый нами период 1921–1927 гг. можно считать временем наивысшего расцвета еврейской культуры в Советском Союзе. И снова остановимся на трех примерах, подтверждающих сказанное.

В означенный период стал возможен новый виток развития еврейской историографии. Вот как об этом говорилось в редакционном предисловии к одному из томов уже упоминавшегося журнала «Еврейская старина», что вышел в свет после большого перерыва, вызванного революционными событиями. Итак: «Многое изменилось за годы перерыва... Коренным образом изменились и условия работы, и эти условия ставят перед нами новые задачи. С падением еврейского бесправия и беззащитности исчезает острый интерес к целому ряду явлений из недавнего прошлого, которые были связаны с царским режимом и которым приходилось уделять слишком много внимания. Горизонт нашей научной работы расширяется. <...>

Мы можем себе позволить роскошь приняться за разработку самых разнообразных общих и частных проблем нашего прошлого на протяжении всех эпох и всех стран еврейского пребывания. Мы можем ныне свободно разрабатывать материалы по участию еврейства в политическом и революционно-социалистическом движении. И, наконец, что касается работы в области антропологии и этнографии, новые условия ставят особенно серьезные требования. За годы революции жизнь широких еврейских масс подверглась коренному изменению в экономическом и культурном отношениях. Изучение этих изменившихся условий и их освещение на страницах «Еврейской старины» должно стать одной из насущнейших задач»³. Эти слова, написанные в 1924 г., имели программный характер. Действительно, в 1920-е гг. стала возможной разработка тем, немислимых во времена царизма. Но в то же время под запретом оказались другие темы, которые до революции никому не пришло бы в голову запрещать. Например, любая публикация по истории религии (а эта область тесно смыкается с областью древнейшей истории Израиля) могла быть расценена как попытка религиозной пропаганды и повлечь за собой соответствующие санкции. Упреки в клерикализме могло также вызвать любое упоминание иврита – древнееврейский язык был заклеямен как враждебный Советской власти «язык клерикалов».

Постановлением Центрального бюро еврейских коммунистических секций от 11 июля 1919 г. «языком еврейских масс» был объявлен исключительно идиш. С этого момента начинается интенсивное строительство системы образования на идише, начатое еще в годы Первой мировой войны. Но если тогда школьное дело всецело зависело от энтузиастов и благотворителей, то в 1920-х гг. руководство народным просвещением (в т.ч. национальным) вышло на государственный уровень. Это обеспечило невиданные доселе масштабы формирования новой педагогической системы: от яслей – до гуманитарных факультетов ВУЗов. Ярче всего эти процессы протекали в Белоруссии, где идиш был объявлен одним из государственных языков. В этой республике быстро развилась и система профессионального еврейского образования, о чем свидетельствует хотя бы история Витебского еврейского педагогического техникума⁴. Но основное внимание, конечно же, уделялось средней школе. Это уже второй пример, доказывающий, что в 1921–1927 гг. культура советских евреев переживала резкий взлет. Однако не будем останавливаться на нем подробно. Вопрос этот досконально изучен в литературе⁵. Интереснее взглянуть на нашу тему сквозь призму истории книгоиздания на идише.

Библиографирование фонда литературы на идише Российской национальной библиотеки позволило выявить любопытные факты, которые и будут нашим третьим примером. Материалом для анализа послужило более

10 000 изданий, включенных в электронный каталог; выборку можно считать репрезентативной. Вначале статистика: с 1922 г. число советских книг на идише непрерывно возрастало. В 1921 г. в каталоге учтено 78 изданий, а в 1927 – уже 268. Разумеется, первостепенную роль тут сыграло изменение экономической политики. Другая причина – декретом Совнаркома от 12 декабря 1921 г. было разрешено открывать кооперативные и частные издательства. Они и обеспечили огромный прирост книжной продукции. Этот тезис в основном относится к московскому издательству «Shul un bukh» («Школа и книга») и киевскому «Kooperativer farlag “Kultur-Lige”» («Кооперативное издательство “Кульгур-Лига”»). Первое было создано в 1922 г., продержалось до 1928 г.; работало на высоком полиграфическом уровне и имело ряд региональных отделений. Другое образовалось в самом начале 1920-х. Оно стало последней из институций знаменитой Кульгур-Лиги – ассоциации еврейских художественных и культурно-просветительных организаций, сложившейся в Киеве в конце 1918 г. и окончательно раздавленной большевиками не позднее 1922 г. Издательство просуществовало до 1932 г., выпуская образцовые издания как по уровню подготовки, так и по оформлению.

Нельзя не пожалеть о том, что история еврейского издательского дела до сих пор не написана. В настоящее время мы располагаем лишь сырыми материалами, к которым относятся и библиографические описания книг. Но даже они позволяют сделать ряд важных обобщений.

Прежде всего, читательское назначение, тематика и оформление советских изданий, в т.ч., и на идише, резко отличались от дореволюционной книги, а также от книжной продукции, выпускавшейся в тот же период за границей. В репертуаре еврейской книги появились политические издания, учебники для всех ступеней образовательных учреждений, научно-популярная литература. Особую группу составили серьезные научные издания: труды по языкознанию и фольклористике, а также терминологические словари, над которыми активно работали в БССР. И все же художественной литературы было больше всего. Анализируя еврейскую беллетристику, нельзя не отметить, что переводных произведений издавалось едва ли не больше, нежели оригинальных. Переводили мировую и русскую классику, но активно работали и с современной литературой (например, были изданы романы Лидии Сейфуллиной и Федора Гладкова). Особую категорию составила детская книга. К примеру, в 1920-е гг. вышли великолепные издания С.Я. Маршака, причем высокохудожественными были не только их оформление, но и сами переводы. И последнее: все это разнообразие было упорядочено выпусками крупных книжных серий. В них выходили книги для детей и взрослых, возникло множество тематических серий, пропагандистских, учебных и т.д.

Конечно, в те же самые годы за рубежом (в Литве, в Польше и т.д.) также издавалась масса небезынересных книг на идише. Там было выпущено гораздо больше произведений модернистов, большинство из которых сегодня уже признаны классиками. Выделялась среди заграничных изданий и группа религиозно-философских трудов, которые не могли бы появиться на свет в Советском Союзе: тут их нишу заняли вульгарно-атеистические агитки. Но различие между зарубежной и советской системой книгоиздания лежало в плоскости более глубокой, нежели тематика выпускаемой литературы. В СССР издательское дело подлежало государственному регулированию, что, разумеется, определяло тематико-типологические характеристики продукции. Но господдержка означала еще и помощь в решении финансовых проблем, стоявших даже перед кооперативными и частными издательствами. Благодаря этому, можно было не опасаться чрезмерных рисков, связанных со сбытом книг – отсюда и богатство их ассортимента.

За рубежом же книгоиздание всецело зависело от позиции владельцев издательств. Были, конечно, и такие идейные издатели, как феноменальный Борис Клецкин, но их были единицы, а преобладали коммерсанты. Вот почему за границей было так много развлекательной литературы на идише, настолько же низкопробной, насколько примитивными были антирелигиозные советские брошюрки. А вот качественных научно-популярных изданий там было в десятки раз меньше, чем в СССР.

Подведем итоги. В 1921–1927 гг. еврейская культура в Советском Союзе пережила небывалый взлет, предпосылками которого были руководство сферой культуры и просвещения со стороны государства, социалистический характер этого государства и набор идеологием, активно насаждаемый им. В то же время традиционная еврейская культура, дореволюционная научная школа и частично художественное творчество оказались вытесненными на периферию, а затем и вовсе уничтоженными. Это повлекло за собой преследования определенной части еврейского населения СССР вплоть до репрессий, однако они набрали силу только в 1930-х гг. Двадцатые же годы двадцатого века стали наиболее благоприятными для еврейской культуры за весь период существования Советской власти.

---

¹ Подробнее об этом см.: Дубнов С.М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени: Воспоминания и размышления. Иерусалим. М. 2004; Кнорринг В.В. Предисловие // «Еврейская старина» (1909–1930 гг.): Аннотированная роспись содержания. СПб. 2018.

² Элиасберг Г.А. «...Один из прежнего Петербурга»: С.Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист. М. 2005. С. 145.

³ От редакции // Еврейская старина. Т. 11. Л. 1924. С. 3–4.

⁴ Яковлева Г.Н. «Красный педагог является общественным работником»: Витебский еврейский педагогический техникум в 1920–1930-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 142–161.

⁵ Подробнее об этом см.: Смиловицкий Л. Школа на идише в первые десятилетия Советской власти: Еврейское образование в Белоруссии. 1921–1941 гг. // Новая еврейская школа: Пед. альманах. 2002. № 11; Чистяков С.С. Формирование новой еврейской национальной школы в России и СССР (1890–1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 2011; Идиш: язык и культура в Советском Союзе. М. 2009.

И.А. Лапина

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕДТЕХНИКУМЫ КАК ОСНОВНОЕ ЗВЕНО ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ В РСФСР В 1917–1930-е ГОДЫ**

На основе анализа документальных источников и обзора региональных исследований реконструируется общая картина процессов, связанных с реализацией концепции этнонациональной политики советского государства, направленной на «выравнивание исторической кривой» в развитии народов в сфере образования. Рассматриваются экономические, организационные и программно-методические проблемы подготовки учительства для массовой национальной школы в 1920–1930-е годы.

Ключевые слова: этнонациональная политика, педагогическое образование, национальные школы, национальные педтехникумы, культурная революция, Наркомпрос.

Based on the analysis of documentary sources and a review of regional studies, the overall picture of the processes associated with the implementation of the concept of ethnic and national policy of the Soviet state aimed at «leveling the historical curve» in the field of education is reconstructed. Economic, organizational, and program-methodical problems of teacher training for mass national schools in the 1920s and 1930s are considered.

Key words: ethno-national policy, pedagogical education, national schools, national pedagogical technical schools, cultural revolution, Narkompros.

Концепция этнонациональной политики советского государства, действовавшая до середины 1930-х годов, сложилась в период формирования советской федерации в 1920–1924 годах, и была подтверждена решениями X и XII съездов ВКП(б). Смысл заключался в том, чтобы предоставить не только юридическое равноправие представителям всех народов, населявших территорию бывшей Российской империи, но в том, чтобы обеспечить им реальное равенство, возможность для свободного национального развития, которое в перспективе привело бы к их добровольному слиянию в одну наднациональную общность. Эта политика «выравнивания исторической

** Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №20-09-00026 «Метаморфозы этнонациональной политики советского государства в зеркале высшей педагогической школы. 1917–1939 годы».

кривой» предполагала государственную помощь не только в экономическом развитии, но и в развитии культуры как средстве нациестроительства.

Политика национально-культурного строительства осуществлялась по трём направлениям: развитие образования на родном языке, всеобщ и подготовка учителей. Был и четвёртый, содержательный момент: новая школа на всех её уровнях должна была формировать новое мировоззрение. Это находило отражение и в лексике языков, и в наполнении образовательных программ всех уровней, и в том типе учителя, который должна была подготовить профессиональная школа. Новый педагог представлялся не просто как специалист, но как активный строитель социализма и воспитатель нового поколения строителей. Он должен был обладать материалистическим мировоззрением и профессиональными навыками не только в работе с отдельными детьми, но и в организации школьных коллективов, и в культурно-просветительной работе среди взрослого населения¹.

В 1920-е годы в советской России была разработана система подготовки учительства, опыт которой повторили все союзные республики. Основным звеном подготовки учителя для школ I ступени, составляющих подавляющее большинство национальных школ, стали национальные педагогические техникумы, которые создавались на базе дореволюционных учительских семинарий, гимназий, реальных училищ. Первым этапом советизации учительства в 1918–1921 гг. было создание кратковременных курсов переподготовки в духе установок советского государства; затем на их основе образовывались 4-х годичные педагогические техникумы. Кроме того, по заявкам национальных секций отделов нацменьшинств Наркомпрос РСФСР бронировал места в общих педтехникумах. По сведениям, представленным С.В. Соколовским, в 1928–1929 гг. бронирование Наркомпросом мест для национальных меньшинств достигало 45%.²

В 1920-е гг. было принято дифференцировать политические задачи относительно разных социальных групп. Все народы бывшей Российской империи, не имевшие собственной государственности, относились к «национальным меньшинствам». После образования Союза ССР и национально-территориального районирования под национальными меньшинствами стали понимать дисперсные группы. Некоторые национальности относились к «культурно развитым» (западные народы), другие – к «культурно отсталым» (в основном, восточные народы).

К «культурно развитым» относились, в первую очередь, немцы. Немцы были рассеяны по всей территории РСФСР, но крупные анклавы существовали в Поволжье, в Казахстане, на Северном Кавказе, в Крыму. В Поволжье еще до 1917г. существовало более 500 немецких школ различного типа. Школа была в каждом немецком селе, а в с.Ровном была учительская семинария. В 1920 –е гг.. В августе 1922 г. по решению Агитпропа Немецкого

обкома РКП(б) 1922 г. открылся немецкий педагогический техникум в селе Зельман (Ровном). Именно в этом поселении в 1918г. была провозглашена Трудовая коммуна немцев Поволжья, и там уже существовал опыт подготовки учителей через семинарию³. Первые два курса были общеобразовательными, на третьем изучали педагогику, методику преподавания, музыку, рисование и лепку, физкультуру, ручной труд, методики преподавания и историю революционного движения.

Позднее был открыт педтехникум в Маркштадте. В числе трудностей подготовки отмечалось плохое знание как немецкого, так и русского литературного языка. Ключевым моментом в образовании было развитие речи⁴. В 1925 г. Немецкий педтехникум, открытый в Ровном, был переведен в Ленинград, расположившись по адресу наб. р. Мойки, 74–76. Этот техникум должен был готовить учителей для немецких школ всей страны. В 1925 г. в нём обучалось 150 человек. Разработкой программ занималась Немецкая секция при Совнацмен ЛенГубОНО. В составе программной методической комиссии были проф. В.М. Жирмунский, проф. А.Г. Вульфius и др. Педагогику читала П.О. Эфруси.

В 1926г. на базе техникума проводились 2-х месячные курсы по переподготовке учителей. В Программу были включены политические занятия, педагогика, общие и просветительские дисциплины. В 1926 г. была проведена конференция учителей немецких школ Ленобласти, на которой присутствовали учителя из немецких колоний Средняя Рогатка, Ново-Саратовская, Парголово, Стрельнинская, Каменка, Овцино, Кингисепп⁵. В 1934 г. в Немецком техникуме обучалось уже 280 человек. Срок обучения в начале 1930-х гг. в педтехникумах сократили до 3–х лет.

Педтехникумы были открыты на Северном Кавказе: в селе Ванновское в Краснодарском крае (центре бывшей немецкой колонии Эйгенфельд; в 1928г. там был сформирован Ванновский немецкий район). Было открыто Немецкое отделение в Минералводском педтехникуме. В 1926 г. открылся немецкий техникум в Славгороде (немецкое село Гальбштадт в Немецком нацрайоне Алтайского края). Подготовка там велась по немецкому и русско-украинскому направлениям. В Челябинской области в 1930-е гг. был открыт Кыштымский педтехникум, в котором училось 180 студентов. Техникум сделал три выпуска учителей немецкого языка по 60 человек (последний – в 1938 г.). Однако, немецких педтехникумов на территории РСФСР было непропорционально мало по отношению к численности немецкого населения. Это можно объяснить тем, что немецкая молодёжь владела русским языком и стремилась учиться в русских техникумах и вузах. Но была и другая причина: немцы, начиная с Первой мировой войны, подозревалась в политической нелояльности. Это подтверждает судьба некоторых преподавателей немецкого педтехникума в Ленинграде.

Для второй, наиболее активной в отношении образования после немцев этнической группы – еврейской – были созданы национальные педтехникумы в Смоленске и Витебске (Витебск до 1924 г. входил в состав РСФСР). История Витебского педтехникума рассказывается в статье Г.Н. Яковлевой. Студенты этого педтехникума представляют некий обобщённый портрет будущего советского педагога-общественника, полностью стоящего на платформе советской власти. Среди 80 слушателей первого набора техникума, открытого в 1921 г. в помещении школы Талмуд-торы было 30 коммунистов, 7 членов партии Поалей-Цион и 1 член Бунда. Значительная часть из них уже принимала активное участие в общественно-политической жизни страны. Чего только стоит эпизод с «красным обрезанием», когда в честь рождения у преподавателя сына ему преподнесли в подарок подписку на полное собрание сочинений К. Маркса⁶... Отметим, что у студентов еврейских техникумов, было гораздо меньше проблем с общим образованием, чем у учащихся аналогичных учебных заведений других национальностей.

В 1932 г. был открыт Биробиджанский еврейский педагогический техникум (педучилище). За 1932 – 1943 гг. им было выпущено 480 учителей.

Латышский Центральный Педагогический техникум в Ленинграде был создан на основе Латышского пролетарского клуба при активном содействии Э.К. Эйзеншмидта – заведующего Латсекцией в Комиссариате просвещения Северной области и секретаря бюро латышской секции Петроградской организации РКП(б) в 1918–1919 г.⁷ Некоторые из бывших латышских стрелков стали мирными преподавателями и ушли в науку. Примером могут служить Ян Вилломович Лоя, составитель известного латышско-русского словаря, Ян Петрович Кошкин (Алькор), возглавивший Ленинградское отделение Комитета Севера и Всероссийского комитета нового алфавита. Латышский педтехникум был коллективным членом латышского общества «Прометей» (рук. Я. Витолс)⁸. Техникумом находилась сначала на 2-й Красноармейской, 8. В 1934 г. он располагался на наб. р. Мойки, 76. В это время в техникуме обучалось 150 человек. В 1934 г. Латышский педтехникум стал частью Ленинградского педтехникума нацменьшинств Запада, созданного путём объединения с немецким и эстонским⁹.

В Ленинграде и области в межвоенный период по некоторым сведениям проживало более 43 тысяч поляков. Польский педагогический техникум располагался по адресу Моховая, 34, затем переехал на наб. Жореса, 22/2. В 1934 г. Заведующим был И.И. Шлягор – выпускник Польской секции Отделения нацменьшинств Герценовского пединститута. В техникуме в это время училось 170 человек.

Одной из самых многочисленных этнических групп в Ленинградской области были финны. С 1863 г. существовала финская учительская семина-

рия в Колпанах. В 1919 г. она была переведена в Гатчину (Красногвардейск) на Большой проспекте, 20 в здание Гатчинской учительской семинарии (эвакуированной в Воронежскую губернию). В 1920 г. её переименовали в Финский педтехникум. На 4-х годичное обучение принималось ежегодно 2–3 группы по 20 человек. В 1926 г. финский педтехникум был переведен в Ленинград, где делил здание на 1-ой линии Васильевского острова, 52 с Эстонским педтехникумом. В 1934г. финский и эстонский техникумы были объединены, и там было открыто и ижорское отделение.

Ещё один финский педтехникум существовал в Петрозаводске с 1923 г. Он разместился в здании бывшей Мужской учительской семинарии (первой в Олонецком крае, основанной в 1903 г.). Петрозаводский техникум готовил учителей для национальных школ Карелии (в 1936 г. был объединён с Русским педтехникумом).

В Лодейнопольском педучилище в 1932 г. было открыто вепское отделение (в Ленобласти было 24 национальных вепский сельсовета и работали 53 вепские школы). Сведений об этом отделении пока найти не удалось, кроме того, что оно было закрыто в 1938 г. по постановлению ЦК ВКП(б).

Среди восточных народов самыми просвещёнными считались татары. Создание Татарской автономной республики способствовало развитию массового школьного образования, которое требовало в свою очередь развития образования педагогического. Основная масса учителей приходила в школы через краткосрочные курсы культурмейцев¹⁰.

При этом сеть педагогических учебных заведений в ТАССР уже в 1921–1922 гг. выглядела довольно значительной: 8 педтехникумов. 3 из них были чисто татарскими (Татарский и Казанский крещенский в Казани и Татарский в Елабуге), два смешанных русско-татарских (в Чистополе и Тетюшах). В Казани был также Чувашский педтехникум и Русский опытный педтехникум. Русский был ещё и в Спасске¹¹. Количество выпускников постепенно наращивалось. К началу 1926/27 учебного года в педтехникумах обучалось 2606 учащихся. В условиях двуязычия и лимита времени осуществить учебные планы, заданные Главпрофобром Наркомпроса в национальных педтехникумах представлялось нереальным. Это было связано с нехваткой преподавательских кадров и литературы на родном языке, отсутствием учебников, слабой подготовкой абитуриентов. На 4-м курсе приходилось вводить общеобразовательные предметы. Проблемы подготовки национальных педкадров поднимались на педагогических конференциях и съездах. Так, на I съезде по профобразованию Татарской республике (3–10 июня 1925 г.) говорилось о 6-летнем сроке обучения в педтехникумах как об идеальном варианте: 2 подготовительных года (как на рабфаках) и 4 основных¹².

Вся тяжесть реализации учебных планов ложилась на предметные комиссии, которые пытались найти способы их корректировки. В статье

Ш.Ф.Садыкова, посвящённой реализации программы по обществоведческому циклу дисциплин в национальных техникумах в 1920-е годы, повествуется о деятельности предметной обществоведческой комиссии при Главпрофобре Наркомпроса ТАССР. О важности преподавания обществоведения в техникумах говорилось в циркуляре ЦК РКП(б) от 14 сентября 1925г. Партийным организациям предлагалось привлекать квалифицированные силы для преподавания этого предмета¹³. До конца 1920-х гг. у образовательных учреждений существовала определенная степень свободы в разработке образовательных программ. Обществоведческая комиссия при татарском Наркомпросе подготовила предложения по усовершенствованию учебного плана. Во-первых, она пыталась убедить Наркомпрос РСФСР в необходимости введения 5-летнего срока обучения (что было совершенно нереально). Другое предложение заключалось в увеличении часов на общеобразовательные предметы на 1 и 2-м году обучения за счет педагогического цикла. Предлагалось также более осмысленно подходить к практике учащихся. Кроме того, комиссией была проведена корректировка программ по обществознанию. Программы ГУС, как известно, были основаны на комплексном принципе. В основе программы по обществоведению лежали проблемы классовой борьбы. Раздел обществоведческого цикла «Основы народного хозяйства и индустриализация Союза», предлагавшегося к изучению на 1-м курсе, комиссия переформулировала так: «Экономика нашего региона и СССР», включив туда тему из учебного плана 2-го курса «О ремесленной и крупной промышленности». «Историю классовой борьбы» на 2-м курсе заменили на «Историю партии и задачи РКП(б)», включив туда дисциплину с 3-го курса «Начало социалистической революции в России». В историческую часть программы было решено внести дидактические единицы, отражающие национальные сюжеты: «Феодализм у татар: его особенности. Светские и духовные феодалы. Формирование военного государства. Власть хана и военно-служилого класса». На 3-м курсе изучался раздел «Советский строй и Конституция СССР» (Декларация прав трудящихся. Избирательное право. Национальный вопрос. Татарская республика и ее органы власти). Проект программы в части исторического материализма вообще было предложено переработать «ввиду его несистематичности»¹⁴. Результатом этих усилий было перераспределение объёма часов между практикой и общеобразовательными курсами.

Предметная комиссия изучала опыт соседних республик. Член комиссии В. Рафиков – преподаватель Татарского педтехникума, владевший восточными языками, в т.ч. турецким, отчитываясь о результатах командировки в Азербайджан, рассказывал, как обстоят дела там. Выяснилось, что педтехникумы в Азербайджане именовались по-старому: учительские семинарии. Там функционировало 12 тюркских и 3 смешанных семинарии

(грузинско-азербайджанская, армяно-азербайджанская и русско-азербайджанская). Преподавание велось на тюркском; у учителей был свой печатный орган на тюркском языке. Учебные заведения строились на основе раздельного обучения. Начальные школы были пятилетними. Общественная работа в техникумах вообще не затрагивалась. Финансирование было гораздо более значительным, чем в ТАССР: 11 млн рублей против 4 млн.

Впрочем, относительная автономия, которой пользовались образовательные учреждения и органы народного образования национальных республик на протяжении 1920-х годов всё больше сокращалась. Начиная с 1930г. программно-методическое руководство было полностью закреплено за Наркомпросом РСФСР. Вводилось единство программно-методического комплекса, обеспечивавшего чёткую линию в подготовке социалистических кадров. Так, сетка часов по социально-экономическому циклу для педтехникумов стала выглядеть следующим образом:

1. История классово-борьбы, история ВКП(б) и Коминтерна – 210 часов.
2. Экономическая география – 60 часов.
3. Политэкономия и основы теории советского хозяйства – 110 часов.
4. Введение в диалектический материализм – 60 часов. Всего – 440 часов.

Трудно сказать, какую пользу это приносило студентам, плохо знающим русский язык при том, что соответствующих пособий на татарском было ещё недостаточно.

Состояние татарских педтехникумов в районах, где татары были этническим меньшинством можно продемонстрировать на примере Екатеринбургского (Свердловского) Татаро-башкирского педагогического техникума, который был основан 10 октября 1919 г. по решению Коллегии Екатеринбургского ГубОНО и известного под названием Мусульманский педтехникум. В 1921 г. в нём было 2 группы, в которых учились 24 девочки и 51 мальчик. Преподавательский состав на тот момент был молодёжным:

1. Кильматов Ф.М. – 29 лет, образование среднее, преподаватель педагогики; он же – заведующий техникумом.
2. Макаримов И.С. – 25 лет, высшее неоконченное, преподаватель родного языка.
3. Власова З.К. – 30 лет, образование среднее, преподаватель русского языка.
4. Перфильева М.В. – 31 год, преподаватель рукоделия.
5. Салихов С.В. – 40 лет, образование высшее, преподаватель немецкого языка, гигиены, географии.
6. Салихов Т.В. – 28 лет, образование среднее, преподаватель обществоведения и истории.

7. Ильясов З.С. – 32 года, образование среднее, преподаватель родного языка.

8. Штейман В.К. – 42 года, образование среднее, преподаватель математики, алгебры, геометрии.

9. Тагиров А.Ш. – образование высшее, химик по образованию, преподаватель физики.

10. Ястребов В.В. – 34 года, преподаватель рисования.

Материальные условия были тяжёлыми. В 1924 г. 32 из 137 учащихся покинули техникум, не выдержав плохого питания. Первый выпуск в 1923/1924 г. составил всего 3 человека. Один из них пришёл на работу в Свердловскую татаро-башкирскую 7-летку. В 1924 г. преподавательский состав полностью сменился. Среди них было отмечено пятеро татар:

Мухитдинов С.Ф. – заведующий, преподаватель географии и русского языка.

Зиганьшин А.З. – Казанский университет, Горфак, преподаватель математики.

Зиганьшин З.М. – «Галия»¹⁵, преподаватель родного языка.

Хабибуллин М.Х. – «Галия», преподаватель родного языка

Кадыров – преподаватель обществоведения.

Второй выпуск, состоявшийся в 1924/1925 г., был больше: 8 человек.

В 1926 г. техникумом новый директор – Абайдуллин – преподаватель родного языка и методики. В 1926 г. увеличился объём преподавания русского языка за счёт сокращения немецкого и педагогической практики. Ситуация на 1926г. несколько изменилась, о чём свидетельствует докладная записка заведующего Свердловским татаро-башкирским техникумом на имя заведующего УралОНО, датированная 12 ноября 1926 г. В ней говорилось и о социальном составе учащихся:

Общее количество учащихся – 121.

Из них: мужчин – 72, женщин – 49.

По социальному составу: из детдомов – 31, крестьян (батраков и детей бедняков) – 51, рабочих и детей рабочих (чернорабочих) – 28, детей служащих (сельских учителей) – 10. Членов и кандидатов ВЛКСМ – 90.

Приезжих из округов – 118¹⁶.

Принцип зачисления в вузы и техникумы по социальному положению в 1926/27 учебном году был таким: в первую очередь принимали детей из детдомов и подростков, направленных биржей труда; во вторую – детей рабочих и батраков (к этой категории относились и дети учителей, научных работников, работников госорганов); затем – детей беднейших крестьян и кустарей-одиночек; в последнюю очередь – всех остальных. С 1928–1929 гг. требования к социальному происхождению абитуриентов ещё больше ужесточились.

В связи с недостаточным финансированием национальным педтехникумам приходилось искать пути к выживанию. В 1929 г. Из 120 студентов Татаро-башкирского техникума получали стипендию в размере 18 рублей 113 учащихся. Деньги полностью шли на оплату общежития и организацию питания в столовой «Нарпита». У техникума было учебное (оно же – подсобное) хозяйство: 23 гектара земли, 3 лошади для обработки земли, и 15 молочных коров. Но хозяйство содержалось в плохом состоянии, заинтересованность в его поддержании была невысокой. В справке ревизионной комиссии УТК отмечалось: «Хозяйство ведется вне всякого плана. При перерасходе на содержание скота, коровы очень тощие, не ухоженные, за год надой снизился на 45%. Лошади стоят не чищенные и не кормленные. Инвентарь в беспорядке свален в кучу, трудно определить, что исправно, что нет. Телеги стоят под снегом, несмотря на имеющиеся свободные сараи, заваленные мусором. Урожай 1927/28 года реализован на 50%, остальное испорчено или пропало. Руководители техникума не знают, что происходит в учхозе»¹⁷.

Перечень национальных педтехникумов может быть дополнен такими учреждениями, как Горский педтехникум во Владикавказе, созданный в 1923г., Греческое отделение в Краснодарском педтехникуме, Якутский педтехникум и др.

В список на закрытие, содержащийся в постановлении ЦК ВКП(б) от **19 марта 1938 г.**, попали, как бесперспективные Нижне-Баканское греческое педучилище (станция Нижнебаканская была центром Греческого национального района в Краснодарском крае), Ассирийское отделение Армавирского педагогического училища (открытое по инициативе ассирийского просветителя Ушаны Бедроева в 1932 г. и успевшее произвести один выпуск), Феодосийское педучилище Крымской АССР, Цыганское педагогическое училище в Москве и др.

Зато со второй половины 1920-х годов начинают открываться педтехникумы для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Народ коми называют европеизированным восточным народом. 22 августа 1921 г. в составе РСФСР на территории Коми края была образована Автономная область Коми (Зырян), административным центром которой стал город Усть-Сысольск на Вычегде (Сыктывкар). Педтехникум для коми-зырян открылся в Усть-Сысольске в соответствии с декретом СНК РСФСР от 21 ноября 1925 г.¹⁸

Педтехникумы для «туземных народов» стали открываться с начала 1930-х годов. В октябре 1931 г. был открыт Енисейский педтехникум. Особую роль в истории образования коренных народов Сибири сыграл Тобольский педагогический техникум. В 1928 г. там было открыто Национальное отделение, которое подготовило появление татарского педагогического

училища в Тобольске, национальных педагогических училищ в Обдорске (Салехарде). (1932) и Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске). На основании Постановления Президиума Уральского областного исполнительного комитета от 14 февраля 1932 г. «О хозяйственном и культурном строительстве в северных национальных округах Уральской области» туземное отделение Тобольского педагогического техникума и подготовительная трехгодичная туземная школа были переведены в п. Остяко-Вогульск¹⁹. Переводы учащихся из одного учебного заведения в другие были в то время распространённым явлением.

В связи с новыми задачами, стоявшими перед страной, Коллегия Наркомпроса РСФСР в июле 1930 г. приняла постановление о «максимальном развертывании сети низшего и среднего профессионального образования» ... «с полным учетом потребности в нацкадрах низшей и средней квалификации для всех отраслей хозяйственного и культурного строительства, особенно по группе культурно отсталых народностей, и с особым упором на педагогическое образование»²⁰. Развернувшаяся экономическая модернизации предполагала иные средства осуществления культурной революции, нежели развитие школьного образования на родных языках. Однако национальная школа, несмотря на все трудности и непродолжительный период своего существования, выполнила те задачи, которые стояли перед ней: привлекла на сторону советской власти новое поколение, заложила в нём чувство национального достоинства и тягу к знаниям.

---

¹ Педагогическое образование. Учебные планы педагогических вузов и факультетов с объяснительной запиской. М. Главпрофобр. 1927. С. 2.

² Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М. 2004. С. 67.

³ Организацию поручили Николаю Николаевичу Беллендиру – регистратору волостного правления и учителю немецкого языка, окончившему училище Тираспольской духовной семинарии.

⁴ Штугер А.Н. Педагогическое образование в системе национальной школы немцев Поволжья. Дис... к.п.н. 1998. URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskoe-obrazovanie-v-sisteme-natsionalnoi-shkoly-nemtsev-povolzhya>

⁵ Зюсс В. Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб. 1999. С. 452–474.

⁶ Яковлева Г.Н. Красный педагог является общественным работником»: Витебский еврейский педагогический техникум в 1920-1930-е годы» // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 142–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krasnyy-pedagog-yavlyaetsya-obshchestvennym-rabotnikom-vitebskiy-evreyskiy-pedagogicheskiy-tehnikum-v-1920-1930-e-gg/viewer>

⁷ Э.К. Эйзеншмидт был арестован в ноябре 1937 г., приговорен к в.м.н

⁸ Рязанцева Н.Б. Формирование и развитие латышской национальной интеллигенции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6, 2006, вып. 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-latyshskoy-natsionalnoy-intelligentsii-na-primere-deyatelnosti-latyshskih-natsionalno-kulturnyh-obedineniy-v-s/viewer>

⁹ Смирнова Т.М. Многонациональная Ленинградская область. Краткий исторический очерк

//Альтернативы. Международный общественно-политический и аналитический журнал. № 1. М., 2001. URL:http://libelli.ru/magazine/01_1/lenobl.htm

¹⁰ Садыков Ш.Ф. Особенности разработки и внедрения единой программы по обществоведению в техникумах ТАССР в 1920-х – начале 1930-х годов //Педагогика. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2019. Том 4. Вып. 4. С.55–61. <https://www.gramota.net/materials/4/2019/4/9.html>

¹¹ Мукминов Т.Н. Из истории среднего педагогического образования в Татарской АССР (1921–1941) // Ученые записки Казанского педагогического института. Казань. 1958. С. 41.

¹² Садыков Ш.Ф. ... URL: <https://www.gramota.net/materials/4/2019/4/9.html>

¹³ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л. ОГИЗ. 1931. С. 167.

¹⁴ Садыков Ш.Ф... С. 57.

¹⁵ «Галия» – медресе, созданная в Уфе в 1907 г.

¹⁶ Бибков Р. Свердловский татаро-башкирский педагогический техникум. 1919–1929. <https://rbvekpros.livejournal.com/36098.html>

¹⁷ Там же.

¹⁸ О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка. Декрет СНК РСФСР. 21 ноября 1925 г. // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13929>

¹⁹ Ханты-Мансийский технолого-педагогический колледж. Историческая справка. URL: <https://hmtpk.ru/about-the-college/history/>

²⁰ О состоянии и очередных задачах просветительной работы среди нацменьшинств. Постановление Коллегии Наркомпроса. Протокол от 16 июля 1930 г. // 1930. № 29. С. 12–13.

В.Г. Арсланов

ХРОНИКА И СМЫСЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ДНЕВНИКАХ А.Н. БЕНУА (1917–1924 гг.)

Дневники А.Н. Бенуа 1917–1924 гг. – важнейшие документальные свидетельства русской революции, принадлежащие одному из самых умных, образованных и честных ее современников. Они убеждают, что закончить мировую войну и организовать послевоенное культурное строительство в России могла только одна партия – большевистская. По мнению Бенуа, самой большой опасностью на пути культурного строительства был ужасный синтез темного народа с авангардом ультра-революционной футуристической культуры.

Ключевые слова: революция, монархия, мировая война. кризис, большевизм, декадентство, футуризм.

CHRONICLE AND MEANING OF RUSSIAN REVOLUTION IN A. BENOIS'S DIARIES (1917–1924)

A. Benois's Diaries 1917–1924 represent very significant factual evidence of Russian Revolution, provided by one of the its most clever, educated and honest contemporaries. The Diaries persuade that only the Bolshevik Party was able to finish the First World War and organize postwar culture reconstruction. In Benois's opinion, the biggest danger on the way to the reconstruction of culture was an awful combination of uneducated people and avant-garde ultra-revolutionary futuristic culture.

Key-words: revolution, monarchy, world war, crisis, bolshevism, decadence, futuristic culture.

Документальные свидетельства выдающегося русского художника и историка искусства А.Н. Бенуа о русской революции и первых послереволюционных годах – опровержение тех сведений, которые содержатся, например, в «Красном Колесе» А.И. Солженицына.

Подобно Солженицыну, Бенуа был убежден, что Россию и монархию погубила мировая война, выход из которой России в 1917 году стал вопросом жизни и смерти. Однако если Солженицын пытается доказать, что царская Россия вполне могла бы выйти из войны, а погубили Россию большевики, то документальные свидетельства Бенуа убеждают непредвзятого читателя, что закончить войну могла только одна партия – большевистская. Запись накануне Октябрьского переворота 23 июля 1917 года: «...ни безумно-перепуганному, но тщеславному фетишке Терещенко, ни “славному товарищу” цирковому Августу, а в глубине души, быть может, просто армянскому жулику Церетели, ни представителям кадетов, эсеров и прочих партий не справиться с этой, в сущности, простой, но требующей некоторой государственной мудрости задачей. Вот и продолжает колесница лететь под гору, а какой там Змей-Горыныч ее стережет, одному Богу известно. Вероятнее всего, впрочем, что этот Левиафан – просто Сквозник-Дмухановский, и мы вернемся к его розгам. Или, вернее, к нашему национальному разбитому корыту, в котором пьяная старуха-Россия стирала грязное белье Романовых»¹. Любопытно, что 10 июля 1917 года Бенуа упрекал большевиков в медлительности: «Трусами оказались и вожди большевизма, ибо в их руках одно время и даже два раза были все возможности, а они испугались и попятнулись, когда дошло дело до [в тексте: «да». – В.А.] захвата державы»². Вскоре после Октябрьского переворота 23 ноября 1917 г. Бенуа пишет: «...хорошая статья о “союзниках” в “Правде”. Как-никак, а в основной своей линии “они” [большевики. – В.А.] правы и служат к вящей славе Божьей помимо собственного своего желания. Да и лгут они меньше, чем другие... Даже теперь их победа не так страшна и вредна для России, нежели была бы победа всех остальных партий (которым все безразлично – за войну до победного конца, т.е. за разорение)»³.

14 августа 1923 года, находясь в Берлине, Бенуа следующим образом характеризует положение дел на Западе: здесь «прятание головы в песок» от кризиса, от «всего положения безысходности». «Эту безысходность, – продолжает Бенуа, – мы в России ощутили еще в 1917 году, что и привело к двум революциям и что создало, всего хуже, ныне уже на $\frac{3}{4}$ пережитую фантастику нашего существования в продолжение пяти лет. И теперь мы в России в привилегированном положении выздоравливающего организма. Напротив, здесь огромное и мощное по своим духовным и физическим силам государство только еще начинает по-настоящему ощущать свой тяжелый недуг»⁴. Однако на Западе «дело пока непоправимо, ибо кровь из организма

продолжает утекать, и не может быть такой пробки (у нас роль пробки сыграла если не сама доктрина, то возможность во имя ее отказаться от обязательств и сем покончить с войной), которая бы заткнула эту утечку»⁵.

На протяжении первых послереволюционных лет Бенуа склонен был думать, что большевизм – явление временное: «Революция произошла сама собой, как *спасение* от нелепо затянувшейся войны, как средство с ней покончить»⁶. Запись 14 декабря 1917 года: «А если мир будет заключен, то большевики (сами себя считающие обреченными) усидят еще несколько месяцев. А что дальше будет, неизвестно»⁷. Считая, в отличие от большинства буржуазной интеллигенции, лидеров большевиков людьми честными, Бенуа иронически замечает 15 февраля 1918 года: «теперь уже общее мнение, что Ленин брал у немцев деньги, но надул их!»⁸

В отличие от А. Солженицына и других современных критиков революции, Бенуа ищет ключ к объяснению мировых событий в коренных социальных отношениях, а не в психологии политических лидеров, хотя не принимает марксизма и не доверяет классовому анализу. При этом, будучи художником, он мыслит образами. 9 мая 1917 г., наблюдая, как публика в трамвае вступилась за женщину с ребенком, которая вопреки правилам «влезла в трамвай» с передней площадки, Бенуа продолжает: «Всюду в мире вагонная публика взяла бы сторону кондуктора, выпроводила бы женщину и поспособствовала бы, чтобы ее впустили с задней площадки. [...] Возможно, что такая обстановка в России выражает в сути своей прекрасную черту. Это, может быть, то самое, что когда-нибудь предоставит России первое место (это все тот же Толстой). Однако в своих теперешних формах то же явление способно меня привести только в ужас, и это именно потому, что оно стихийно, неосознанно, не укреплено чувством “высшего долга”. Справиться с ним не удастся даже самому Керенскому, хотя про него Тихонов в редакции сегодня и сказал, что это Наполеон. Наполеон имел дело с упругой, понаторелой в строительстве, упорной расой латинян. Во Франции он мог взойти на ступени доверху, собрать всех и вся и повести нацию дальше. А попробуй это сделать здесь!»⁹ Нарисованную Бенуа сцену в трамвае Мих. Лифшиц мог бы назвать «априорным фактом» российской жизни начала XX века.

8 мая 1917 г., под впечатлением разговора с Шейхелем, Бенуа пишет: «Народ родил великую идею (общего примирения), но сознание образованных кругов не сумело ее переработать в убедительные формулы, вследствие чего произошел окончательный раскол с народом. Это очень верно. Как ни бранишь это гигантское животное, но в его зверином лике, в его пассивности и даже в его лени заложена большая мудрость. Напротив, и следа мудрости нет в ноющих по нем и дразнящих его буканах-интеллигентах. Вот как замычит, зарычит, как начнет кататься по земле, что тогда будет?

Какими бы средствами их обуздать и сделать менее глупыми, назойливыми и ненасытными?»¹⁰

В «Дневниках» Бенуа – многочисленные и очень выразительные портреты элитарной российской интеллигенции, по своей яркости, убедительности и точности они могут сравниться только с портретами той же русской интеллигенции, которые были нарисованы А. Блоком в его статьях, дневниках и записных книжках. Вот жена Д. Мережковского, известная поэтесса З. Гиппиус: «Елена В. вкратце рассказала про “Утро поэзии”, которое состоялось в воскресенье. Гротеск и что-то невыносимо противное дошли до крайней своей точки, когда выступала Зиночка (З.Н. Гиппиус), которая металась, подбоченясь, по эстраде и выкрикивала: “Их надо барским хлыстом отстегать” (я всегда чуял, что под разными ликами нашей “белой дьяволицы” прячется истеричка-крепостница)»¹¹ (запись 23 января 1918 г.) Точно такую же монархистку и в то же время – декадентку, озвучивающую идеи Ивана Ильина, Солженицын изображает в своем «Красном Колесе», но, в отличие от Бенуа, она (профессор Ольга Андозерская) для Солженицына – свет и надежда России, «самая умная женщина Петербурга», предмет поклонения и единственная настоящая любовь главного героя, альтер эго Солженицына, полковника Воротынцева. Роль этой интеллигенции (истеричных крепостников) в истории России начала XX века представлена у А. Бенуа 24 ноября 17 года так: «Люди, способные все еще говорить с пеной у рта о Дарданеллах, а в большевизме видят не больше того, что в нем видят Аргутоны и Степановы, – такие люди показывают, что их слепота неизлечима. Они точно напрашиваются, чтобы у нас была введена машина, укорачивающая людей “всего на голову” (страшные слова Троцкого). А вместе с ними погибнем *и мы, и всё наше!* А в заключение этой трагедии появится, по выражению Димочки Философова, Фортинбрас в виде Вильгельма. Другого выхода не будет, если не будет *еще худший!*»¹²

Кто противостоит этим образованным крепостникам-декадентам, каков народ, по мнению Бенуа? 21 июля 1917 г. по поводу общения с крестьянами в деревне он пишет: «И в то же время (это и есть странность) я испытываю какое-то чувство неловкости перед этими дикарями, хотя мне и в мысль не приходит их идеализировать. Скверно, странно, вяло и лениво они работают, если сравнить их работу с работой западных крестьян, но они *бесспорно работают*, тогда как в их обществе, среди их полуразвалившихся изб моя работа, а следовательно, и вся наша интеллигентная работа представляется уже не работой, а баловством»¹³ – «Может быть, я оттого и не люблю деревню, и не хочется мне в ней жить, что красота ее для меня отравлена этим смеющимся, испытующим глазом мужика»¹⁴.

Кто поможет русскому крестьянству отделить, скажем, Блока и Бенуа, – от четы Мережковских, от блестящих ораторов Философско-религиозного

общества (выступление одного из них произвело на Бенуа «впечатление иступленного онаниста, чего-то ужасно гадкого, жуткого и мокро-холодного. Ужас, ужас!»¹⁵)? Не случайно большевики в лице Луначарского протянули руку Бенуа, ему предлагалось стать директором Эрмитажа, и хотя Бенуа от этого предложения отказался, опасаясь быть окончательно отторгнутым от среды «своих», все же он очень много сделал для спасения сокровищ мировой культуры.

В первые годы революции Бенуа был убежден, что большевики не сумеют обуздать разбушевавшуюся народную стихию. 23 апреля 1918 г.: «Их красивый социализм подкупал каким-то естественным самоотречением»¹⁶, у них достаточно идеализма («голубиной чистоты»), но недостаточно «змеиной мудрости», они слишком подчинены своей доктрине и глухи к требованиям жизни. Впрочем, большевики, как видно из «Дневников» Бенуа, справились уже в первые недели и месяцы своей власти с такой нешуточной проблемой как повальное пьянство солдат и матросов, вернувшихся с фронта. 23 января 1918 г. Бенуа пишет: «по сведениям Ларисы [Рейснер; вероятно, сведения она получила от своего мужа Ф. Раскольников. – В.А.], за одну ночь в Крепости расстреляли 125 человек солдат, принимавших участие в погроме магазинов и погребов во Вознесенскому проспекту! А к чему еще придется прибегнуть, раз не находятся способы, чтоб покончить с главным развращающим злом – с войной (ведь мирные переговоры опять застопорились и могут каждую минуту оборваться)»¹⁷.

Но еще труднее было справиться с тем злом, что сидело в самих большевиках. Запись 26 января 1918 г.: «Ужасно в большевиках не то, что они деспотичны (всякая власть такова), но что согласно своей книжной программе они не могут не вмешиваться в частную жизнь, что таковая вообще для них не существует, а следовательно, они сделают в смысле разрушения быта больше, чем все пресловутые жестокости царизма» – «Но не это ли национальное лицо России? Ведь большевики (с неотъемлемым своим демонизмом) – самые настоящие Аракчеевы и Победоносцевы. В то же время они характерные русские люди, ибо русский человек в существе своем *дееспот...*»¹⁸

Пристально и трезво наблюдая за эволюцией большевизма, Бенуа отличает его от современной буржуазной культуры, которая разрушительна по своей сути, и от буржуазных политиков, от царской бюрократии: «Люди, стоявшие у рычагов, были в подавляющем большинстве или импотенты, или вконец изолгавшиеся, а ложь, даже если она и очень ловка “препарирована”, перестает при слишком частом пользовании действовать. Весь секрет успеха “новых людей” в том, что в них много подлинной свежести и чего-то вроде “святой простоты”. Только все это смешано черт знает с чем, а голо-

вы одурманены испарениями от целого *океана крови*» (запись 21 ноября 1917 г.)¹⁹

В 10-томном «Красном Колесе» не нашлось места для информации о том, что делали большевики с царскими сокровищами и резиденциями, например, с Царским Селом. Читаем у Бенуа (30 апреля 1918 г.), непосредственном участнике описываемого им события: «Красоты Царского сделали свое: большевики постепенно все более проникаются ею, и уже в конце, после обзора Большого дворца, прямо впали в своего рода экстаз. Напротив, я и, вероятно, Романов (кто его разберет?) усомнились в том, что собирались отстаивать, а именно – необходимость сохранения в полной исправности ненавистных комнат Николая II и Александры Федоровны в Александровском дворце»²⁰, по той причине что «...до *такой* степени все это уродливо, гадко и глупо, что как-то нет сил отстаивать целость таких гнусностей. Пожалуй, я буду стоять только за самую подробную регистрацию и фотографирование в мельчайших подробностях, но пусть вселяются сюда дети...»²¹ «Сначала мне казалось, что А.В. Луначарский хочет перевезти в Царское всех пролетарских детей Петрограда, а потом оказывается, что имеются в виду лишь шестьсот ребятишек до двенадцатилетнего возраста»²².

Вспоминая в 1924 г. о Европе, какую Бенуа увидел во время поездки на Запад в 1923 году, он констатирует: «никаких оздоровляющих струй оттуда не идет, ибо там нет *веры*, нет идеологии класса, доминирующего и дающего всему успех. Мы же в таком состоянии, что без *обновления* у нас внедрения веры (большевики – настоящая вера) нам не выпутаться, и ожидать обновления *оттуда* не приходится. В этом смысле и можно согласиться, что Европа гниет»²³. А в чем большевистская вера, к чему стремится большевизм как массовое народное движение? «Я вижу очень могучие требования справедливости (пусть неверно понятой и осуществляемой, но истинной по существу), – замечает Бенуа в своей “Исповеди” 1918 г., – я вижу пусть очень грубое, но все же живое требование приложения закона любви к ближнему (ибо не только каждый хочет себе блага, но и другим), но оно, наверно, проснется, когда злоба спадет, а это все указывает на стихийное влияние добра. Издалека наше время будет почитаться взрывом идеализма, и этот ореол, наверно, дастся ему благодаря тем жертвам, которые должны будут принести *все без исключения* и которые воспитают в нашем и в будущем поколениях бесстрашие и равнодушие ко многому, что еще сейчас, в качестве наследства от предыдущей эпохи, почитается необходимым. Хотелось бы избежать этих жертв!»²⁴

Обновлять внедрившейся в послереволюционную Россию вместе с большевизмом веру необходимо, по убеждению Бенуа, для преодоления главного зла – упадочной культуры (материальной и духовной), декадент-

ства в самом широком смысле слова. Именно декадентство как синоним гибели, разрушения, упадничества лезло в большевизм со всех сторон: и в виде дикой солдатской массы, «матросни» – и в форме «революционной» культуры, представляющей собой перевернувшуюся, но не изменившуюся по сути культуру старую: «футуризм как течение, – писал Бенуа в “Исповеди” 1918 г., – оторванное от живой жизни, как нечто поглощенное чисто профессиональными заботами (я знаю, что они это отрицают...) скорее может мешать выработке таких художников»²⁵, то есть художников, способных возродить умирающую культуру. Очень яркие и выразительные портреты левых художников и искусствоведов, примкнувших к революции (Маяковского, Мейерхольда, Татлина, Филонова, Пунина и др.) возникают на страницах «Дневников» Бенуа, например: «Если Татлин великолепный ярморочный шарлатан, то Пунин довольно низкопробный салонный софист и педант»²⁶.

Рассматривая свои дневники как «правдивый протокол текущего безумия», Бенуа добавляет: «Должен при этом сказать, что, несмотря на все ужасы, связанные с “большевистским опытом”, мои симпатии остаются пока на “их” стороне. Это плохой знак – это значит, что старый строй действительно обречен на полное исчезновение. А это как-никак *мой* строй! Моментами мне до слез жаль этого исчезающего нашего же прошлого, прямо продолжать жить не хочется! А потом, как вспомнишь какие-то “мило-стивые улыбки” всяких заперевшихся в оградах своих родовитости и сановитости бездарностей, всю “упадочную душу” этого отживающего мира, так становится до того тошно, что готов принести какие угодно жертвы, только бы не возвращаться в это болото. Тогда во мне потухают и последние вспышки моего монархизма»²⁷ (17 января 1918 г.)

Покидая навсегда Советскую Россию, Бенуа 8 августа 1924 года выразительно рисует свое противоречивое настроение: «У меня приступы паники перед отъездом. Зачем еду? Не по *своей* воле и желанию, во всяком случае! Отдаюсь судьбе»²⁸. Перечитывая свой «Дневник» в 1955 году, Бенуа подводит итог жизни: «В ряды “белогвардейцев” (как о том сообщается в разных советских изданиях) я никогда не вступал, однако и не мог себе представить, чтобы я мог вернуться в условия того “порабощения духа”, которым прославилась наша родина, – и это несмотря на все, что в ней продолжает меня манить и пленять, и несмотря на то, что я не вполне принял в душу то, что продолжает оставаться для меня чуждым на Чужбине»²⁹.

---

¹ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. 3-е изд. М. Захаров. 2016. С. 444.

² Там же. С. 426–427.

³ Там же. С. 551.

⁴ Александр Бенуа. Дневник. 1918–1924. 3-е изд. М. Захаров. 2016. С. 654.

⁵ Там же.

- ⁶ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. С. 524.
⁷ Там же. С. 585.
⁸ Александр Бенуа. Дневник. 1918–1924. С. 33.
⁹ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. С. 317–318.
¹⁰ Там же. С. 390.
¹¹ Там же. С. 705.
¹² Там же. 534.
¹³ Там же. 439–440.
¹⁴ Там же. С. 441.
¹⁵ Там же. С. 352.
¹⁶ Александр Бенуа. Дневник. 1918–1924. С. 138.
¹⁷ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. С. 707.
¹⁸ Там же. С. 719–720.
¹⁹ Там же. С. 522.
²⁰ Александр Бенуа. Дневник. 1918–1924. С. 152.
²¹ Там же.
²² Там же.
²³ Там же. С. 679.
²⁴ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. С. 657.
²⁵ Там же. С. 658.
²⁶ Александр Бенуа. Дневник. 1918–1924. С. 495.
²⁷ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. С. 686–687.
²⁸ Александр Бенуа. Дневник. 1918–1924. С. 807.
²⁹ Александр Бенуа. Дневник. 1916–1918. С. 709.

СЕССИЯ III.
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИЗМА И МАРКСИЗМА

Detlev Quintern

FROM MARX TO BAKU –
THE MOVEMENT OF SOCIALISM TOWARDS EASTERN HORIZONS

The Manifesto of the Communist Party, written by Karl Marx and Friedrich Engels in 1848, assumed that, despite the defeats of the continental revolutions, it would be the industrially advanced countries of Europe, above all England, that would lead the way to a socialist revolution. England as the most developed capitalist country, served as a model for the founders of Scientific Socialism (Friedrich Engels). Karl Marx and Friedrich Engels assumed that England's development merely will anticipate the historical determined path of development of all other countries. The periodisation of history is understood in progressive stages. In *Grundrisse* (1857/1858, published in 1939–1941 in Moscow) Marx introduced a schemata of historical periodization which later Friedrich Engels adapted in *Ludwig Feuerbach und der Ausgang der Deutschen klassischen Philosophie* [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy] (1886): the *Asian mode of production* which is followed by slavery before feudalism finally transforms into capitalism, before socialism enters a transitional stage which leads to the realm of freedom: communism.

The founders of socialism had difficulties in classifying societies which had different historical developments in the South or East, such as India, Egypt or Russia, which united very different ways of life and production with Central Asia. Engels had a formative influence on the materialistic conception of history which had been largely followed by Marxist theorists towards the end of the 19th century. Rosa Luxemburg expressed later some doubts with regards to an isolated model of capitalism.

While the late Marx, in his preface to the Russian edition of *Das Kapital* (German 1867, Russian 1872), doubted the deterministic course of history, it finally became clear to him – expressed in a letter from 1881 to the Russian revolutionary Vera Zasulitch – that his historical theory of the transition from feudalism via capitalism into socialism was limited to Europe. Friedrich Engels largely continued to adhere the predominantly economic-materialistically derived periodisation of history. What consequences did the materialistic conception of history have for the regions of the world subject to European colonial rule? The introduction of an alleged *Asian mode of production* (AMP) into the periodisation scheme – the AMP had been understood as the starting

point of state-based development in human history – had the consequence that Karl Marx and Friedrich Engels attributed a progressive and revolutionary role to capitalism. This holds especially true for the countries under mainly British imperialist rule, be it China, India, Egypt or Sudan. Figures in imperialist military services like lieutenant Charles Gordon, who nomadized from the battle fields during the Crimean War in the mid of the 1850s before storming the palace in Peking in 1860 and finally occupying parts of Sudan from the 1870s onwards, were much more moving around the globe than the assumed commodities bringing down, as Marx and Engels still believed in the Communist Manifesto, the Chinese Wall. Above all it was imperial-militaristic violence which destroyed former flourishing states and societies in Asia, Africa and the Americas. While only rudimentary parallels were drawn between the near and distant colonies, here Ireland and India – although late Marx certainly realised that English capitalism and its land aristocracy could only be overcome by Irish resistance – no parallels can be found in the work of Engels and Marx with regard to necessary independence of India, Egypt or Sudan from British colonialism. On the contrary, the role of colonialism was understood ambivalently: as a destructive one and as a constructive one, paving the way for capitalism. The anti-colonial liberation struggles in China, India, Egypt or Sudan, which had already flared up during the lifetime of Marx and Engels, had no consequences with regard to the basic European socialist understanding, which was already laid down in the manifesto of the Communist Party: “Proletarians of all countries, unite!

Friedrich Engels denies that the anti-colonial uprisings could revolutionize the Arab-African and, in a broader sense, social orders in the East (Orient). The model of capitalism, which, despite all the anomalies on the world market, was supposed to prevail first, in order to polarise the classes into wage labourers and capital owners, and thus prepare the economic-social conditions for socialism. For the anti-colonial movements during the lifetime of Marx and Engels, the theoretical assumptions of the two socialist theorists played no role. They resorted mainly to regional and local theories of justice and mobilised the peoples in the struggle for independence from European Colonialism. Beginning with the Egyptian-Palestinian resistance against the French occupation of Egypt at the turn of the 19th century, to the 1830s in Algeria – coming in Africa to a victorious end in the short 20th century (Namibia only freed itself from apartheid in 1990), without being able to completely overcome existing structural dependencies from former European colonialism.

In 19th century Russia, too, before Marxism began to dominate and unite the revolutionary movement, ideas of a just society and modes of living free from exploitation and oppression were mobilised, not rarely on the basis of ethics

and morals which played no role in the Marxist understanding of history. They were not bound to an inevitable historic development, derived from supposedly hidden laws in economy. After Bakunin had translated the Manifesto of the Communist Party, in 1872 „The Capital“ of Karl Marx was also translated into Russian. It was Georgij Plechanov who prepared the theoretical ground for the transformation of the Russian People's Movement (Narodniki) into a Marxist tendency. But both, Narodniki and Marxists, were superficially anchored in the northern regions of the vast Russian Empire.

In the East, the Caucasus, Central Asia and from the Black Sea and Caspian Sea to the borders of China, there were not only different modes of living, world views (religions, spiritualities), cultures, languages, alphabets etc. but an understanding of justice which often was derived from specific traditions of faith and spirituality, as it could also have been found among early German communists. Wilhelm Weitling referred to early Christianity in his writings – a tradition in the history of ideas from below which can be traced back far beyond the 16th centuries peasant wars in Europe. In the East of the Russian Empire it were primarily Islamic, Armenian or shamanic cosmologies, sometimes interwoven with concepts of European Enlightenment traditions – inspiring revolutionary and independence movements.

Can the East of the Tsarist Russian Empire be compared to the British colonial rule in the Orient? What were possible differences? At this point, the article will ask about the classification and significance of the *Asian mode of production*, the oriental and Russian village community as an analysis category in the thinking of Marxist theorists, including in the works of Georgij Plechanov, Rosa Luxemburg, Vladimir Ilyich Lenin. Did the development of capitalism in Russia, which also took the form of European capital penetration (railway construction especially in the 1860s), make the destruction of Russian village communities inevitable? At least that was how Marx had seen it in view of India. Did Plekhanov and Lenin refer to the concepts of an Asian production method? And, can parallels be drawn between the British colonies mainly in the Orient and the Central Asian regions of the Tsarist Empire? Did the peoples of the East have a part in the Russian Revolution? And, if so, which one? Finally, it must be asked whether it was not least the revision of Marx's assessment of Ireland that prompted Lenin to focus on the right of self-determination of oppressed peoples, including in the Russian Empire. So how did the Marxist classics in Russia assess the development of capitalism and socialism in Eurasian Russia?

The early capitalist developments in the urban centres in the north contrasted with very different economic, social, cultural and religious developments in the east of the expanded empire. While the slogan “Proletarians of all countries,

unite! (1848) still focused on European-Western workers' solidarity, the Congress of the Peoples of the East in Baku in 1920 made it clear that the struggle for independence of the peoples of the East had not only played a role in the Russian October Revolution of 1917, but had also contributed to changing the slogan of workers' solidarity towards "Proletarians of all countries and oppressed peoples, unite! The article discusses classics of socialism with regard to non-capitalist ways of life and the role of the peoples of the East and the South in the perspective of models for a Eurasian social and cultural revolution.

М.Б. Конашев

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ – ПЕРИФЕРИЙНЫЙ СОЦИАЛИЗМ?

Развитие капитализма привело в XX в. к ряду революций и возникновению социализма, который либо просуществовал несколько десятилетий, либо существует до сих пор. Все успешные социалистические революции случились и социализм возник не в наиболее развитых, а в средне- и слабо развитых капиталистических странах, в слабых звеньях капиталистической цепи, согласно В.И. Ленину, или, согласно Р. Пребишу и И. Валлерстайну, в странах «периферийного капитализма». Поэтому социализм был «периферийным социализмом» и этот «периферийный социализм» неизбежно уступал и частично проиграл соревнование капитализму, но только капитализму метрополии, а не капитализму вообще, не капитализму как таковому. Таким образом, не социализм вообще, а «периферийный социализм» проиграл соревнование, но капитализму метрополии, а не «периферийному капитализму», из которого возник и который он явно и бесспорно превзошел.

The development of capitalism led in the 20th century to a number of revolutions and to the origin of socialism, which either lasted for several decades or still exists. All successful socialist revolutions occurred and socialism arose not in the most developed, but in the medium- and poorly developed capitalist countries, and, according to V.I. Lenin, in the weak links of the capitalist chain or, according to R. Prebisch and I. Wallerstein, in the countries of "peripheral capitalism". Therefore, this socialism was "peripheral socialism" and it inevitably conceded and partially lost the competition to capitalism, but only to metropolitan capitalism, not capitalism per se. Thus, socialism did not lost the competition to metropolitan capitalism as well as "peripheral socialism" did not lost the competition to "peripheral capitalism" from which it originated and which it clearly and undeniably surpassed.

Никто, вероятно, не осмелится утверждать, что развитие капитализма не привело в XX в. к ряду революций, в результате которых произошли различные социальные, экономические, политические, идеологические и культурные изменения, и там, где эти революции оказались успешными, к

возникновению социализма, который либо просуществовал несколько десятилетий, либо существуют до сих пор. Но все эти революции случились и социализм возник не в наиболее развитых капиталистических странах, что не совпадало с предположениями классиков марксизма, а в средне- и слабо-развитых странах, в самых слабых звеньях капиталистической цепи, согласно В.И. Ленину¹, или в странах на «периферии» мирового капитализма, по И. Валлерстайну², в странах «периферийного капитализма» по Р. Пребишу³. Ни в одной стране капиталистической метрополии революции не произошло, во всяком случае, успешной, и социализм не возник. Тот социализм, который возник, существовал и существует, тоже не соответствует представлениям классиков марксизма, их последователей и продолжателей, и, в первую очередь, В.И. Ленина.

Из этих трех несоответствий были сделали разные выводы в зависимости, прежде всего, от политических и иных убеждений и предубеждений их авторов, а также от уровня и степени исследования предмета, если таковое вообще проводилось. Кратко, эти заключения сводятся к трем основным: 1) марксизм в принципе не является наукой и все его теории и представления, в т.ч. о социализме, в лучшем случае – утопии, 2) классики марксизма, включая Ленина, ошиблись, 3) социализм в СССР и других социалистических странах вовсе не был социализмом, а госкапитализмом, неким никем не предусмотренным феноменом, отклонением от истории, тупиком исторического развития, 4) это был социализм, но ранний, и даже преждевременный. На самом деле это был ранний, но «периферийный социализм», возникший в результате развития «периферийного капитализма».

Всего в XX в. в результате революций социалистическими стали или пытались стать 38 стран⁴, девять из которых называют и они сами продолжают называть себя социалистическими (коммунистическими в терминах буржуазной науки и СМИ). В XXI в. к последним прибавилось еще две страны – Венесуэла и Непал.

Первая социалистическая революция победила в октябре 1917 г. в царской России, которая была империей со средним уровнем развития капитализма и множеством феодальных и полуфеодальных пережитков, страной, относимой к полупериферии капитализма⁵. Споры о характере этой революции, в т.ч. о том, можно ли ее называть социалистической, не прекращаются. Несомненно, однако, что пролетариат и крестьянство были ее главным субъектом, т.е. это была рабоче-крестьянская революция, что пролетариат и крестьянство решили не только те задачи, которые должна была, но уже оказалась неспособна решить буржуазия, но и начали решать те исторические задачи, которые можно и должно определять как антикапиталистические и социалистические. Поэтому она и была антикапиталистической и по сути социалистической. Победа революции была обеспечена

на тремя главными факторами: организованным, боевым, революционным пролетариатом, его союзом с крестьянством и руководством авангардной революционной ленинской партии.

Все другие революции в Европе – в Германии, в Австро-Венгрии, в Финляндии, в Прибалтике, потерпели поражение, их результатом был слом феодальных империй и появление буржуазно-демократических республик, в большинстве из которых потом установились недемократические, реакционные, в т.ч. крайне реакционные и фашистские режимы, как в Германии и Испании, а в некоторых такие режимы установились сразу. Поражения этих революций определялись также тремя главными факторами: недостаточной боеспособностью, революционностью и организованностью пролетариата, отсутствием союза с крестьянством, либо слабостью этого союза, руководством слабой авангардной революционной партии. Кроме того, в случае поражения Баварской, Венгерской и других советских республик важную роль сыграло прямое военное вмешательство капиталистических стран, вторжение из этих стран превосходящих военных сил.

После этих поражений партия большевиков оказалась перед дилеммой: либо отказаться от победы и развития революции, движения по тому пути к социализму, который тогда был возможен, либо продолжить это движение, начать строительство социализма «в отдельно взятой стране» во враждебном капиталистическом окружении. Несмотря на крайне неблагоприятную внешнюю и внутреннюю обстановку советский социализм выжил. СССР выстоял, победил фашистскую Германию и достиг многих несомненных успехов. Но одновременно он приобрел ряд негативных, по сути антисоциалистических черт, факторов и тенденций своего развития, главным образом, в результате внутривластной борьбы 1920–1930-х и последующих годов, что, в конечном итоге, предопределило гибель советского социализма и разрушение СССР.

После окончания Второй мировой войны социализм возникает на ближней и дальней периферии капитализма, в основном, в процессе национально-освободительной борьбы и разрушения колониальной системы и тоже в результате рабоче-крестьянских, антикапиталистических и, тем самым, социалистических революций. Победы всех этих революций от Вьетнама и Китая до Кубы и Никарагуа были обусловлены теми же тремя основными факторами, что и в России в 1917 г. Но у этих побед был также один главный дополнительный фактор – существование и действия СССР, большая и разнообразная поддержка и помощь, в т.ч. присутствие советских войск в восточно-европейских странах. Позднее это присутствие как кривое зеркальное отражение национально-освободительной борьбы, напротив, будет умело использовано для т.н. демонтажа социализма в этих странах.

В XXI в. именно «периферийный социализм» возник снова в двух странах «периферийного капитализма»: Венесуэле и Непале.

Таким образом, социалистические революции произошли на «окраине мира», в средне- или даже слабо- развитых капиталистических странах, в большинстве из которых сохранялся феодализм в разной степени и в разных вариантах, преобладало сельское население, рабочий класс был немногочисленным, буржуазия частично или полностью компрадорской, и где сохранялась абсолютная или конституционная монархия. Революции часто проходили в форме национально-освободительной борьбы или сочетались с этой борьбой, т.к. эти страны были колониями, полуколониями, или находись в сильной, а то и в полной, в первую очередь финансовой, зависимости от стран капиталистической метрополии. Последнее верно не только для стран Азии, Центральной и Южной Америки, но и для стран центральной и восточной Европы, которые были оккупированы фашистской Германией в годы Второй мировой войны, либо до и во время войны зависели от нее, находились в той или иной степени опосредованно под ее властью через установившиеся в них прогерманские реакционные режимы.

Специфика революций в разных странах определялась совокупностью исторических и физико-климатических особенностей этих стран: их удаленностью от капиталистического центра, их величиной, различными благоприятными или неблагоприятными условиями для развития их сельского хозяйства, промышленности и экономики в целом. Наглядным примером одного из таких условий является недостаток земли, пригодной для сельского хозяйства, в Северной Корее (КНДР), Лаосе и даже КНР.

Общие черты «периферийного социализма» и его эволюции в разных странах и целых регионах также определялись спецификой предшествующего «периферийного капитализма» и совокупностью исторических и физико-климатических особенностей этих стран и регионов.

В целом для ушедшего в прошлое «периферийного социализма» характерны: государственная собственность на все или на основные средства производства, плановое производство всех или почти всех товаров, государственное установление или регулирование цен, фактическая власть одной партии, а в партии генсека, и декоративная власть советов или других органов власти самих трудящихся, бесплатное образование, медицина, всеобщее пенсионное обеспечение, бесплатное или почти бесплатное предоставление государством жилья и невысокая квартирная плата. При этом во многих, но не во всех странах, дефицит товаров потребления, система номенклатурных привилегий, с определенного момента появление, подчас быстрое увеличение и разрастание «теневой экономики» и, как следствие, политической, идеологической и моральной деградации и разложения не только значительной части партийно-государственной номенклатуры, но

и трудящихся, всего общества в целом. Для разных стран эти черты были свойственны в разной степени и менялись со временем в ходе эволюции «периферийного социализма». В странах, где «периферийный социализм» сохранился, это разнообразие и изменение его черт относится, прежде всего, к т.н. смешанной экономике и к той политике, которая по определению некоторых авторов, является «вторым НЭПом», что, по их мнению, снимает вопрос о том, является ли все еще КНР социалистической страной.

Политическая эволюция в этих странах тоже прошла общие основные этапы: внутрипартийной борьбы, которая почти везде закончилась победой сталинизма (под разными названиями), затем борьбой между неосталинистами и «реформаторами», временной победой первых, наконец, победой «реформаторов», приведшей в СССР и европейских странах к разрушению «периферийного социализма». Степень размаха и остроты внутрипартийной борьбы и последующей жесткости установившегося режима, количество жертв этой борьбы в партии и в обществе – все это опять же зависело, в основном, от особенностей предшествующего «периферийного капитализма» в данной стране, от общих особенностей мирового капитализма в данный исторический момент и от того, на каком этапе эволюции мирового капитализма происходила революция в данной стране и возникал «периферийный социализм». Если в СССР в 1930-е гг. масштабы репрессий были велики настолько, что получили название «Большой террор», то в Чехословакии и в гораздо более отсталой послевоенной Болгарии они были несравнимо меньше, и даже в КНР в годы «культурной революции» тоже относительно невелики. Но сравнительно велики для Албании при ее малом населении и чудовищно огромны для Кампучии (Камбоджи). Если СССР, социалистические страны Европы и КНР самостоятельно перешли от жесткого к мягкому сталинизму, то в Кампучии для перехода от режима «красных кхмеров» понадобилось вооруженное вмешательство Вьетнама.

Историческое время возникновения социализма имело крайне важное значение. Социализм в 1945–1979 гг. возник в намного более благоприятных, хотя все еще очень трудных и опасных для его существования и эволюции условиях. Уровень развития капитализма в начале второй половины XX в. был уже совсем иной, чем в начале XX в., более развитой стала не только материальная, но и культурная сфера, в т.ч. образованность трудящихся. Но это, как и все другое, имело и свою обратную сторону. Как только все были накормлены, одеты и обуты, а в некоторых странах, как в Чехословакии и ГДР, стали проживать в отдельных квартирах и домах, изменились запросы и потребности, появилось желание иметь больше и лучше. А в этом отношении «периферийный социализм» неизбежно уступал, но не «периферийному капитализму», а капитализму метрополии, который и предпоносился, к тому же искаженно, сфальсифицированно как капита-

лизм вообще. Так что все те, кто по неведению или сознательно, утверждает, что социализм проиграл соревнование капитализму, потерпел поражение в Холодной войне, неправы и, мягко говоря, лукавят. Не социализм вообще, не социализм в принципе, а «периферийный социализм» проиграл, и не «периферийному капитализму» из которого произошел и который он явно и бесспорно превзошел, а капитализму метрополии, имевшему ряд исторических преимуществ, в т.ч. за счет использования колоний, «периферийного капитализма» и даже «периферийного социализма»!

Это подтверждается, как ни странно кому-то может показаться, также тем, что «периферийный социализм» был разрушен в СССР и Европе, но остался и существует, прогрессирует в Азии и Центральной Америке. Народы этих стран не знали, в отличие от народов стран центральной и восточной Европы вкуса относительно развитого, «европейского» капитализма и вкуса относительно развитого, «реального социализма». В момент разрушения «периферийного социализма» в Европе их еще вполне удовлетворял уровень достигнутого, они если и заглядывали на Запад, т.е. на «капиталистический центр», то не в той степени, которая была нужна и достаточна для разрушения «периферийного социализма». В КНР и других странах вне Европы удалось вместо «перестройки» провести другие преобразования, сохранившие социализм и давшие ему «второе дыхание». Важное значение имело и то, что в этих странах не было негативного влияния фактора «старшего брата»: с момента расхождения руководства КНР с руководством СССР они проводили свою политику. Этим объясняется также то, что социализм в Югославии пережил на несколько лет социализм в других европейских странах и в СССР, и, весьма вероятно, существовал бы и теперь, если бы не его ликвидация Западом, в т.ч. военным путем.

До этого Запад не раз ликвидировал «периферийный социализм» там где мог, как он это сделал в Гренаде в 1983 г., когда США под предлогом спасения американских студентов организовали операцию «Вспышка ярости» и совместно с силами «пяти восточнокарибских демократий» (Ямайка, Барбадос, Доминика, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины) вторглись на остров и за трое суток его захватили⁶.

КНР и другим азиатским странам «периферийного социализма» в этом отношении больше повезло, т.к. после поражений в войнах против них (война в Корее 1950–1953 гг., в Лаосе 1960–1973 гг., во Вьетнаме 1964–1975 гг., и в Камбодже 1970–1979 гг.) и агрессии против Кубы в 1961 г. Запад основные усилия и ресурсы тратил на разрушение СССР и социалистических стран Европы, оставив «на потом» социализм в других регионах. А когда это «потом» наступило, оказалось, что теми же способами, как и СССР, разрушить «периферийный социализм» там уже невозможно, а прибегнуть к прямому военному вторжению, даже несмотря на тогда еще существовав-

шее военное превосходство капиталистический Запад по ряду причин не мог. Что не означает, что, возможно, он еще рискнет это сделать в будущем, если другого средства остановить развитие этих стран, грозящее в итоге не только их экономическим, но и военным превосходством, не будет.

К тому же, Китай, ставший второй по мощи экономической державой и обладающей всеми необходимыми новейшими собственными технологиями, как и СССР когда-то, но по-другому оказывает огромную помощь другим социалистическим странам, в особенности только вставшим на путь социализма, и просоциалистическим силам в странах «периферийного капитализма», намеренным в будущем, после антикапиталистических революций направить свои страны на этот путь. Наверное, самый наглядный в этом отношении пример – Непал, где с 1996 по 2006 г. маоистская коммунистическая партия Непала при не столь уж скрытой поддержке компартии Китая вела гражданскую войну против непальского правительства, стремясь свергнуть монархию и заменить ее Народной республикой, и где, перейдя к мирному взятию власти, в 2015 г., после девяти лет агитации, непальские коммунисты получили власть во время всенародных выборов⁷.

Очевидно, что разрушение «периферийного социализма» в КНР привело бы тут же к прекращению этой помощи с соответствующими неизбежными последствиями, аналогичными тем, какие имело разрушение «периферийного социализма» в СССР и прекращение советской помощи, обусловившее, наряду с другими причинами, ликвидацию «периферийного социализма» в ряде стран Европы, Африки, Азии и Латинской Америке.

Таким образом, наиболее важные признаки «периферийного социализма», его возникновения и эволюции таковы:

1. Почти все революции в XX – начале XXI в. произошли в странах «периферийного капитализма»;

2. Почти все успешные революции произошли в странах, где в разной пропорции существовал союз городского пролетариата и крестьянства. Там, где такого союза не было, или он был недостаточно прочен, революции потерпели поражение. Чем более революционны, авангардны были пролетариат и крестьянство, тем успешнее был их союз;

3. Чем более авангардной, боевой, организованной, устремленной в будущее была пролетарская партия, и чем более она выражала также интересы крестьянства, тем успешнее была революция;

4. Почти все успешные революции произошли в странах, боровшихся в той или иной степени за национальное освобождение;

5. Чем более продвинутой в капиталистическом, а до этого в феодальном развитии, была страна «периферийного капитализма», тем более продвинутым, более успешным оказывался возникшей в ней социализм;

6. Чем позднее в XX в. происходила революция, тем больше было шансов на ее победу, на возникновение «периферийного социализма», и тем меньше была вероятность контрреволюции и реставрации капитализма;

7. Чем более мощным был начальный революционный импульс, чем интенсивнее развивалась революция и чем более благоприятными были внешние условия, тем «периферийный социализм» был успешнее и ближе к социалистическому идеалу, тем меньше была вероятность контрреволюции и реставрации капитализма.

Будущее «периферийного социализма» зависит от того, успеют ли страны, где он существует, развиваться до той стадии, на которой он станет полноценным социализмом, социализмом как таковым, или прежде капитализму удастся тем или иным способом его разрушить и вернуть себе в качестве повторного «периферийного капитализма», каковым он является в России и других бывших странах «периферийного социализма». Достижению той стадии, на которой социализм одержит верх над капитализмом, скорее всего, будет способствовать обострение капиталистических противоречий как внутри отдельных капиталистических стран, так и между ними и их объединениями, что может, наконец, привести к первому прорыву наиболее слабого звена уже в самой капиталистической метрополии.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 351–355; Т. 27. С. 299–426; Т. 30. С. 131–143.

² Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. 2008. 176 с.

³ Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М. 1992. 337 с.

⁴ Список стран социалистического лагеря // http://parti-etat.blogspot.com/2020/01/blog-post_19.html

⁵ Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна // http://libelli.ru/magazine/98_4/5.htm

⁶ Светенко А. Операция «Вспышка ярости»: история вторжения США на Гренаду // <https://radiovesti.ru/brand/60935/episode/1359888/25.10.2013>.

⁷ Шпунт А. Самая незаметная коммунистическая революция в истории // <https://regnum.ru/news/polit/2581354.html> 27.02.2019.

Б. Дуранкев

ЧЕГО НЕ ХВАТАЛО РЕАЛЬНОМУ СОЦИАЛИЗМУ, ЧТОБЫ СТАТЬ ЛУЧШЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ?

В начале социалистические страны опирались на экономическую теорию «научного коммунизма». Планомерное развитие экономической системы социалистических стран позволило повысить уровень жизни и решить многие социальные проблемы.

Но чем развитее становилась экономическая система, тем труднее стало координировать ее будущее развитие; чем больше развивалась политическая система, тем больше предоставлялось власти центру; чем больше вырастали личные и общественные блага, тем больше ими пользовались правоимеющие.

Реальный социализм нуждался в существенном содержательном изменении.

WHAT WAS LACKING THE REAL SOCIALISM TO BECOME A BETTER SOCIO-ECONOMIC SYSTEM?

Initially, the socialist countries relied on the economic theory of „scientific communism“. The systematic development of the economic system of the socialist countries made it possible to raise the standard of living and solve many social problems.

But the more developed the economic system, the more difficult it was to coordinate its future development; the more the political system developed, the more power was given to the center; the more personal and public goods grew, the more the beneficiaries enjoyed them.

Real socialism needed a substantive change.

Нет ничего более красочного, чем понятие *«реальный социализм»*, так как за прилагательным «реальный» в разных странах, кроме элементов *более высокого уровня социального государства, а в частности – социализма*, присутствуют также элементы капитализма (хотя и в ограниченной доле, частная собственность на некоторые средства производства продолжала существовать в Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Китае и других странах), феодализма (через закрепощающее гражданина «местожительство» в Болгарии, СССР и т.д.), рабства (для «врагов» через ГУЛАГ в Советском Союзе, концлагеря в Болгарии, Албании, Румынии и т.д.). *Не существует «чисто новой» социально-экономической системы*; каждая несет в себе элементы из прошлого и особенности (истоки) будущего.

Идеологической базой «реального социализма» (как первый этап коммунистического общества) был «научный коммунизм», теоретиками которого были Маркс, Энгельс и Ленин. С формальной точки зрения, основные требования марксизма-ленинизма для будущего общества были реализованы практически во всех странах мировой социалистической системы:

«Научный коммунизм» ¹	«Реальный социализм»
1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.	Да.
2. Высокий прогрессивный налог.	Да.
3. Отмена права наследования.	В ограниченной степени, но введение налога на наследство.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.	Кроме того, конфискация собственности всех «крупных и средних буржуа».
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.	Да.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.	Централизация общественного транспорта в руках государства; личное владение автомобилем.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.	Да.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.	Да.
9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней	Да.
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.	Да.

Позже Фридрих Энгельс делает важное замечание: «Молодые люди иногда *придают большее значение экономической стороне, чем она заслуживает* – то, в чем мы частично виноваты – Маркс и сам я. Мы должны были подчеркивать перед противниками отрицаемый ими главный принцип, и вот, не всегда находили время, место и возможность дать другим моментам прилагающееся им право как участвующих в общем взаимодействии»².

В общественно-экономической системе «реального социализма» было много положительных моментов в социально-экономическом плане, была предпринята попытка построить более *развитое социальное государство*, даже (в некоторой степени) попытки внедрения и реализации – на основе государственной и общественной собственности – *принципа «от каждого по способностям, каждому – по количеству и качеству труда»*, на котором основан один из столбов «научного социализма».

Экономическая система «реального социализма» развивалась на основе единой государственной собственности на основные средства производства и функционировала на основе планов (годовых, пятилетних и «перспективных» двадцатилетних). Единая государственная собствен-

ность – особенно при скромной производственной номенклатуре продукции – позволили мобилизовать (идеологически, духовно, добровольно или даже принудительно) инициативу и творчество миллионов трудящихся, что (при скорости накопления около 25% от национального дохода и концентрации инвестиций в стратегических отраслях) позволяло высокие темпы экономического роста от 5 до 12% в год (в качестве основы для социального развития). Таким образом, СССР удалось, начиная с менее чем 20% от ВВП США, достичь 80% от их ВВП в конце 80-х годов двадцатого века, при этом – в условиях самой разрушительной Второй мировой войны. Другие страны «социалистической системы» также быстро продвигались вперед в экономическом плане, особенно после введения координации национальных планов в СЭВ (Совет по Экономической Взаимопомощи) и в условиях сближения уровней социально-экономического развития. В начале 50-х и 60-х годов двадцатого века, когда у экономик были скромные номенклатуры из несколько десятков тысяч продуктов, координация давалась сравнительно легко и успешно; проблемы возникли, когда экономики превысили несколько сот тысяч продуктов, а в СССР – и несколько десятков миллионов. Тогда темпы роста снизились, а экономики не могли удовлетворить растущие требования граждан. Впрочем, при нынешних возможностях электронных систем баз данных, этот вопрос уже решаем.

Политическая система была основана на «нелиберальной демократии» (понятие, введенное позже) или пирамидальной демократии (сверху вниз), если быть точнее: одна партия с сателлитами, одной идеологией, часто – и одним вождем, но «*в пользу трудящихся*». Сверхцентрализация и наделение огромными полномочиями «вождей» также начали создавать существенные проблемы, которые проявились особенно при Брежневе и Горбачеве, но по-разному.

Социальная система обещала и работала в сторону «*повышения уровня жизни народа и улучшения образа жизни*» (сами по себе, прекрасные идеи!), что для рабочих было более чем очевидным, особенно для людей физического труда. И по линии стандарта жизни, и по линии образа этой жизни, многое было достигнуто из предварительно желаемого. Трудящиеся – в течение некоторого обозримого периода – могли быть спокойны за обеспечение едой, одеждой, жильем, здравоохранением и образованием. Ангела Меркель утверждает по этому поводу: «В принципе, когда мы смотрим на ГДР, есть одна вещь, которую очень многие западные германцы находят так трудно понять: что *даже при диктатуре можно иметь успешную жизнь*»³.

Но то, что пытались, но не успевали прикрывать, было то, что «*реальный социализм*» не очень идентичен научному социализму, описанному классиками (Маркс, Энгельс, Ленин), что государственная собственность на средства производства не идентична с социалистической системой, что

в центре власти были наследственные династии и геронтократия, что «искажение» общества «равных возможностей» происходило за счет льгот для «правоимеющих» и преследования «инакомыслящих», что десятилетиями отсутствовала «гласность» и открытость. Поэтому во многих отношениях «реальный социализм» стал напоминать форму *государственного капитализма*, где в роли буржуазии вписалась крупная партийно-государственная номенклатура. По некоторым сравнениям, каждый, принадлежащий к «красной элите», достигал более чем в 12 раз более высокого уровня жизни в сравнении с людьми с минимальным доходом, без учета многократно больших возможностей для более быстрого перемещения ее наследников вверх по социальному лифту не по способностям и вложенному труду, имел возможность более свободно путешествовать за границу (на Запад), наслаждаться знаменитым Спецнабом, владеть и пользоваться большими «человеческими правами». Ко всему этому добавим постепенное внедрение в качестве критерия для продвижения по «социальному лифту» не столько собственную политическую, экономическую и социальную активность личности, сколько его родителей и родственников (образующих две группы людей: «хорошего происхождения» и «плохого происхождения»), как и то, что предоставление льгот и привилегий оказывается гораздо более мощным рычагом, чем открытая дискриминация. Так что, этот «реальный социализм» устойчиво связывается с социальными деформациями, нужна была перемена!

Учитывая внутренние причины необходимости перемен, нельзя пренебрегать и *внешними факторами и условиями*. В те времена шла Холодная война, а битва за навязывание той или иной идеологии. Воспользовавшись слабостью и уступчивостью характера последнего советского лидера, Запад достиг убедительных наступлений на широком фронте в Третьей мировой войне – информационной⁴.

Приведенные выше оценки *не вписываются в систему доктринерских либеральных и открыто антикоммунистических посланий*, которые отрицают реальные социальные преимущества рабочих людей того времени. Но вписываются в систему *беспощадной критики* всего упадочного в прошлом.

Будущее «перехода» в те годы было возможно в двух направлениях: *либо вперед, к «большому социализму»* и перехода от государственной к общественной и личной собственности, большей справедливости, солидарности и свободе; *или назад, «возврат к капитализму»*, именуемому для краткости «рыночной экономикой» и соответствующей ей буржуазной демократией. Вопрос о направлении будущего совсем не был однозначным; во многом управление экономической системой открыло решения, которые очерчивали отличные возможности⁵; прежде всего, можно было выполнить плавный переход к одному намного более справедливому обществу, почти

«без классов», построенному на основе принципа «от каждого по способностям (где государство дает возможность «равного старта»), каждому – в зависимости от количества и качества вложенного труда. Впрочем, тогда недооценивалась возможность «третьего пути»: *одна страна с двумя системами*, как сделал позже Китай.

Неудачный «Переход» бывших социалистических стран к старой капиталистической системе является доказательством того, что история подталкивает нас намного больше к одному истинному *научному «зеленому» социализму* (охватывающего управление процессом: производство – первичное распределение – перераспределение – конечное потребление), а не к перераспределительному социальному государству с неолиберальной экономикой, которое существует и в настоящее время.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. 1985. С. 46–47.

² Маркс, Карл, Човекът и бъдещето. София. Изд. Изток-Запад. 2013. С. 213.

³ Angela Merkel über 30 Jahre Mauerfall. In Westdeutschland lebten nicht nur Mutbolzen <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/angela-merkel-zum-mauerfall-in-westdeutschland-lebten-nicht-nur-mutbolzen-a-1294911.html>

⁴ Дуранкев Б. Началото и краят на Третата световна война. София. Изда. Стопанство. 1996.

⁵ Матеев Е. Структура и управление на икономическата система. София. Изда. Наука и изкуство. 1987.

В.В. Курносков

НАЧАЛО СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассматриваются теоретические истоки и первые шаги на пути становления планирования в СССР, отмечаются наиболее значимые мнения о путях и методах управления народным хозяйством.

Ключевые слова: планирование, директивное планирование, индикативное планирование, управление, региональное планирование.

The article deals with theoretical sources and problems of the Soviet planning system origin. The author focuses his attention on the vital ideas on possible courses of action and methods of organizing the Soviet national economy.

Keywords: planning, policy planning system, indicative planning, management, regional planning.

Экономическая реформа 1965 года положила конец директивному планированию. Именно с этого момента стали развиваться центробежные силы, ведущие к разрушению вначале идеологии, а затем и хозяйственных механизмов СССР. Кадры и финансовые средства «перестройки» стали создаваться через предприятия «теневой экономики». Все объяснения

свершившихся исторических событий с позиций предательства отдельных лидеров не выдерживают критики. Шел сознательно управляемый процесс социальных преобразований в обществе. Движущей силой преобразований явилась интеллигенция, униженная своим социальным положением и материально ущемленная.

Возникли все начала, присущие государственному капитализму, и капитализму вообще.

В. Диккут отмечал, что «Под предлогом «совершенствования планирования» и «расширения хозяйственной инициативы и прав» предприятий, Косыгин резко ограничил роль центрального планирования и предоставил широкие возможности «инициативе» директоров и управленцев. Вместо прежних 40–50 целевых показателей теперь только восемь задавались централизованно. Предприятия, таким образом, были в большой степени подвергнуты колебаниям спроса. Наряду с этим, центральное положение занимает плановый показатель «сумма прибыли и рентабельность»¹.

Новая экономическая система в виде хозяйственного расчета была введена в условиях, когда было восстановлено разрушенное войной народное хозяйство. Предприятия за Уралом продолжали наращивать производство. И если НЭП В.И. Ленина был порожден разрухой, то действия лидеров КПСС были отказом от социализма.

Идеологи «застоя» кричали о порочности плановой системы СССР.

Но все упиралось в политику руководства КПСС, которой приходилось лавировать, чтобы удовлетворять все растущие запросы «советской и националистической буржуазии».

В. Диккут отмечал² [1, с. 113], что «Реставрация капитализма в Советском Союзе неизбежно повлекла за собой всю анархию капиталистического способа производства. Безудержная погоня за прибылью новой советской буржуазии, безразличной ко всем потребностям общества, покончила с плановым социалистическим ростом экономики и привела к хаосу — свойственному всем капиталистическим системам, в т.ч. и в Советском Союзе. Непредсказуемость прибыли, соревнование между руководителями за премии, коррупция и растраты, самовольная деятельность отдельных предприятий совершенно подорвали социалистическую плановую экономику».

А теперь необходимо вернуться к тем началам, с чего начиналось планирование социально-экономического развития СССР.

На необходимость использования в жизни страны инструментов как краткосрочного, так и долгосрочного планирования указывают, как многие ученые, так и люди делового мира, а также государственные деятели. Как показывает практика индустриально-развитых стран, а также стран, переживших переходное состояние, сохранение в них определенных инструментов стратегического планирования помогало решению целого

ряда сложных или престижных целей социально-экономического развития.

Директивное планирование появилось отнюдь не сразу. Ему предшествовал определенный период времени, в течение которого апробировались, обсуждались, дискутировались различные инструменты и методы управления экономикой. Вначале были попытки буквально следовать указаниям К. Маркса и Ф. Энгельса по организации социалистического хозяйствования, однако вскоре партия большевиков стала исходить из задач практической политики и реальных возможностей.

Планирование как часть экономической политики государства имело место в различных государствах и исторических эпохах. Россия не была исключением. Различные реформы представляли собою развернутую программу действий власти в той или иной исторической ситуации. Например, аграрная реформа П.А. Столыпина представляла собой не что иное, как целевую комплексную программу модернизации сельского хозяйства, хозяйственного освоения Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии.

Различные органы городского самоуправления разрабатывали планы развития различных отраслей и направлений городского хозяйства (водопровод, канализация, освещение, коммунальный транспорт, и др.)

В годы Первой мировой войны практически во всех воюющих странах, особенно четко в Германии, вводились инструменты планирования и органы, его осуществлявшие³.

Так в России были утверждены Особые совещания, которые руководили работой наиболее важных сфер народно-хозяйственной жизни. Вообще мировая война послужила мощным стимулом для работы теоретической мысли о роле и месте планирования в жизни государства. Один из таких теоретиков российский ученый В.И. Гриневицкий, издавший в 1916 году книгу «Послевоенные перспективы русской промышленности, в которой он изложил перспективный план восстановления экономики на уже имеющихся производственных мощностях. Другой труд появился в Германии. Его написал профессор Карл Баллод, член СДПГ. Работа, вышедшая в 1918 году, называлась «Государство будущего. Производство и потребление в социалистическом хозяйстве»⁴. В этой книге К. Баллод изложил свое видение трансформации капиталистической Германии в страну с социалистической экономикой. Особенное внимание он уделил преобразованию сельского хозяйства. Вообще нужно признать, что в годы гражданской войны советская власть много позаимствовала из военной мобилизационной практики в Германии, которая даже получила название «германского военного социализма», которая включала, а затем была повторена в России, реквизицию и мобилизационную национализацию.

Так, В. Галин пишет: «Реквизиционная национализация – это крайний случай, поскольку подрывает основу общество. Но она настолько же неизбежна в случае исчерпания своего потенциала развития существующим институтом хозяйствования. ...Реквизиция возможна только тогда, когда собственность, используемая неэффективными собственниками, в масштабах государства заводит общество в тупик, и в этом случае она полностью справедлива и легитимна»...⁵

«Мобилизационная национализация является инструментом сохранения промышленного производства во время войн и кризисов, когда национальные рыночные механизмы, экономические отношения, стимулы разрушаются, исчерпываются или перестают действовать и не могут обеспечить эффективного функционирования государства. ...Но мобилизационная национализация не может...продолжаться достаточно долго. Она предназначена для реализации последних внутренних резервов общества в целях его выживания, а не для эволюционного развития»⁶.

В первые месяцы советской власти были учреждены такие органы, как Совет Труда и Оборона (СТО), Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), Народный Комиссариат Продовольствия (Наркомпрод). Планы составлялись на пределе тех возможностей, которыми предприятия располагали до войны, и потому были нереальными для выполнения. Однако первый опыт был весьма полезен для развития теории и практики планирования. На базе системы главкизма в годы «военного коммунизма» готовились предпосылки для стратегического планирования в рамках всего государства. Первым общегосударственным планом стал Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО) в 1924 году. На базе плана строительства электростанций для обеспечения электроэнергией Петроградского промышленного района составленного под руководством инженера Г.О. Графтио еще в 1916 году и, в частности, каскада электростанций на р. Волхов, р. Свирь. Не случайно первым председателем Госплана, учрежденного в 1921 году был назначен один из ближайших сотрудников Ленина Г.М. Кржижановский, отвечавший за строительство первых электростанций в СТО.

С введением НЭПа был учрежден (воссоздан) ряд научных экономических учреждений, ряд научных экономических журналов. К работе в Госплан были привлечены известные ученые: В.А. Базаров, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, А.К. Гастев, В.Н. Калинин, Л.Н. Литошенко и др.

Позицию руководства РКП(б) на проблемы хозяйственного развития страны представляли С.Г. Струмилин, Г.М. Кржижановский, Б.С. Варга, Е.А. Преображенский, Ю.Н. Ларин (автор глав главкизма).

В чем состояла суть разногласий между «гносеологами» (Базаров, Громан, Кондратьев, Чайнов) и «телеологами» (затем, уже на рубеже 20–30 гг., между «меньшевиками» и «большевиками»):

1. «Буржуазные» специалисты выступали за «естественный» вариант планирования, исходя из наличных производственных мощностей, сырьевых и финансовых ресурсов. Они не выступали против индустриализации, понимая ее необходимость, но считали, что индустриализацию необходимо осуществлять на базе достижения уровня 1913 года, а затем уже переходить к строительству новых предприятий, учитывая, что необходимые ресурсы можно получить из емкости потребностей крестьянского хозяйства, развитию которого необходимо способствовать, исходя из действия рыночных законов.

2. Партийное руководство ВСНХ и Госплана считали, что необходимо планировать повышенные темпы индустриализации, смело игнорировать законы рыночного хозяйства, применять силовые методы при установлении плановых заданий и ответственности за их выполнение, игнорировать нормальные требования по учету затрат, сопоставлению себестоимости цены реализации.

Надо сказать, что многие руководители ВКП(б) начинали понимать, что будет означать для страны отход от рыночных методов управления.

В их числе бывший Предсовнаркома А.И. Рыков, Председатель СТО и Моссовета Л.Б. Каменев, Член Политбюро Н.И. Бухарин, Председатель ВСНХ Ф.Д. Держинский. Судя по последним статьям В.И. Ленина: «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Письмо к съезду», он, будучи весьма прагматичным политиком, был готов принять новое введение НЭПа. Всемирная пролетарская революция, по всей очевидности, откладывалась на неопределенное время, и, следовательно, нужно было рассчитывать на ресурсы доставшимся радикальным революционерам страны. XI съезд РКП(б) в 1922 году явно поторопился объявить «временное отступление» в виде НЭПа окончанным.

Весь период 1921–1927 гг. был наполнен во многом драматической борьбой за выработку долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Отход от радикально-революционного курса реально угрожал утратой власти большевиками, либо утратой или пересмотром своих идеологических представлений, от которых, как считалось, отказываться не было видимых причин: «победителей не судят», а режим насилия и террора позволял руководить страной без особых проблем. Новый слой функционеров новой власти проявлял рвение и послушание при выполнении властных функций, был подкуплен привилегиями в распределительной системе, в статусной «табели о рангах».

В период НЭПа социально-экономическое развитие было совсем беспроблемным. Страну лихорадили кризис за кризисом: неустойчивость денежной системы в 1922–1923 гг., которая была преодолена успешным завершением денежной реформы, названной по имени тогдашнего нарком-

фина, «реформой Сокольникова», кризис затоваривания сбытовой сети промышленными товарами из-за так называемых «ножниц цен» в 1923 – первой половине 1924 гг.⁷ Этот сбытовой кризис был первой пробой перекачки ресурсов из деревни в промышленность в виде разницы цен на промышленные товары и на продовольствие. Это был и структурный кризис в сфере занятости; он проявлялся в нехватке высококвалифицированных рабочих и техников, которые ушли в более выгодную сферу занятости – в частный сектор, в ремесла и сферу услуг. Иначе говоря, если все же к 1926 году был достигнут довоенный уровень экономики, этот период сопровождался поиском путей для быстрых темпов индустриализации. Пока шло успешно восстановление народного хозяйства после первой мировой и гражданской войн и иностранной военной интервенции, власть снисходительно относилась к позиции так называемых «буржуазных специалистов», которые руководствовались в своей работе и научной деятельности законами рыночной экономики, реальным учетом ресурсных возможностей страны, стремлением не снижать, а повысить жизненный уровень рабочих и крестьян, ставить оптимальные темпы индустриализации.

Как отмечали в своих работах ученые-эмигранты Б.Д. Бруцкус, С.Н. Прокопович, А.Д. Билимович, П.Б. Струве, и др.⁸, предложения и расчеты в различных вариантах Госплана, которые выполняли В.А. Базаров, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайанов, В.Г. Громан, могли обеспечить более весомый результат, чем тот, который был достигнут в ходе выполнения первой пятилетки (1928–1932 гг.). Б.Д. Бруцкус доказал, что пятилетка была провалена по всем качественным показателям: по производительности труда, по эффективности капиталовложений, по социально-культурному строительству, не говоря уже об убийственных результатах в сельском хозяйстве.

Задача восстановления народного хозяйства, стабилизация внутривнутриполитической ситуации в странах, на которые строились планы Коминтерна, заставили руководство РКП(б) временно скорректировать планы военного строительства в соответствии с возможностями промышленности. К тому же угроза со стороны внешнего империалистического окружения в тот период времени явно перестала быть реальной: дипломатическая блокада была успешно прервана.

Одним словом, РККА получила возможность реорганизации в условиях относительно мирного времени, наладить учебу кадрового состава, подготовку резерва, анализировать опыты западных армий, перенимать знания и приемы германского рейхсвера на основе тайного сотрудничества в военной сфере на основе секретных протоколов Рапальского договора. Численность армии была существенно сокращена (до 625–640 тыс. человек), усилена пограничная охрана и войсковые части НКВД. Хотя содержание силовых структур стоило так недешево, но оно укладывалось в ресурс-

ные возможности страны периода НЭПа. Конечно, техническое оснащение РККА в 20-е годы было значительно ниже оснащения армий ведущих держав: Англии, Франции, США, Италии, Японии, но оно было достаточно для ведения успешной войны. Руководство РККА увеличило свое присутствие во всех важнейших структурах советской власти: в Совнарком, ВСНХ, СТО, Госплане. Военные были представлены и в партийном руководстве (Ворошилов, Буденный, Егоров, Эйхе, Корк, Гамарник). Военная составляющая в деятельности экономических органов начала реально усиливаться после 1927 года.

В 1927 году советское руководство начало создавать государственную систему военно-мобилизационного управления экономикой. Эта система имела своей целью обеспечить все потребности вооруженных сил в условиях войны и предусматривала перевод части предприятий двойного назначения (тракторно-танковое, сельхозмашиностроение, артиллерийско-минное и стрелковое вооружение, швейные и обувные фабрики на производство обмундирования и зимней обуви и т.п., а также части предприятий гражданского назначения, занимавшихся производством товаров с использованием металла, стекла, химических изделий, стройматериалов.

Все соответствующие запросы военно-мобилизационного управления в первоочередном порядке включались в народнохозяйственные планы.

В центре военно-промышленного комплекса СССР находились «кадровые» военные заводы, большинство которых из 46, по состоянию на 1928 год, достались в наследство от царской России, естественно, с соответствующим оборудованием.

Значительная часть нужного станочного парка закупалась по импорту. В 1938 г. насчитывалось уже около 220 «кадровых» заводов. Эти заводы выпускали 100% изделий авиационной промышленности, 80 % продукции военно-морского назначения, 5-10% продукции машиностроения и химической промышленности (в основном, взрывчатые материалы и боевые отравляющие вещества). Количество работников на этих заводах в 1928 году составляло 101,7 тыс. человек, а в 1938 году – 707 тыс. человек. Объем продукции заводов возрос за эти годы (в ценах 1927/28г.) с 305,9 тыс. руб. до 11150 млн руб., т.е. в 36,4 раза⁹. Темпы роста продукции этой отрасли были самыми высокими.

Непременной составной частью этих заводов были конструкторские бюро, лаборатории и опытные производства. К тому же были созданы отраслевые научно-исследовательские институты, часть из которых стала частью ГУЛАГа (знаменитые «шарашки», в которых перебивала значительная часть конструкторов различных типов вооружений).

Расчетные взаимоотношения между заказчиками (НКО и НКВД) и военными заводами были обоюдовыгодными, силовые ведомства получали

финансирование в полном объеме, а военные заводы могли не ограничивать себя в накладных расходах, списывать брак и незавершенные производством изделия. Военные заводы получали лучших выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений. В середине 1930-х гг. им было разрешено применять аккордно-премиальную систему оплаты труда, что, конечно, соответствовало интересам рабочих и специалистов, хотя и увеличивало продолжительность рабочего дня. С 1939 г. все военные заводы были переведены на трехсменную работу.

Военно-мобилизационный характер экономики неизбежно предполагает насилие и принуждение, неизбежно ведет к усилению государственного регулирования народного хозяйства. В условиях, когда все средства производства и производительного потребления были сосредоточены (вне зависимости от уровня их социально-экономического развития) в руках государства, т.е. бюрократии и чиновничества (вне зависимости от их звания).

Современные идеологи являются естественными критиками плановой экономики СССР. Все они сходятся во мнении, что механизмы планирования создали могучее содружество бюрократии, которая и управляла страной, приведя ее к гибели. Однако, есть мнения, что партийный аппарат ВКП(б) в период индустриализации смог побороть инертность бюрократического аппарата государства. Отмечается также, что именно бюрократический аппарат государства и ВКП(б) уничтожил реальные попытки пролетариата управлять производством на основе встречных планов и обязательств.

Литература

1. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М. 1988. С. 11–23.
2. Верхотуров Д.Н. Экономическая революция Сталина. М. 2006.
3. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. М. 1989.
4. Диккут В. Реставрация капитализма в СССР. М. 2004. 512 с.
5. Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. Становление социалистического планирования в СССР. М. 1979. С. 46, 57.
6. Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923 гг. Т. 1–2. М. 1990. 782с. <http://militera.lib.ru/research/shambarov1/07.html>
7. Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы Советской Республики и работы общеплановой комиссии (Госплана). Вып. 1. М. 1921. С. 65.
8. Корицкий Э.Б., Васюков А.И., Нинциева Г.В. Всемирная история экономических учений в трудах русских экономистов первой трети 20 века. СПб. 1997. 146 с.
9. История экономической мысли // Ред. В.В. Круглов. СПб. 2008.
10. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1948.
11. Ленин В.И. Избранные произведения. М. 1978. Т. 2. С. 460–461, 483.
12. Нинциева Г.В. Экономическая мысль русской эмиграции 20–50-х годов столетия. СПб. 2004.
13. Струмилин С.Г. Избранные произведения в пяти томах. Т. 2. На плановом фронте. М. АН СССР. 1963. С. 95

14. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление/URL: <http://militera.lib.ru/20.02.2010>

¹ Диккут В. Реставрация капитализма в СССР. М. 2004. С. 71.

² Диккут В. Там же. С. 113.

³ Более подробно см.: Галин В. Тенденции. Т. 2. Интервенция и гражданская война. М. 2004. С. 226–327.

⁴ Верхотуров Д.Н. Экономическая революция Сталина. М. 2006. 352 с.

⁵ Галин В. Тенденции. Т. 2. Интервенция и гражданская война. С. 228.

⁶ Там же.

⁷ <<http://militera.lib.ru>>

⁸ См: Экономическое наследие русского зарубежья. Э.Б. Корицкий, А.И. Васюков, Я.З. Захаров (под ред. проф. Еремина Б.А.). СПб. 1994.

⁹ <<http://militera.lib.ru>>

А.А. Куреньшев

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД ЦК ПСР 1922 г. КАК ФОРМА БОРЬБЫ ЗА ВЫБОР ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XX ВЕКЕ

Процесс явно является составной частью политического и идеологического противоборства социал-демократов большевиков и неонародников эсеров, начатого еще в начале XX в. И достигшего своей кульминации в 1917–1918 гг., когда большевики переиграли своих оппонентов на арене легальной политической борьбы, имея ряд явных минусов в своем пассиве (полулегальное положение лидеров, тяжелые обвинения в гос измене, предательстве, продажности и т.п.) тогда как эсеры имели ряд несомненных политических плюсов (огромная численность партии, главу правительства А.Ф. Керенского, ряд министров и лиц, занимавших ключевые посты в государстве и армии, обладавшие энергией и даже личной харизмой Б.В. Савинков; практически гарантированную победу на выборах в УС). И в этих условиях явного превосходства над своими оппонентами эсеры проигрывают и теряют власть, демонстрируя полное непонимание политической и социально-экономической ситуации в стране. Они даже не в состоянии опять же из-за вдруг поразившей политической слепоты, использовать свое несомненное влияние на основную массу крестьянства. Более того, большевики используют в своих целях главные политические лозунги эсеров – земля и воля, используют привлекая на свою сторону часть партии и волю крестьянства, сконцентрированную в сводном наказе крестьян России, подготовленном эсерами! Это, на наш взгляд, высший пилотаж политической борьбы, осуществленный партией большевиков и ее лидерами Лениным, Троцким, Сталиным и др. Уровень политических навыков и умений лидеров большевиков оказался на порядок выше, не-

жели у эсеров. И если уже на своих съездах начала 1918 г. В.М. Чернов обвинял Ленина в хитрости и политической беспринципности, а партию в том, что она слабо следила и руководила своими представителями во власти, то этот плач Ярославны тоже был свидетельством политической и организационной слабости эсеров.

Этот сюжет и был, на наш взгляд, лейтмотивом процесса. Большевики, руководившие действием: Крыленко, Покровский (обвинители), Бухарин (защитник) явно старались заставить эсеров выговориться максимально полно, дабы изобличить свою полную неспособность как политиков и организаторов социальной борьбы.

С формально-юридической стороны процесс был проведен почти идеально. Были соблюдены все требования буржуазно – демократического права. Процесс только назывался революционным трибуналом. На самом деле, это был несомненно политический процесс, но скорее близкий, правда без присяжных, к дореволюционным, нежели к процессам 1930-х гг. Подсудимые говорили сколько хотели и когда хотели. Задавали допрашивавшимся в суде любые вопросы, кроме касавшихся военно-агентурных и банально-личностных. На процессе присутствовали представители прессы, но, главное, по соглашению со Вторым интернационалом, членами которого оставались эсеры, были приглашены защитники из-за рубежа Вандервельде (адвокат) и Т. Либкнехт, брат казненного Карла Либкнехта. В защите участвовала группа квалифицированных и авторитетных российских адвокатов, явно не прокоммунистически настроенных: Н.К. Муравьев, Тагер и др. С точки зрения правовой состоятельности процесса, можно высказать сомнение чисто политического свойства, что и делали и делают противники большевиков. Так, например, К.Н. Морозов пишет: «Без всяких сомнений, самым уязвимым местом для организаторов процесса стала проблема правовой обоснованности. Попытки решения этой проблемы породили массу юридических коллизий даже в рамках следствия, не говоря уже о самом судебном слушании, и придавали всему процессу (достаточно абсурдному с юридической точки зрения) характер политической расправы» (с. 162) Абсурдно, на наш взгляд это заявление Морозова. Сравнение с деятельностью Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, совершенно некорректно, а точнее, доказывает как раз обратное тому, что пытается доказать «эсеровед» Морозов. В революционное время, а оно начинается в России, как всем, надеюсь известно, с февраля 1917 г. не было и не могло быть правовых основ, на основании которых можно было судить преступления деятелей царской власти. Надо подчеркнуть: формально-юридических. Нравственно – духовные были, конечно, но юридических отнюдь не существовало. Поэтому, как гласит древняя мудрость, «Гора родила мышь». Никого, даже самого Николая II осудить по

закону было нельзя, ибо не было такого Закона. Законом в условиях революции, как известно, становится воля революционеров, воля масс и т.п., что часто бывает близко к правовому беспределу, насилию прямому и опосредованному (вспомним достаточно революционный билль о правах США. Его, кстати говоря, вспоминали некоторые из подсудимых в ходе процесса). Морозов сколько угодно может писать о разрушении большевиками «правового поля», о лоскутности правовых актов. Этим он только доказывает, что не дорос даже до эсеров того времени в качестве человека, осознающего законы революционной борьбы. В 1922 г. Большевики, заканчивая революционный натиск и переходя к мирной передышке, приняли ряд процессуальных документов УК и т.п. Морозов, полный обличительного пафоса, дополняя себя, а не эсеров отмечает: «Конечно, законы времен гражданской войны были в высшей степени приспособлены для эффективной расправы с политическими врагами (а к чему они должны были еще быть приспособлены? – А.К.), но устраивать на их основе процесс, находившийся в центре мирового общественного внимания (?! – А.К.), а, следовательно, расписываться в вопиющем правовом нигилизме и потере лица, значило не достичь целей, поставленных перед процессом над эсерами» (с. 162). Мы, как отмечалось, понимаем цели этого процесса несколько иначе, нежели историк из «Мемориала» К.Н. Морозов.

Еще один аспект проблемы. Последнее время, помимо черносотенно-монархической критики деятельности большевиков, активно педалируется так называемая «левая альтернатива». Нынешние последователи и апологеты левых эсеров, анархистов и меньшевиков стремятся доказать, что революция это, конечно, хорошо, царская власть насквозь прогнила, но Ленин и большевики действовали не так, как того требовала марксистская доктрина, и ссылаются при этом на Розу Люксембург; что большевики были слишком циничны и неразборчивы в средствах, а вот те же левые эсеры бились за демократию, мировую революцию, подлинное народовластие, а не комиссародержавие и т.д.

Что интересно, чисто случайно, для своего доклада выбрали почти те же эпизоды гражданской войны, как один из лидеров II Интернационала Вандервельде, так и автор данной статьи. Вандервельде, возвратившись из Москвы, заявил: «Большевики выдвинули против с-р четыре обвинения:

С-р с оружием в руках защищали Временное правительство. С-р признают этот факт и гордятся этим (а гордиться в общем нечем. – А.К.)

С-р с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С-р признают это и жалеют, что им не удалось этой защиты довести до конца.

С-р вели вооруженную борьбу с Советской властью. С-р признают, что это, несомненно, исторический факт. Но все три обвинения (sic) теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и

даже легализовала партию» (с. 161–162). Вот это заявление маститого политика, на наш взгляд, и является прямым свидетельством того, что главная цель процесса состояла в рекламе и саморекламе, как большевиков, так и эсеров.

С-р принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, кроме признания провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых, никто не верит» (с. 162). Сразу отметим, что Семенов и Коноплева, репрессированные в 1930-е гг., были реабилитированы в начале 1960-х гг. (?! – А.К.) Если не быть совершенно предвзятым и необъективным исследователем, то можно признать амнистию, данную активным борцам с советской властью и легализацию ПСР, как попытку большевиков установить в стране Гражданский мир. С этой политикой были связаны и переход к Новой экономической политике и принятие нового Земельного кодекса, признававшего право крестьян на любую форму организации хозяйства, как общинную, так и участковую, хуторскую и отрубную, и любые формы коллективного ведения хозяйства. Допускались и разные формы частной предпринимательской деятельности вплоть до издательской. Но современные эсероведы из Мемориала всего этого видеть не желают.

Эсеры ждали результатов выборов в Учредительное собрание, формирования нового легитимного органа государственной власти в стране. В нем они вполне обоснованно предполагали получить большинство и тогда сформировать новое уже не временное, а законное и постоянное правительство. Сформировать по своему усмотрению. Нетрудно, однако, предположить, исходя из политической линии эсеров в предшествующие месяцы, что они опять пришли бы к мысли о необходимости объединения всех «здоровых», «живых» сил общества, то есть создания коалиционного правительства, а не однородного социалистического ... Второй основополагающий политический тезис эсеров, на котором строилась их практическая деятельность, заключался в том, что они считали, что начать борьбу должны массы трудящихся, а партия обязана поддержать и как-то организовать стихийное движение масс. Этот, как бы выразился В.И. Ленин, «политический хвостизм» был свойственен партийной работе эсеров и в дальнейшем.

Эпизод второй. Учредительное собрание. Эсеры явно готовились дать бой большевикам в Учредительном собрании и по поводу и вокруг его созыва и явно ожидавшегося ими насильственного роспуска. После этого самого роспуска эсеры пытались найти военные ресурсы для борьбы с большевиками. Это были несколько воинских частей, в которых, как казалось руководству эсеровской партии, у них сохранялись прочные позиции. Какие же это были части? Во-первых, продолжавшие усиленно разлагаться гвардейские части Петроградского гарнизона: Преображенский и Семенов-

ский полки. Первый, однако, был очень легко и просто разоружен в ночное время. Второй, Семеновский, как показала недавно защищенная молодым ученым из Орловской области в Брянске диссертация, отнюдь не горели желанием поддерживать эсеров в качестве депутатов в Учредительное собрание. Гвардейские офицеры даже военного призыва считали эсеров наследниками цареубийц народовольцев. Но, главное, солдаты не желали проливать кровь непонятно за что в условиях фактически законченной для России мировой войны. На Балтийском море эсеры рассчитывали на корабли Минного дивизиона, которые большевики, а точнее, их агенты сумели обезоружить, вынудив затворы орудий, а затем, как и ране преобразенцев, разоружить. Самым надежным и мощным был броневой отряд. В нем активно действовал его вольноопределяющийся, будущий советский писатель и критик Виктор Шкловский. Но и с дивизионом бронемашин ничего не вышло. Пришлось искать союзников среди других антибольшевистских организаций, как показывал на процессе ПСР Г.И. Семенов: «организации Филоненко, имевшей средства от духовенства. Она собиралась финансировать эсеровскую военку. Филоненко расценивали как политического авантюриста, имел отношение к ПСР, но в тот момент эсером себя не считал...» [1, т. 3. л. 526]

«Донской за эту организацию мгновенно ухватился, причем поручил нам в эту организацию вступить с ней в переговоры и сказал, что после этих переговоров вопрос будет поставлен в ЦК. У нас произошло свидание с Филоненко на одной из конспиративных его квартир, на котором мы точно установили, во-первых, что это за организация и какие планы она намечает конкретно. Повторяю, что точно установили, что это организация буржуазная, что она исключительно питается деньгами высшего духовенства и темных источников. Во-вторых, мы установили, что мы установили, что эта организация имеет колоссальное значение Филоненко, которого мы расценивали как политического авантюриста. Филоненко ставил вопрос ясно, что это организация военная, что она ставила себе задачей свержение советской власти. Мы спросили: «А что они рассчитывали поставить вместо советской власти? Он говорил, что мыслит состав правительства из следующих лиц: Карташева, Пальчинского, обер-прокурора священного Синода и Пешехонова. В частности, себя он прочил на пост министра-председателя. Причем, в этом разговоре мы убедились, что Филоненко считает возможной коалицию с ПСР, что он считает для себя это выгодным делом и ставит вопрос определенно, что вот мол... дело в том, что на этом совещании Донской нам дал мандат говорить от имени партии, что нет, мол, политического соглашения; при этом ясно и понятно, что должно было быть военное соглашение, что нашу работу мы должны координировать, потому что наша работа велась совместно с ними в их полках, и что мы будем работать со-

вместно, то нам удастся провести работу влияние в полковых комитетах было всецело в руках организации Филоненко» [1, т. 3. л. 527.]

Одним из самых выразительных, как представляется, эпизодов Гражданской войны в целом и процесса над эсерами в частности, были явные с любой точки зрения террористические действия в отношении вождей революции и руководителей большевистской партии. На скамье подсудимых, напомним, сидели Г.И. Семенов, руководитель в 1917–1918 гг. Боевой организации ПСР и Л.В. Коноплева, участница покушения на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. Рассмотрение этого эпизода на процессе наглядно демонстрирует непреложный факт, что в России, что в Советской, что в дореволюционной, что в послесоветской политика, политический интерес превалируют над Правом и Законностью, пусть даже и «революционной». Как когда-то была не только оправдана судом присяжных, но и спасена от внесудебной расправы «прогрессивной общественностью», явная террористка, схваченная на месте преступления в момент попытки убийства должностного лица (sic) В.И. Засулич, так и признавшиеся в подготовке покушения на В.И. Ленина (удалось почти настолько же, как и у Засулич) и Л.Д. Троцкого (не удалось), Семенов и Коноплева, не только не были растерзаны толпой революционных фанатиков или приговорены к ВМН, но и были амнистированы и работали в спецслужбах Советского государства вплоть до массовых чисток 1930-х годов. Как пишет не без иронии один из современных авторов: «Вечно живой В.И. Ленин и вечно молодой Володарский уже не нуждались в том, чтобы подлинные или мнимые организаторы покушения на них понесли наказание» [5, с. 23] В ходе процесса 1922 г., который можно рассматривать, как одну из попыток юридически закончить Гражданскую войну, Семенов признал, что «пули, которыми стрелял Сергеев в Володарского, я отравлял ядом кураре на квартире Федорова-Козлова.» [5, с. 24]. На эту реплику руководитель военной организации ПСР Лихач заметил: «Убийство Володарского – случайность. Оно произошло без ведома ЦК ПСР. Боевая группа Семенова действовала стихийно, на свой страх и риск» [5, с. 24]. Семенов на это замечание ответил, что все указания о покушении на Володарского получил от А.Р. Гоца, члена ЦК. Партия эсеров, как и во многих других подобных случаях, отказалась от ответственности за содеянное ее членом и дезавуировала последнего.

В этом пассаже опять же обращает на себя внимание крайний юридический нигилизм обеих противоборствующих сторон. Ни большевики, ни эсеры не были заинтересованы в установлении правовой истины, выявлении и наказании явного преступника, убившего и покушавшегося на убийство **человека** (выделено нами. – А.К.) независимо от того к какой он партии, классу, социальной группе принадлежал и какой пост в государственной иерархии занимал.

На фоне подобного рода коллизий, скорее политического, нежели юридически-правового свойства, очень странно выглядят ссылки на якобы морально-этические нормы поведения, сложившиеся в революционной субкультуре, а точнее, контркультуре людей, участвовавших в освободительном движении конца XIX начала XX веков. Этих норм будто бы продолжали придерживаться эсеры, но отказались от них большевики. В принципе можно согласиться с тезисом К.Н. Морозова и его сподвижников о том, что эсеры выступали защитниками пролонгации действия этих самых морально-этических норм, а большевики, находившиеся у власти, от них отказались. Это означало, что в условиях Гражданской войны эсеры оставляли за собой право убивать тех, кого они считали врагами трудового народа, тех представителей власти, которые, по им мнению, наносили народу и стране наибольший ущерб.

В период гражданской войны говорить о каких-либо правовых основах действий власти, бессмысленно. Это понимали отцы-основатели «самой демократической страны в мире» – США. В это время, как это открыто не говорили большевики, действует революционный закон, опирающийся на прямое насилие над противниками власти, а не на какие – либо правовые акты. Соответственно Ленину, подавляется контрреволюционное меньшинство народа в интересах большинства. Эсеры считали иначе и боролись с узурпаторами власти и воли народа большевиками. Но спор этот, повторим, был далек от юридически-правового, а носил сугубо политический и идеологический характер. А судебный процесс, по обвинению политической верхушки ПСР **в борьбе за власть** (выделен нами. – А.К.) велся с юридически-процессуальной точки зрения почти безупречно. И как нам представляется, был одной из попыток не продолжать, а закончить гражданскую войну, если не в социально-классовом, то партийном плане. Большевики явно стремились показать всему миру политическую, идеологическую и организационную несостоятельность своих главных противников «слева».

Литература

1. Государственный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Д. Н-1789.
2. Российский государственный архив социально – политической истории (РГАСПИ). Фонд № 71. Оп. 15 а. Ед. хр. 185.
3. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Василий Болдырев. М. 2017.
4. Ганин А.В. Семь почему Российской гражданской войны. 1917–1922 гг. М. 2018.
5. Курбатов В.И. Покушения на вождей. Тайны Российской истории М. Эксмо Ростов н/Д. 2006.
6. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М. 2005.
7. Шестопалов П.В. Кадровые офицеры «Семеновской пехоты» и революционные процессы в России в октябре 1917 – мае 1919 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск. 2018. 26 с.

ДИАЛЕКТИКА ЛЕНИНСКОГО ЛОЗУНГА ПОРАЖЕНИЯ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(на прим. Сирии, Украины, Венесуэлы, Ирана, КНДР...)

Автор рассматривает возможность и допустимость применения в политике лозунга поражения своего правительства в современных условиях. Снятие диалектического противоречия между ленинской линией поражения своего правительства и антиимпериалистической борьбой против глобального капитализма является всегда конкретным в конкретных условиях и обстоятельствах.

Ключевые слова: глобальный капитализм, глобализация, пораженчество, диалектика, внешняя политика, глобальный капитал.

The author examines the possibility and admissibility of using the slogan of defeatism in working class politics in modern conditions. Removal of the dialectical contradiction between the Leninist line of defeat of its own government and the anti-imperialist struggle against global capitalism is always concrete in specific conditions and circumstances.

Key words: global capitalism, globalization, defeatism, dialectics, foreign policy, global capital

Тезисы

1. При определении современной политики «левых» сил в России и во всем мире возникает диалектическое противоречие между ленинской линией поражения своего правительства и антиимпериалистической борьбой против глобального капитализма. Это объективное противоречие порождено динамикой развития глобального капитализма после поражения стран Варшавского договора в «холодной войне». Это противоречие может и должно быть снято в целях дальнейшего развития современного «левого» движения как серьезной политической силы, претендующей на свержение злой и несправедливой глобальной капиталистической системы.

2. Антиимпериалистический интернационализм – не только политическая, но и нравственная основа «левого» движения. У пролетариата нет родины. Ему принадлежит весь мир. Диалектика мирового революционного процесса отчетливо проявилась в дискуссиях столетней давности, когда Л.Д. Троцкий считал, что путь к построению социализма в СССР лежит через мировую революцию, а И.В. Сталин возражал, что – наоборот – путь к мировой революции лежит через построение социализма в СССР.

3. Современный капитализм носит существенно глобальный характер с основным центром в США, а дополнительными – в ЕС, Японии и некото-

рых азиатских странах. Российский или, например, иранский капитализм носят периферийный характер. Главной ударной силой современного глобального империализма и неокOLONиализма является блок НАТО, отметившийся агрессией против Югославии, Ирака, Ливии, Мали, Кот д'Ивуара, других стран Африки и Латинской Америки и планирующий агрессии против многих других стран, не признающих глобальную гегемонию мировых капиталистических центров.

4. Как минимум, со времен «болотных демонстраций» основной раскол в российском «левом» движении идет по линии определения основного противника – одна часть «левого» движения борется против В.В. Путина лично и российского режима, а другая часть борется против злой и несправедливой капиталистической системы. При этом противники В.В. Путина считают возможным и приемлемым заключать соглашения с откровенными сторонниками глобального капитализма, например, Б.Е. Немцовым, М.М. Касьяновым и пр. Антикапиталистическая же часть российских «левых» провозглашает своим лозунгом «С немцовыми против Путина – никогда! С Путиным против немцовых – при определенных условиях!», так как поражение России или, например, Ирана в современных условиях приведет к усилению, а не ослаблению капиталистического угнетения как в России и Иране, так и во всем мире.

5. Особенно остро это проявляется в части осмысления попыток империалистических государств доминировать в таких странах, как Сирия, Украина, Ливия, Куба, Венесуэла, Иран, КНДР, другие государства Африки и Латинской Америки, где глобальный империализм пытается установить свое доминирование вооруженным путем. У любой баррикады только две стороны. Определенная часть российской «левой» умудрилась поддержать укромайдан, сжигание коммунистов заживо в домах профсоюзов, официальный запрет коммунистической идеологии и символики и т.д.

6. Лозунг поражения своего правительства был предложен В.И. Лениным в конкретных специфических условиях Первой мировой войны, когда царское самодержавие было самым реакционным режимом в Европе. Англо-французский (а позднее и американский) империализм носил такой же реакционный характер, как и германский и австро-венгерский империализм. Царская Россия и Османская Турция были поставщиками пушечного мяса для важнейших империалистических государств. В военном отношении силы империалистических блоков были приблизительно равноценными.

7. Сразу после февральской революции, свергнувшей самодержавие, большевики сняли лозунг поражения своего правительства, потребовав мира без аннексий и контрибуций. При этом подчеркивалось, что в случае отказа империализма центральных держав от мира, революционная еще

буржуазно- демократическая Россия будет демонстрировать примеры революционного героизма.

8. Печальная история позиции В.И. Ленина во время мирных переговоров в Брест-Литовске в 1918 году и при подписании Брестского мира широко известна и лишний раз свидетельствует о том, что лозунг поражения своего правительства даже в империалистической войне не рассматривался В.И. Лениным как универсальный и применимый к любым условиям.

9. Вместе с тем, Г.В. Плеханов с самого начала выступил против германского империализма, как самой сильной сильной капиталистической страны, а значительная часть социал-демократов заняла эту позицию после февральской революции 1917 года.

10. Циммервальдская левая оформилась как самостоятельное течение под влиянием В.И. Ленина и руководителей германской социал-демократии (Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Либкнехта). Она формировалась в идейной борьбе против социал-шовинизма западных «левых» движений, поддерживающих колониализм мировых держав и милитаризацию в своих странах.

11. Опыт силового доминирования глобального империализма показывает, что капитализм пытается уничтожить организованное марксистское движение. Украинский «майдан» привел к прямому запрету коммунизма, так простое публичное пение «Интернационала» наказывается режимом киевских путчистов лишением свободы на срок от 6 до 10 лет. Аналогичные запреты действуют в Венгрии и других странах. В России коммунистическая идеология и символика не запрещены. В Сирии коммунистические партии входят в правительственную коалицию. В Иране они формально запрещены, но наблюдается устойчивая тенденция достичь соглашения с левыми силами, в результате которых эти запреты будут сняты. Куба, Венесуэла, народно-демократическая Корея провозглашают верность марксизму.

12. Силовое доминирование глобального империализма после разгрома Варшавского договора привело к отказу от завоеванного борьбой трудящихся принципа государства всеобщего благосостояния, деиндустриализации и люмпенизации населения в странах Южной и Восточной Европы, тем самым способствуя снижению накала борьбы сознательного рабочего класса за свои права.

13. Глобальный капитал начал борьбу за установление режима неоколониализма. Например, директивы ЕС, касающихся стратегии по поставкам сырьевых материалов и интегрированной промышленной политики прямо предусматривают, что ЕС будет обеспечивать интересы западноевропейских компаний в Африке всеми доступными средствами, не считаясь с интересами и мнением африканских стран. Интервенции стран НАТО в Ливию, Кот д'Ивуар, Мали и др. показывают, какими методами это будет

осуществляться. Европейцы каждый раз получают поддержку от НАТО и США.

14. На международных конференциях, проводимых под эгидой Всемирного банка и Международного валютного фонда, непрерывно пропагандируется идея о том, что природные ресурсы – это, якобы, общее достояние человечества. Такая концепция ставит под сомнение национальные суверенитеты развивающихся стран, так как утверждает, что западные государства имеют право вмешиваться в дела других стран, если там природные ресурсы используются – с точки зрения Запада – «неэффективно». Критерии эффективности утверждаются Западом. Это обеспечивает идеологическое обоснование неокOLONиализма XXI века.

15. Если ставить своей целью уничтожение капитализма, то для «левых» сил следует признать допустимым и возможным заключение тактических соглашений против глобального империализма с правительствами стран, которых Вашингтон и Брюссель считают своими врагами.

16. Ослабление любых противников глобального империализма объективно усиливает его позиции и ослабляет антикапиталистическую борьбу, как и борьбу против неокOLONиализма США и стран ЕС.

17. Недопустимо рассматривать лозунг поражения своего правительства в качестве универсального и применимого в любых условиях. Он был актуален в конкретных условиях империалистической бойни, развязанной империалистическими державами в начале прошлого столетия.

18. В любом конфликте империалистических неокOLONиалистских метрополий «левые» силы должны выступать против центров глобального капитализма (прежде всего, США и ЕС) и локальных марионеток глобального финансового капитала.

В.П. Пашков

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В ПОНИМАНИИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА, Г.В. ПЛЕХАНОВА И В.И. ЛЕНИНА

В статье рассматривается содержание понятия производительные силы в работах классиков экономической теории. В основу анализа положены рассуждения Ф.Энгельса о силах в работе Диалектика природы. Сделан вывод, что в работах классиков отсутствуют определения таких сил как «системы», «совокупности», «комплекс» личных, субъективных (человек) и вещественных (средств производства) элементов. Существующие подобные теоретические определения в научных работах по общественнознанию являются ошибочными. Средства производства по отношению к производительным силам являются лишь мерой, мерилом, показателем их развития. Подчеркивается, что человек является лишь носителем рабочей силы.

Ненадлежащее использование орудий труда пользователями может привести к отрицательным результатам. Сделан вывод о существовании пары однопорядковых и противоположных друг другу явлений и понятий о них: **производительные силы и разрушительные силы.**

Предлагается теоретическое определение производительных сил как особенных сил возникающих в материальном производстве лишь при целенаправленном использовании средств производства рабочей силой.

Ключевые слова: Производительные силы, разрушительные, рабочая, понятие, средства производства, орудия труда, система, мерило развития.

PRODUCTIVE FORCES IN THE UNDERSTANDING OF K. MARX AND F. ENGELS, G.V. PLEKHANOV AND V.I. LENIN.

The article discusses the content of the concept of productive forces in the works of the classics of economic theory. The analysis is based on the arguments of F. Engels about the forces in the work of the Dialectic of nature. It is concluded that in the works of the classics there are no definitions of such forces as “systems”, “totality”, “complex” of personal, subjective (people) and material (means of production) elements. Such theoretical definitions existing today in scientific works on social studies are erroneous. The means of production in relation to the productive forces are only a measure, an indicator of its development. It is emphasized that a person is only a carrier of labor force.

Improper use of tools by users may lead to negative results. The conclusion is made on the existence of a pair of single-order and opposing phenomena and concepts about them: **productive forces and destructive forces.**

A theoretical definition of productive forces is proposed, as special forces arising in material production only with the purposeful use of the means of production by labor.

Keywords: Productive forces, destructive, labor, working, concept, means of production, tools, system, measure of development.

В классической экономической теории производительные силы занимают важнейшее место. В этой теории сделан вывод: каждой исторической ступени развития производительных сил соответствуют определённые производственные отношения, выступающие в качестве общественной формы их движения. На определенном этапе развития, созданные ранее, производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, которые из форм развития первых превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социально-экономических преобразований. Следует переворот в экономической структуре общества, в надстройке правовых и политических отношений.

Классика сделала вывод, что уровень развития используемых орудий производства служит мерилом развития общественного производства. Поэтому экономические эпохи различаются менее всего тем, что, или какие продукты в них производятся, а больше тем, как производятся, какими орудиями производства. Главная сила в производстве это рабочая сила, которая представляет собой способность человека к труду, совокупность его

физических и духовных сил, целенаправленно используемых в производстве. Силы производителя зависят от его умений, приобретенных навыков, производственного опыта. Рабочая сила приводит в движение орудия и предметы производства. Но с развитием орудий производства развиваются и способности человека к труду, силы рабочего возрастают.

Эти мысли были впервые изложены К. Марксом в работе К критике политической экономии, написанной в 1858–1859 годах. Однако в общественном сознании сложилось представление о содержании понятия «производительные силы», не соответствующее представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса, т.е., по сути, ошибочное представление.

В работах производительные силы стали выражать через «систему», «совокупность» и даже «комплекс» различных элементов, средств и предметов труда. В советском философском энциклопедическом словаре 1989 года издания записано так. «Производительные силы – система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой в процессе общественного производства» [1, с. 514]. Здесь ни человек, ни техника не отнесены к производительным силам. Производительные силы это есть «система ... элементов». Но что такое система? Это качественная или количественная характеристика? Можно ли говорить, что сила движения воздуха, или сила течения воды это есть «система элементов» воздуха или воды. Противоположностью субъективного является объективное, а вещественного – только невещественное. Техника является вещественным объектом, но «вещественное» не является техникой.

Нечто схожее содержится и в теоретическом труде «Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия» 1979 года издания. Читаем статью в томе 3. «Производительные силы, система личных, субъективных (человек) и технических (предметных) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства» [2, с. 357]. Здесь перечисляются элементы: 1) личные, 2) субъективные, 3) технические. Вводится новый элемент «личные» и он ставится на первое место. Предполагается, что элемент «личные» отличается от элемента «субъективные». Но в чем состоит это отличие? Ответа нет.

В этом труде «вещественные элементы, техника заменены на «технические (предметные)». Здесь реализована такая логика: если техническое есть предметное, то техника есть предметы. Выше можно было прочитать так, что вещество есть техника.

И здесь нет логики. Поэтому научное определение понятия «производительные силы и в этой работе отсутствует.

В крупной новейшей работе «Энциклопедия марксизма» читаем. «Производительные силы – совокупность средств производства и людей, за-

нятых в производстве, система субъективных (человек) и вещественных элементов...» [3, с. 285]. Новизна здесь состоит во введении признака «совокупность» и отождествлении его с признаком «система». Это явно ошибочно.

Ближе и точнее всех исследователей к пониманию производительных сил, соответствующему пониманию К. Маркса и Ф. Энгельса, приблизился Г.А. Багатурия. Он указывал на необходимость подойти к пониманию понятия производительные силы именно как к определенным силам. Он писал: «Понятие «производительные силы» можно рассмотреть как концентрацию понятия «сила». «Ф. Энгельс говорит, что понятие силы возникло из наблюдения над деятельностью человека, его воздействия на внешний мир, что сила – это активная сторона, причина движения, что сила и движение в известном смысле однопорядковые понятия» [4, с. 105–106].

По нашему мнению, невозможно дать полное научное определение понятию производительные силы. Причина этого состоит в таком казусе науки: вся историческая мысль физики, в том числе и современной, не дала определения, что такое есть сила. Больше того, современная теоретическая физика совсем отказалась от использования понятия «сила» и заменила его на «взаимодействие».

Силы возникают в процессе движения частей и частиц материи. Но сами по себе эти части и частицы не являются силами. Чтобы возникли силы (любые: созидательные, разрушительные) части или частицы материи должны быть приведены в движение. Экономические силы (производительные и не производительные) возникают из использования рабочей силы и средств производства. Рабочая сила – первичная производительная сила. Вторичные производительные силы возникают из использования средств производства, через соединение рабочей силы со средствами производства.

Все ежедневные, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные события не могут быть не связаны с действием тех или иных сил, которые можно классифицировать на: природные и общественные, экономические и внеэкономические, административные и социальные, политические, правовые, военные и др. Всегда существуют силы главные или определяющие, ведущие и ведомые. Всегда имеются силы воинственные, нейтральные, оппозиционные. Всегда существуют силы производительные, силы общественные и частные, общие и индивидуальные, общенародные и коллективные, национальные и интернациональные или международные, силы союза государств, силы организаций. Все силы подразделяются на большие, средние, малые или слабые.

Ф. Энгельс в работе «Диалектика природы» исследовал формы движения материи и соответственно этим формам классифицировал возникаю-

щие понятия и науки. Он в разделе «общие формы движения» написал о силах следующее: «... термин «энергия» отнюдь не дает правильного выражения всему отношению движения, ибо он охватывает только одну сторону его – действие, но не противодействие. Кроме того, он допускает видимость того, будто «энергия» есть нечто внешнее для материи, нечто привнесенное в нее. Но, во всяком случае, этот термин заслуживает предпочтения перед выражением «сила».

Представление о силе заимствовано, как это признается всеми (начиная от Гегеля и кончая Гельмгольцем), из проявлений деятельности человеческого организма по отношению к окружающей его среде. Мы говорим о мускульной силе, о поднимающей силе рук, о прыгательной силе ног, о пищеварительной силе желудка и кишечного тракта, об осязающей силе нервов, о секреторной силе желез и т.д. Иными словами, чтобы избавиться от необходимости указать **действительную причину изменения, вызванного какой-нибудь функцией нашего организма, мы подсовываем некоторую фиктивную причину, некоторую так называемую силу, соответствующую этому изменению** (Выделено нами. – В.Л.). Мы переносим затем этот удобный метод также и на внешний мир и, таким образом, сочиняем столько же сил, сколько существует различных явлений».

«Таким образом, прибегая к понятию силы, мы этим выражаем не наше знание, а *недостаточность* нашего знания о природе закона и о способе его действия. В этом смысле, в виде краткого выражения еще не познанной причинной связи, в виде уловки языка, слово «сила» может допускаться в повседневном обиходе. Что сверх того, то от лукавого» [5, с. 402–403].

В Капитале К. Маркс так говорит о рабочей силе. «Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги ...» [6, с. 204–205]. Здесь «способность к труду» представлена как вид или разновидность «свойства рабочей силы». Следовательно, «способность» вообще можно выражать как разновидность, как проявление «свойства» вообще, т.е. как соотношение **видового и родового понятий**.

Отсюда все средства производства обладают свойствами, но не все из них обладают способностями. Все средства производства подразделяются на живые и неживые, на духовные и вещественные. Способностями могут обладать лишь живые существа. Неживые средства производства могут обладать лишь свойствами, они не могут обладать способностями. Машина, как и рабочий, является носителем и потенциальной и реальной производительной силой. У рабочего его производительная сила формируется через способность к труду. У машины путь короче, у нее свойство работы проявляется как свойство механической силы.

«Развитие средств производства, в особенности средств труда и главным образом орудий труда, является мерой и показателем развития рабо-

чей силы» [6, с. 191]. Мера, мерило, показатель. По Марксу не рабочая сила и не рабочий являются мерой или мерилом развития средств производства, а наоборот, средства производства являются мерой или мерилом развития рабочей силы. Рабочий изучает, осваивает орудия труда, средства труда, средства производства, машины. В результате растет его мастерство, он развивается. Сам рабочий изменяется подобно обрабатываемому предмету труда, становится качественно другим. По тем средствам труда, на использование которых рабочий оказывается способен, можно судить об уровне развития **производительных сил**, соответственно и ее носителя, т.е. рабочего.

К. Маркс в «Капитале» писал, что производительные силы возникают из создания и использования и таких возможных общественных форм как разделение труда, разделение производства, кооперация, наука. Строго методологически неправомерно считать, что перечисленные формы сами по себе являются производительными силами. **Производительные силы лишь возникают из создания и использования таких и других подобных общественных форм.**

В итоге выскажем следующее. В настоящей работе мы отказываемся от точного качественного определения, что такое есть производительная сила. Можно ограничиться выводом, что **производительная сила есть сила (без ее собственного определения) особенная, возникающая и действующая в сфере материального производства лишь в процессе использовании средств производства рабочей силой, обладающей способностью к труду. Вне использования средств производства производительные силы не возникают.**

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс в Капитале не дали и, похоже, сознательно не собирались давать определение понятию «Производительные силы». Причину этого следует искать в вышеприведенных рассуждениях Ф. Энгельса о силах в его работе «Диалектика природы».

Поводом к пониманию того, что теоретически есть «производительная сила», по нашему мнению, стало следующее высказывание самого К. Маркса в 1847 году в его ранней работе «Нищета философии» с ответом на работу Прудона «Философия нищеты». В ней Маркс написал так. «Machinery is no more an economic category than the bullock that drags the plough. Machinery is merely a **productive force**. The modern Workshop, which depends on the application of machinery, is a social production relation, an economic category».

Советский переводчик Капитала И.И. Скворцов-Степанов перевел этот фрагмент так. «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина – это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория» [7, с. 152].

Итак, термин **productive forces** или **производительные силы** К. Маркс использовал лишь в его ранних работах, в период, предшествующий периоду глубокого изучения политической экономии. После 1847 года этот термин он не использовал. Почему? Потому что, ранее, он законы развития общества пытался отыскать в юридической и философской науках. И только к 1847 году он понял, что искомые ответы на поставленные самим себе вопросы надо искать в науке политическая экономия. И он понял, что **производительные силы и средства производства это различные понятия.**

Все существующие сегодня исследования по данной тематике во всех отраслях научной деятельности в конечном итоге сводятся к определению количества действующих сил, но не к качественному определению содержания понятия «сила».

Теоретическое определение производительных сил должно начинаться с определения того, что есть сила вообще. И только после определения сила можно переходить к определению производных сил, которые делятся на родовые, видовые и подвидовые.

Лопата, плуг или топор не являются ни силами вообще, ни производительными силами в особенности. Это простейшие орудия труда, но при их целенаправленном надлежащем использовании могут возникнуть производительные силы. Но ненадлежащее использование орудий руками не профессионалов, дилетантов может привести к снижению производительной силы работника.

Машина может быть использована либо для производства полезного предмета, блага, т.е. как производительная сила, либо для нанесения вреда, разрушения, т.е. как разрушительная сила. Отсюда можно сделать вывод о существовании в природе и обществе пары однопорядковых и противоположных друг другу явлений и понятий о них: **производительные силы и разрушительные силы.**

Г.В. Плеханов получил в Петербурге хорошее политехническое образование. На протяжении XVIII–XIX веков крупнейшие ученые мира пытались определить, что такое есть сила. Этим долгое время занимались французские материалисты в сфере естествознания. И Г.В. Плеханов изучал работы таких наиболее ярких представителей как Ламеттри, Гольбах, Фогт, Молешотт. Он изучал и Фейербаха, и Бернштейна. Он много размышлял над понятием «Сила».

В работе «Критика наших критиков. Статьи против Бернштейна» Плеханов писал: «Далеко не все энциклопедисты были материалистами. С другой стороны, в XVIII столетии во Франции были материалисты, не написавшие ни одной строки в «Энциклопедии». Для доказательства достаточно назвать того же Ламеттри. Это, между прочим. Существенное состоит здесь в том, *что ни материалисты из «энциклопедистов», ни Ламеттри вовсе не*

признавали, что все силы материи можно свести к движению» [10, с. 13]. «И хотя Ламеттри определяет человека, как машину, но этим он отнюдь не хочет сказать, что *«все силы материи можно свести к движению»*. [10, с. 13].

Плеханов согласен с Ламеттри, что силы можно свести к движению, хотя и не все. Но некоторые можно.

Про Гольбаха он пишет так. «Материалистическая философия Гольбаха не имеет ничего общего с доктриной, приписываемой им «энциклопедистам». «Гольбах знал очень хорошо, что не все силы материи можно свести к движению» [10, с. 16].

Про Фейербаха он говорит, что тот «...держался того взгляда..., что французские материалисты сводили все силы материи к движению» [10, с. 16].

«Всем известно, с каким презрением Энгельс говорил о материализме Карла Фогта, Молешотта и т. п. Но это именно тот материализм, который можно было с известным правом упрекнуть в том, что он, хотел все силы материи свести к движению. Я убежден, что опубликование рукописей, находящихся среди литературного наследства Маркса и Энгельса, внесет новый свет в этот вопрос» [10, с. 21].

Он пишет: «хозяйственный кризис огромной силы и размера ... убедит народные массы в невозможности при господстве этой системы руководить данными производительными силами на общее благо...» [10, с. 32]. На это можно возразить так. Производительными силами можно лишь управлять, а руководить можно лишь живыми существами, людьми.

Он пишет: «Познание начинается с того, что предметы берутся в их определенных различиях. Так, например, при изучении природы различаются отдельные вещества, силы, роды и т.д. и фиксируются в этой своей изолированности» [10, с. 43]. Г.В. Плеханов, как и классики, понимает, что определение наличия сил является лишь началом познания, т.е. познанием уровня эмпирического, еще не теоретического.

В своих работах он пишет о многих различных силах: о социальных силах, о «революционных силах» [10, с. 51–52], об «экономических силах», об «организационных силах», о «силах политических», о «силах аргументации» [10, с. 89], о существовании в природе «неизвестных нам сил» [10, с. 110], о «духовной силе», о «военных силах», о «творческих силах», о «силах развития», о «конечных движущих силах истории», о том, что «логическое заключение на основании аналогии не имеет в данном случае силы» (Материализм или кантианизм) [10, с.124].

Однако у Г.В. Плеханова термины «производительные силы», «материальные производительные силы общества», «производительные силы общества», «общественные производительные силы», «всеобщая общественная производительная сила», «производительные силы буржуазного

общества», «производительные силы цивилизованных обществ», «материальные силы», «рабочая сила», «индивидуальные силы», «совокупная рабочая сила общества» встречаются чаще терминов о силах других.

Плеханов Г.В. пишет: «...основная причина общественно – исторического процесса есть развитие производительных сил» [11, с. 202]. «Орудие есть орган, с помощью которого человек воздействует на природу для достижения своих целей. Это орган, подчиняющий *необходимость* человеческому *сознанию*, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, лишь клочками, урывками. *Степень развития производительных сил определяет меру власти человека над природой*» [11, с. 245].

Однако Плеханов Г.В. также не дал теоретическое определение производительным силам. Более того, он нередко не проводит различия между средствами производства и производительными силами. Например, он пишет: «... точнее будет говорить не о развитии *орудий труда*, а вообще о развитии *средств производства, производительных сил*» [11, с. 245]. «Общественные отношения производителей, общественные отношения производства меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т. е. производительных сил» [11, с. 164–165].

Он опирается на слова К. Маркса в «Капитале». «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться» [8, с. 43–44]. Маркс здесь говорит, что рабочие и средства производства являются всего лишь факторами производства, но не производительными силами. Рабочий это носитель рабочей силы как производительной силы.

В.И. Ленин о производительных силах говорит так: «...как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обуславливается развитием материальных производительных сил» [12, с. 8].

В апреле 1918 г. В.И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ». В этом труде Ленин отвечает Академии наук России на ее предложение «развернуть работы по изучению естественных производительных сил страны». Он говорит об Академии наук, «начавшей систематическое изучение и обследование естественных производительных сил России» [13].

В.И. Ленин также не дал теоретическое, т.е. качественное определение производительным силам. Его высказывание: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся» [14, с. 359] спорно.

«Нас отбросила назад, к варварству, империалистская война, и если мы

спасем **трудящегося**, спасем главную производительную силу человечества» [Там же].

Но теоретически производительными силами являются не сами люди, не сами действительные индивиды как таковые, а именно определенные, существенные для их развития свойства, качества действительных индивидов. Действительные индивиды являются носителями производительных сил как способности и потребности производить и общаться, перемещать между людьми продукты производства.

Более того, это высказывание В.И. Ленина, похоже, противоречит словам К. Маркса, который так вскрывает классовые истоки точки зрения, бытующей в буржуазной политэкономии: «Буржуа видит в пролетарии не человека, а силу, способную создавать богатства, такую силу, которую он к тому же еще может сравнивать с другими производительными силами – с животными, с машиной, если такое сравнение окажется не в пользу человека, то сила, носителями которой является человек, будет вынуждена уступить свое место силе, носителем которой является животное или машина» [8, с.450].

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М. 1989.
2. Экономическая Энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М. 1979.
3. Энциклопедия марксизма. Статья Производительные силы // Электрон. дан. Режим доступа URL:<http://www.esperanto.mv.ru/wiki/index.php?n=%CC%E0%>. (Дата обращения 17.12.2018).
4. Багатурия Г.А. Категория производительные силы в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1981. № 9.
5. Энгельс Фридрих. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е М. 1960. Т. 20.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Кн. 1. Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же Т. 23.
7. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Там же. Т. 4.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Кн. 2. Процесс обращения капитала // К. Маркс и Ф.Энгельс. Там же. Т. 24.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Там же. Т. 42.
10. Плеханов Г.В. Критика наших критиков. Статьи против Бернштейна. Г. В. Плеханов. Сочинения. Государственное издательство. Изд. 2-е. М. 1923. Петроград. Т. 11.
11. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Г.В. Плеханов. Соч. Т. 7.
12. Ленин В.И. Фридрих Энгельс. ПСС. Изд. 5-е. М. Госполитиздат. 1967. Т. 2. 677 с.
13. Ленин В.И. набросок плана научно-технических работ // Электрон. дан. Режим доступа URL:<https://leninism.su/books/3598-vi-lenin-i-akademiya-nauk.html> (дата обращения 11.12.18).
14. Ленин В.И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6–19 мая 1919 г. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства // Полн. собр. соч. Т. 38.
15. Пашков В.П. Производительные силы в учении Карла Маркса // Философия. Психология. Минск. БГУ. 2018. № 3. С. 4–8.

16. Пашков В.П. Производительные силы и их использование на землях сельскохозяйственного назначения // Матер. научн. чтений памяти В.Б. Островского. Саратов: ИАГП РАН, 2018. С. 109–117.

17. Пашков В.П. Производительные силы в классической экономической теории // Социально-политическая теория Карла Маркса: реактуализация политэкономического наследия (К 200-летию со дня рождения Карла Маркса) / Под ред. С.Д. Бодрунова и А.В. Бузгалина. 2018. С. 161–169.

18. Пашков В.П. Производительные и разрушительные силы в политической экономии // Сб. работ по результатам Четвертого международного политэкономического конгресса в рамках Московского академического экономического форума. МАЭФ 2019. М. МГУ. 14–16 мая 2019.

Доц. д-р Християн Танушев

СОБСТВЕННОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Доклад намечает основные проблемы экономических преобразований в России в период 1921–1927 г. Такими названы: собственность на средства производства, проблема земли, капитал, труд, финансовая система и управление экономикой. Проведено сопоставление с аналогичными процессами в Болгарии в период установления народной республики в 40-е годы двадцатого века. Защищается тезис: собственность как отношение является мотивацией в рыночном товарообмене, а собственность как управление обуславливает центр принятия экономических решений.

The report outlines the main problems of economic transformations in Russia from 1921 to 1927. These are: ownership of the means of production, the problem of land, capital, labor, the financial system and economic management. A comparison is made with similar processes in Bulgaria during the establishment of a people's republic in the 40s of the twentieth century. The thesis is defended: property as a relation is motivation in market exchange, and property as a management determines the center of economic decision-making.

Экономическая система является базисом развития общества. Такой материалистически обоснованный взгляд ставит несколько вопросов, которые государство первопроходец в неисследованной и незнакомой ситуации, строящее социалистическое общество обязано решать в своем развитии. Этим и характеризуется развитие Советской России в период 1921–1927 годов.

Собственность.

Краеугольный камень современного хозяйства.

Понятие «собственность» в экономическом смысле многогранно. Оно отражает одновременно:

– отношение субъекта (человека, коллектива) к определенным объектам (природным ресурсам, вещам, информации, конечному продукту) как

к «своим», которое выражается в возможности принимать свободные решения относительно конкретного объекта;

– ограничение возможности других субъектов принимать такие свободные действия, тем самым возводя отношение к объекту в отношения между людьми;

– направленность свободных решений субъекта на улучшение его дифференциального общественного положения, путем расширения объекта собственности;

– те инструменты, которыми можно реализовать управление, но и цели, которые управляющий центр (субъект собственности) ставит перед собой и проводит в жизнь, а именно реализация «остаточного дохода» после вычитания всех фиксированных выплат (налогов, дивидендов).

При восприятии собственности как отношение между субъектами (собственность-отношение), но и как отношение к управлению (собственность-управление) [1, с. 166] можно найти ответы на множество вопросов, которые ставит перед исследователями экономика Советской России в период 1921–1927 г.

Господство частной собственности в царской России было ликвидировано взмахом руки. Такому решению соответствует форма управления, которая почти полностью экспроприирует «остаточный доход», оставляя в распоряжение отдельным участникам в создании конечного продукта лишь часть достаточную для их воспроизводства. «...Мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия» [2, с. 219] пишет Ленин в 1921 г. Прозрачность является именно непосредственным инструментом управления экономическими отношениями.

Трансформация собственности в государственную и по сей день двигает споры в науке. Созданная в 20-х годах новая экономическая система – это подлинный социализм или же правильнее назвать эту стадию государственным капитализмом? Как определить отношения между производительными силами, которые остаются оторванными от средств производства и не влияют на распределение добытого продукта? При том нельзя забывать, что конечный продукт распределяется гораздо справедливее, чем в ранних фазах капитализма и приводит к изменениям в отношениях к рабочим массам во всем мире. Нельзя отрицать повышение оплаты труда, введение страховки рабочих, пенсионных схем.

Проблема собственности стоит перед нами и в настоящее время. Является ли акционерное участие множества индивидов новым подлинным проявлением процесса „социализации“ собственности? Может ли акционирование заместить государственную собственность на средства производства? Как решить противоречие между владельцем и управляющими?

Идеи акционирования как форма преобразования общественной собственности процессом ее приватизации для увеличения эффективности ее функционирования были широко распространены в странах бывшего социалистического сообщества в 90-х годах XX века. Россия, Чехия/Словакия, Болгария, страны Прибалтики, Казахстан применили в разной степени массовую приватизацию. Акционер является лишь опосредственным владельцем средств производства. Он получает «фиксированный доход» и его влияние на распределение остаточного дохода ограничено. В этом смысле он не является подлинным субъектом собственности корпорации. Круг принимаемых им решений с позиции управления предприятия – это только внешнее ограничительное условие. При этом интересы отдельного акционера, группы акционеров и всех владельцев акций определенного предприятия могут далеко не совпадать, а их единство с общественными интересами можно наблюдать лишь в отдельных случаях. Это доказывается процессами укрупнения капитала путем постепенного отстранения непрофессиональных инвесторов, которые приобрели акции в процессе массовой приватизации. Их акции выкупили или фактически лишили возможности пользоваться правами.

Национализация и приватизация вызывают одинаковые и в большинстве случаев негативные эмоции. Национализация связывается с использованием методов насилия, а приватизация – с коррупцией, с хищением созданных совместными усилиями благ.

Вопрос собственности в 20-е годы прошлого века, как и в современных условиях, объективно связан с развитием производственных отношений, но и с развитием идеологии. Марксизм отражает их взаимосвязь. При преобладании крестьянского населения собственность над основным средством производства, над земельным наделом является ключевым вопросом решения базисных потребностей – осуществления физического выживания и воспроизводства индивида. Сознание крестьян органически связано с землей. В октябре 1922 г. был принят Земельный кодекс РСФСР. Он устанавливает четкие правила «пользования землей, неизбежно остающейся в собственности Рабоче-Крестьянского Государства» [3, с. 110].

В современном мире процессы дигитализации порождают аналогичные бизнес модели, которые основываются на пользовании определенных активов или информацией. Собственность-управление отделяется от собственности-отношения к объекту и между людьми. Компании типа Убер (Uber), Лифт (Lyft), Яндекс.Драйв, Делимобиль, Эйрбиенби (AirBNB), Букинг (Booking) являются общеизвестными примерами.

Ясно можно выявить две тенденции.

Первая из них, индивидуальное пользование и владение средствами

производства и продуктом, для создания стимулов увеличения производительности труда и отрыв собственности в части распоряжения.

Вторая, стремление к объединению усилий разрозненных владельцев для достижения лучших результатов. В Советской России в начале XX века – это формирование сбытовых, снабженческих, кредитных коопераций в сельском хозяйстве, трестов и синдикатов (добровольных объединений трестов) в промышленности. В современном мире – это экономика совместного пользования (sharing economy).

Общей чертой является изменение сознания людей и влияние нового уклада мышления на отношение к собственности. Структура общества в наши дни отражает изменение характера потребностей от базисных: физиологических, в безопасности, социальных; к вторичным: в уважении, в самореализации. Человек переходит к осознанию своей значимости в рамках общества, но и своей ответственности. Сегодня всеобщие системы: здравоохранения, социальной помощи, защиты труда, пенсионных выплат воспринимаются как извечно существующими, но исторически они возникают с осознанием взаимосвязей человека в обществе. Изменения на идеологическом уровне сказываются на проявлениях собственности-отношения.

Проблема собственности все еще не решена окончательно и с точки зрения экономической эффективности. Нет веских экономических доказательств того, что частная собственность дает лучшие экономические результаты, чем общественная. Высказываются аргументы, скорее основанные на политических взглядах. Не существует углубленного, основанного на эмпирических фактах экономического анализа в более длительный период времени, чтобы прийти к четкому выводу, особенно в контексте монополизации экономики и углубления процессов глобализации.

Вопрос о земле.

Отношение к земле, является ключевым вопросом развития хозяйства. И Россия в 1917 г. и позже страны Восточной Европы были по степени экономического развития аграрными странами. В 1922 г. в Советской России общая численность населения насчитывает 133.5 млн. человек, из них только 16% городских жителей [4, с. 9]. Первые два декрета новой власти это Декрет о мире и Декрет о земле. Только привлечением крестьянской массы страны к революционным преобразованиям можно было осуществить преобразования в стране. Введение продразверстки, при которой у крестьян изымали до 70% зерна, привело к вспышке ряда восстаний. Тамбовская губерния, Дон, Поволжье, Сибирь оказывали вооруженное сопротивление. Недовольство начинает стихать лишь с введением продналога, который существенно уменьшил процент изъятия продукции до 20% от чистого продукта крестьянского труда и позволил крестьянам реализовать излишки в обмен на продовольственные товары. Сельское хозяйство характеризова-

лось ручным трудом, но являлось основным источником средств для развития промышленности и страны.

Все эти процессы отражают объективный факт, что общественная собственность в ее проявлении как собственность-управление не может быть установлена процессом декретирования. Наличие субъектов – крестьянских хозяйств (многочисленной социальной группы), которые способны принимать самостоятельные решения, требует согласование интересов макроэкономического центра и тех самых самостоятельных центров власти.

Аналогична картина и в странах социалистического сообщества к моменту перехода к новой экономической системе спустя 25 лет. В Болгарии к 1946 г. сельское население составляет 75,3%. Земельная собственность раздроблена и преобладает ручной труд. В стране насчитывается 1,2 миллиона небольших хозяйств со средней площадью обрабатываемой земли 40 ар.

Процессы создания колхозных хозяйств, укрупнения земельных участков и кооперирование земли во многих случаях проходили насильственно и тоже встречали острое сопротивление. В стране возникают так называемое «Движение горян» в районах городов Сливен, Стара Загора, в горах Пирин и Стара планина. В 1946 году в Болгарии был принят Закон о крупной земельной собственности. Практически было ограничено количество земли, которой могла владеть одна семья. В 1948 году вступил в силу Закон о приобретении крупного сельскохозяйственного инвентаря.

Нельзя забывать, что Болгария являлась одной из стран с сильно развитым кооперативным движением до 1944 года. Кооперативы основывались на принципах: добровольное участие, сохранение собственности каждого члена, получение вознаграждения за проделанную работу, а также арендной платы пропорционально вложенному капиталу. В результате наступивших изменений постепенно проводится коллективизации земли, заменяется принцип выборов руководящих органов кооператива назначением новых лиц, вводятся квоты на поставку продукции. До 1957 г. в стране сельское хозяйство практически полностью коллективизировано.

Положительные результаты этих процессов – это механизация и интенсификация труда, увеличение сельскохозяйственного производства. Расширяются искусственно орошаемые площади, строятся многочисленные водохранилища и микроводоемы. Производство всех видов сельскохозяйственной продукции на душу населения увеличивается по сравнению с 1945 годом.

Решение вопроса о земле имеет свои психологические отражения на людей в эпоху индустриализации страны. Требуются несколько поколений, чтобы окончательно разорвать связь с землей.

Серьезные дискуссии вызывает и решение задачи по оптимизации размера хозяйств с точки зрения достижения их конкурентоспособности. Он

требует кропотливого анализа региональных особенностей. Региональные дисбалансы связаны с сверхзависимостью регионов от отсталого сельского хозяйства, которое не может обеспечить занятость, рост производительности и доходов [5, с. 5–6]. В Болгарии обработка мелких земельных участков в предгорьях и горных районах вносит дополнительные трудности в нахождении верного ответа.

Капитал.

Этот вопрос связан с характером собственности, но и с количеством ресурсов, направленных на накопление, на увеличение производственных мощностей, на инновации. Должны ли инвестиции быть нацелены на создание крупных предприятий, конкурентоспособных на международных рынках, или же надо создавать и укреплять мелкие и средние предприятия для обеспечения экономического роста? В кризисные периоды с ограниченными возможностями для развития хозяйственных субъектов эта проблема ощущается во всей своей сложности [6, с. 7].

В аграрной России после революции индустриализация и накопление капитала еще впереди. Отсутствуют свободные ресурсы и формирования капитала в послевоенных условиях осуществляется за счет изъятия остаточного продукта сельского хозяйства. Роль иностранных инвестиций незначительна.

В 1920 г. принимается план государственной электрификации Советской России. Он открывает путь на индустриализацию страны. Первые задатки планового хозяйства, а централизованные решения на строительстве новых предприятий и выпуске новых видов продуктов, являются проявлением именно целенаправленного принятия решений и их координации (по сути планированием будущего состояния хозяйства) создает предпосылки концентрации вложений в определенные отрасли. Начинается производство новых видов продукции: автомобилей, тракторов, плугов, сеялок, текстильных станков. Внедряется насосный метод добычи нефти. Упор ставится на переход от развития отдельных предприятий к стимулированию развития взаимосвязанных предприятий, используя современную терминологию на формирование кластеров [7, с. 100]. Период характеризуется еще введением хозяйственного расчета. Предприятия получают относительную самостоятельность и могут располагать свободными средствами от продажи продукции после отчисления государственного налога. Восстанавливается денежная оплата труда, которая приходит на смену «военному коммунизму». Широко используется концессионирование с участием иностранного капитала. Выделяются средства на расширение производства. Можно наблюдать одновременно элементы плановой и рыночной экономики. В 1926 г. индекс объема национального дохода СССР впервые превышает довоенный уровень, составив 103% к 1913 г. [3, с. 172].

В Болгарии первые десять лет после преобразования страны в народную республику тоже посвящены индустриализации страны. Основопологающими принципами в этом процессе являются государственная собственность на средства производства и плановое развитие экономики. 23 декабря 1947 г. принят Закон о национализации частных индустриальных и минных предприятий и в тот же день из существующих фабрик и заводов были устранены их владельцы. Следуя советский опыт упор поставлен на развитие тяжелой промышленности: электроэнергетика, горнодобывающая промышленность, металлургия, машиностроение и химическая промышленность. К 1957 году отношение промышленности к сельскому хозяйству уже составляло 68:32, при этом было построено, реконструировано и введено в эксплуатацию более 700 промышленных предприятий.

В основе процесса накопления капитала проявляется собственность-управление путем централизации и установления приоритетов на государственном уровне.

Труд.

Замена физического труда специализированным одна из основных задач в процессе индустриализации. В 1913 г. в России насчитываются всего 136 тыс. человек с высшим образованием (0,085% населения) и 54 тыс. специалистов с средним специальным образованием. К 1928 г. число первых возрастает до 233 тысяч, а вторых до 288 тыс. человек [4, с.353]. «Соотношение технического персонала к рабочим на заводах в Советском Союзе ... составляет не более 2 процентов. Из этих двух процентов только половина закончила более чем начальное образование. Из 770 директоров заводов 3,5 % не имеют никакого школьного образования, 71,6 % имеют начальное школьное образование, а остальные - полное школьное образование» [8, с. 321].

В Болгарии люди с высшим образованием в 1946 году были тоже ниже 1% (55 тысяч человек при общей численности населения 7 млн человек), а 75% не имели начального образования [9].

С позиции определения собственности как свободные решения субъекта направленные на улучшение его дифференциального общественного положения, стимулирование принятия определенных решений связано с оценкой индивида „улучшается“ или „ухудшается“ его социальный статус. Оценка может быть основана на объективной критерии об общественных интересах. Например, повышение образования улучшает позиции в обществе. Индивид может принимать или не принимать этот критерий. (Даже в наши дни образование девочек в некоторых обществах считается лишним.) Субъективный интерес человека может совпадать или не совпадать с этим критерием. Увеличение расходов на приобретение определенной образовательной степени в современных условиях вынуждает молодых людей отка-

зваться от учебы после окончания средней школы или бакалавриата. Стимулом для индивида является только его субъективное восприятие личных интересов.

Особо надо отметить, что реализация объективного общественного интереса возможна только если он совпадает с индивидуальным интересом. Кризис сбыта промышленных товаров 1923 г., вызванный «ножницами цен», хлебозаготовительные кризисы 1924–1925 г. и 1927–1928 г. в России эмпирически подтверждают это заключение.

Финансовая система.

Идея отмирания денег в новом обществе распространена в первые годы социалистического государства. Товарообмен преобладает в условиях инфляции и продрозверстки, введены натурально расчетные чеки, как заместители денег. На следующем этапе будет широко обсуждаться вопрос о введении „продуктообмена“. В конце 1920 г. даже приняты декреты о бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов, предметов широкого потребления, об отмене оплаты за топливо государственных учреждений и их служащих [3, с. 67–69].

Аналогична ситуация в Болгарии к 1945 г. Рыночные отношения не развиты. Всего-навсего 40% потребления сельских домохозяйств осуществляется через денежное обращение. В 1939 году только 71,1% национального дохода было монетизировано [10, с. 68–69].

Перелом в Советской России наступает в 1921 г. – учреждение Государственного банка. Проведенные две денежные реформы: 1922 г. и 1924 г. по деноминации национальной валюты для ее стабилизации и введение обеспеченной золотом новой валюты – червонца, отражают объективную необходимость существования всеобщего эквивалента в процессе обмена. Устанавливается и новая денежно-кредитная система и изменяется структура финансовых институтов. Появляются специализированные банки, сберегательные кассы, возрождаются общества взаимного кредита.

Собственность-управление как символ власти ярко проявляется в финансовой сфере. Государственные органы переходят от непосредственного администрирования материальных потоков к установлению параметров, которые лишь ограничивают деятельность промышленных предприятий и крестьянских хозяйств. Цены на продукты, налоги задают условия осуществления конкретной деятельности. На рынке продавцы получают общественное признание своего конкретного труда. Деньги позволяют им приобрести эквивалентное количество любой потребительской стоимости. Собственность-отношение выражается в свободе принятия решений в рамках хозяйственной структуры: эффективное использование ресурсов, оптимизация технологических процессов и организации труда, стремление удовлетворить потребности всех заинтересованных сторон [11, с. 27].

Управление экономикой.

Управление фактически осуществляется через сознание людей и направлено на достижение целесообразного результата. Но люди руководятся в своих действиях разными и изменяющимися в отдельные отрезки времени мотивами. Для выполнения конкретного действия, согласованного с поставленной целью в процессе управления из набора мотивов должен быть активирован один решающий – стимул. Мотивы-стимулы могут проявляться в позитивной или негативной форме.

Трудовая повинность, военизация служащих в определенных отраслях, меры по преодолению прогулов являются яркими примерами негативного стимула.

С 1921 г. управление в Советской России сосредотачивается на позитивных стимулах: предоставление хозяйственной и финансовой независимости предприятиям в промышленности, введение продналога, ликвидация государственной монополии на различные виды продукции. Позитивные стимулы способствуют развитию творчества и инициативы людей, но в рамках собственности-управления. В условиях обособленных товаропроизводителей оптимизация решений осуществляется в пределах конкретного хозяйства. Неразвитые производительные силы в 20-х годах прошлого века объективно обуславливают методы управления, которые им соответствуют.

В условиях общественной собственности оптимизацию следует перенести на новый уровень в рамках макроэкономики страны. Но этот переход можно осуществить лишь после достижения определенной ступени в развитии производительных сил. С точки зрения кибернетики, управляющая система должна соответствовать по своей структуре и сложности управляемой. Это иное проявление взаимоотношения между идеологией – эффективностью управляющей системы и материальным базисом – сложностью и структурой управляемых экономических систем.

Заключение

Анализ процессов в экономике с позиций собственности-отношения (сложного переплетения интересов), направленного на улучшение дифференциальной позиции в обществе и собственности-управления (с позиций достижения заранее заданных целей и координации действий экономических агентов) способствует получить объективную оценку исторического развития Советской России в период 1921–1927 г. и Болгарии в 1945–1952 г.

Кропотливое изучение этих событий помогает найти ответы на вопросы дезинтеграции экономик двух стран в 90-е годы двадцатого века и позволяет сформулировать решения в современном мире.

Литература

1. Матеев Е. 2015. Структура и управление на икономическата система. София: Издателски комплекс на УНСС. (Структура и управление экономической системы)
2. Ленин В.И. О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия // Полн. собр. соч. Т. 36.
3. Струмилини С. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1959. М. Советская энциклопедия. Столб. 1972.
4. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. (Юбилейный статистический ежегодник). 1972. Москва. URL: http://istmat.info/files/uploads/10401/narhoz_ussr_1922-72_territoriya.pdf (Дата обращения: 18.03.2020) <http://istmat.info/node/10401>
5. Иванов Х. 2014. Развитие и усъвършенстване на регионалната политика на Европейския съюз. Бизнес посоки(1), стр. 3-10. URL: https://bjournal-bfu.bg/uploads/posts/2014_1_03-10_bg.pdf (Дата обращения: 15.03.2020)
6. Marinov K. 2015. Product Policy of Bulgarian Companies in Times of Economic Crisis. Economic Alternatives, Issue 1. 2015. P. 5–18.
7. Банкова Й. 2017. Национална конкурентоспособност. Съвременни концепции и измерители. София: Издателски комплекс на УНСС. (Национальная конкурентоспособность. Современные концепции и измерители).
8. Sutton A. 1971. Western Technology and Soviet Economic Development 1917–1930. Hoover Institution Press. URL: <https://archive.org/details/Sutton--Western-Technology-1917-1930/page/n337/mode/2up> (Дата обращения: 18.03.2020)
9. Национален статистически институт. Сравнителни таблици по години на преброяванията URL: <https://www.nsi.bg/Census/SrTables.htm> (Дата обращения: 22.03.2020)
10. Аврамов Р. 2007. Комуналният капитализъм. Т. 1. София. Фондация “Българска наука и култура”, Център за либерални стратегии.
11. Нецева Т. 2012. Ценообразуване на база ценност. София. Стопанство.

Т.Е. Анапасенко

МАРКСИСТСКИЙ МЕТОД В ДЕЙСТВИИ: ДИАГНОСТИРУЕМ ФАЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье доказывается несостоятельность обвинения марксистской теории по пунктам недопустимости привнесения биологических и социологических процессов в экономические для объяснения чего-либо в рамках экономической теории; расхождения между категориями, описывающими позитивную и нормативную реальность; тезиса об ухудшении положения рабочего класса по мере развития капитализма. Показывается закономерность несостоятельности аргументов критики политэкономии Маркса в соответствии с марксистским методом диагностики стадии развития экономической мысли. Метод же этот состоит в следующем: если теория неверна и не ставит перед собой серьезных фундаментальных проблем, она защищает интересы класса, обреченного сойти с исторической арены, поскольку последние ставят препятствия развитию производительных сил, а значит и прогностические возможности данной теории ограничены, особенно если учитывать ее незаинтересованность в адекватном отражении реальности. Выявляется несостоятельность теории Й. Шумпетера в том ее фрагменте, где она доказывает заблуждения марксистской политэкономии по указанным пунктам, на основании чего, в соответствии с марксистским методом диагностики фазиса экономической мысли, делается вывод

о том, что доминирующая парадигма, которую представляет Шумпетер, отнюдь не представляет собой вершину экономической мысли.

Ключевые слова: воспроизводство рабочей силы, прибыль, прибавочная стоимость, цена, стоимость, избыточное население, трудовая теория стоимости, маржинализм, апологетика.

APPLICATION OF A MARXIST METHOD AT DIAGNOSTICS OF A PHASE OF THE ECONOMIC THOUGHT

In the article insolvency of charge of the Marxist theory on points of inadmissibility of introduction of biological and sociological processes into economic ones; of divergences between positive and normative categories; of thesis about deterioration of the situation of working class in process of development of capitalism is proved. The regularity of insolvency of arguments of criticism of political economy of Marx according to a Marxist method of diagnostic of a stage of development of an economic thought is shown.

Keywords: reproduction of labor, profit, surplus value, price, value, excess population, labor theory of value, marginalism, apologetics

Данное сообщение касается ценностного содержания экономических программ преобразования общества. Именно ценностное отличие предлагавшихся программ, учитывавшее историко-культурное своеобразие русского общества, политико-экономическое положение страны после гражданской войны, интервенции и экономической блокады, явилось критерием их принятия или отклонения. Речь пойдет о ценности экономической теории, с точки зрения интересов производительных сил.

Марксистский метод определения стадии развития науки об обществе, в том числе политической экономии, или экономической теории, состоит в следующем. Тезисом, принимаемым априори в марксистской теории, является положение об обреченности производительных сил на неуклонное поступательное развитие. Если конкретная экономическая теория объективно «льет воду на мельницу» развития производительных сил, у нее все шансы отвечать критерию истинности, т.е. такая теория, как правило, отражает объективную действительность с наименьшими искажениями, более того, эта теория находится на самой высокой точке восходящей дуги развития науки, которое, согласно марксистской точке зрения, является линейным. Если же теория принадлежит к партии, играющей на стороне, которая чинит препятствия развитию производительных сил, построения этой мыслительной системы с неизбежностью будут искажать реальность, более того, такая теория обречена олицетворять регресс в сфере развития науки, и в силу одного этого факта она не может ставить перед собой достаточно амбициозных задач, претендующих на сколько-нибудь фундаментальные открытия.

Многочисленные примеры этого метода диагностики стадии развития экономической теории рассыпаны в «Теориях прибавочной стоимости»,

иллюстрации его применения пронизывают ткань любого суждения Маркса и Энгельса о своих собратьях по перу; только на нем основывают свое мнение все тексты советской эпохи, содержащие какие-либо оценки экономических теорий.

Приведем только один пример для иллюстрации того, как применяется метод. Маркс объясняет феномен гения Давида Рикардо и анализирует факторы, ограничивающие его научный кругозор.

Рикардо является «агентом» прогресса производительных сил. Его теория всемерно защищает прогрессивную сторону способа производства – производительные силы и защищает другую его сторону – капиталистические производственные отношения – лишь постольку, поскольку они способствуют развитию производительных сил. Рикардо всегда выступает на стороне прогресса последних, и ему безразлично, кто является противником этого прогресса – земельные собственники, олицетворяющие «недобитый» феодализм, буржуазия или рабочие, – интересы этого противника будут объявлены теорией Рикардо подлежащими пренебрежению в силу одного факта его оппозиции развитию производительных сил. При этом Рикардо блокируется с тем классом, который в каждый данный момент времени выступает на стороне совершенствования технологий в области производства. Однако земельные собственники никогда не выступают на этой стороне, буржуазия – всегда, а рабочие – иногда. Такое соотношение сил между духом развития производственных технологий и различными классами имело место быть в той временной период, на который пришлось творчество Рикардо. Последний занял правильную позицию, сделав свою теорию апологетикой тех классовых интересов, которые на данном временном промежутке олицетворяли и интересы развития производительных сил, будь оно одушевленным. В период Континентальной блокады совпали интересы промышленной буржуазии и рабочих в своем противоречии интересам земельных собственников по вопросы цены золота, Рикардо взял на себя защиту первых, что и породило его гений. Правильный выбор объекта апологетики определил высшее положений теории Рикардо на восходящей дуге линейного развития политической экономии, и именно эта высота обусловила научную пронизательность Рикардо. Интересы основного объекта апологетики перестали совпадать с интересами развития производительных сил в 1825 году, когда грянул первый кризис перепроизводства, лишивший буржуазию статуса прогрессивного класса. Рикардо повезло умереть до этого – в 1823 году, он умер «чемпионом», его гений, наиболее полно воплотивший интересы прогрессивного класса – буржуазии – остался недостижимым на восходящей дуге линейного развития политэкономии. 1825 год знаменовал моральное устаревание теории Рикардо, которая не отражала более адекватно изменившуюся реальность. 1825 год

знаменовал образование вакантного места на высшей точке дуги восходящего развития политэкономии для теории, апологетичной по отношению к интересам нового класса – флагмана прогресса, призванного заменить в этом статусе буржуазию, класса, блокирующегося с интересами развития производительных сил, для теории, с высоты этой точки осмысливающей реальность наиболее адекватным образом. По представлению Маркса, таким классом должен был стать пролетариат, а теорией, призванной к описанной миссии, – его собственная. Таким образом, есть грань, за пределами которой научная истина становится несовместимой со способом мышления, отражающим интересы класса, не совпадающие с интересами развития производительных сил.

Между характером познавательного процесса (научным или вульгарным) и его классовой ориентацией существует объективная причинная зависимость. Классовая ориентация детерминирует степень вульгаризации познавательного процесса (ориентация не на класс-флагман прогресса производительных сил предопределяет неадекватность и безамбициозность теории). Верна и обратная связь: степень вульгаризации познавательного процесса экономической теорией указывает на то, что класс, бессознательное которого выражает данная теория, бесперспективен в плане задержки на исторической арене; его интересы, скорее всего, не совпадают с интересами развития производительных сил, и он вот-вот будет ими сметен и уничтожен.

С помощью данной схемы рассуждений легко диагностировать фазу развития экономической науки и направление развития общества в целом. Если доминирующая экономическая теория легко опровергаема логически и фактами и не ставит перед собой амбициозных задач, экономическая наука ждет прорыва, место высшей точки на восходящей дуге линейного развития науки вакантно, а у производительных сил потенциально должен быть общественный класс – их союзник. И это не тот класс, бессознательное, а иногда и коллективное сознание которого выражает доминирующая экономическая теория. Если же теория может претендовать на истинность (т. е. она логически внутренне не опровержима, и факты действительности с ней согласуются), и она достаточно амбициозна в плане как можно более общей, не периферийной интерпретации реальности, она работает на прогресс в области производительных сил, и на ее прогностические возможности можно полагаться вполне. Как и на то, что классу, интересы которого она выражает, ничто не угрожает.

Рассмотрим не экономическую теорию, а только ее фрагмент, а именно критику наиболее логически уязвимых положений экономической теории Маркса Й. Шумпетера [1], усиленную социологической теорией Р. Арона [2]. Если эта критика покажет себя обоснованной, внутренне непротиво-

речивой, подтверждаемой фактами и могущей объяснить широкий круг явлений, в соответствии с марксистским методом следует тогда признать, что теория Шумпетера занимает свое доминирующее место среди экономических парадигм в полном согласии с логикой развертывания объективного духа в действительность; ее прочие выводы можно принять как истинные и положиться на ее критические возможности. Кроме того, социальный класс, интересы которого данная теория защищает, также находится на своем доминирующем месте в соответствии с логикой поступательного развития истории, и, значит, будет сохранять это место еще сравнительно долгое время. Если же эта критика покажет себя не вполне состоятельной, тогда следует признать, что экономическая теория Шумпетера олицетворяет регрессивную фазу развития науки об обществе и искажает действительность (прячет истинную действительность) ради сохранения статус-кво, которое противоречит гармонизирующим действительность процессам со стороны Мирового разума.

Итак, Шумпетер и Арон находят несостоятельной экономическую теорию Маркса по следующим пунктам.

1. Странное определение стоимости рабочей силы суммой средств, необходимой рабочему и его семье для воспроизводства трудящегося. Арон находит, что такая логика мысли уводит нас из сферы экономического обмена в сферу обмена биологического, и, по сути, происходит софистическая подмена категорий, что делает общую логику марксистской экономической теории несостоятельной.

2. В этом же пункте – привнесение в экономическую теорию социологических категорий, поскольку сумма средств, необходимая рабочему для его воспроизводства, будет варьироваться в зависимости от состояния моды, нравов, общепринятых представлений о допустимом уровне жизни и т. п. – с теми же последствиями.

3. Нетождественность цены и стоимости, прибыли и прибавочной стоимости создают две картины: одну – реальную, а вторую – существующую только в системе марксистских категорий; поскольку эти картины не совпадают, картина, созданная системой марксистских категорий, оказывается ложной.

4. Практика не подтверждает тезис марксистской экономической теории об ухудшении положения рабочего класса по мере развития капитализма, а, между тем, именно на него опирается доказательство неизбежности гибели капитализма. Это делает всю марксистскую экономическую теорию несостоятельной.

Докажем несостоятельность обвинения марксистской теории по данным четырем пунктам, а также закономерность несостоятельности некоторых аргументов критики политэкономии Маркса в соответствии

с марксистским методом диагностики стадии развития экономической мысли.

Биологические обмены привносили в экономические и Смит, и Рикардо, когда определяли естественную цену продукта: Смит прямо употребляет термин «воспроизводство рабочего», «спрос на производство людей, подобный спросу на всякий иной товар», однако то ли у противников марксизма к ним претензий нет, то ли свою неприязнь они распространяют на всю классическую политэкономия, базирующуюся в большинстве на трудовой теории стоимости, только, по понятным причинам, не заостряют на этом внимание.

Что касается допустимости привнесения социологии в экономику, для чистоты эксперимента обратимся к противнику смягчения тяжелой участи трудящихся Дж. Таунсенду. Рассуждения Таунсенда о причинах необходимости дешевизны рабочей силы, где он говорит о том, что привычка к роскоши в регионах, в которых цена труда высока, приводит к тому, что в цену труда помимо элементарных и жизненно необходимых потребностей входят и повышенные по сравнению с этим потребности [3], доказывают, что социологию в экономику ввел все же не Маркс.

Несовпадение стоимости и цены, прибавочной стоимости и прибыли разделяет различие идеального феномена, выявленного путем применения метода научной абстракции, и феномена, искаженного шумом случайностей, имевшего место у всех экономических теорий, за исключением маржиналистских (ср. естественные цены, лежащие в основе политических цен у Петти; различие истинной стоимости и рыночной стоимости у Бугильбера; явление ложной стоимости, в отличие от истинной, образующей ренту у Рикардо). Разграничение внутренних причинно-следственных зависимостей и их внешних проявлений естественно при исчезновении индивидуальности внешних проявлений в общих статистических тенденциях; маржиналистам это неизвестно, видимо, потому что они рассматривают только внешние проявления (видимый договор о цене двух юридически равноправных сторон, рационально оптимизирующих собственные интересы), при этом условность допущения о рациональности рыночных субъектов и их равноправии ясна даже самим маржиналистам [4].

Пункт 4 критики марксизма опровергается следующим образом. Тезис об ухудшении положения рабочего класса по мере развития капитализма верен для условий первоначального накопления капитала, когда повышение производительности труда предполагает относительно меньшую потребность в переменном капитале, а общему росту национального богатства мешает высокая конкуренция в сфере заработной платы, обусловленная наличием резервной армии труда. Это не действует по отношению к эпохе пост-первоначального накопления капитала, по-

скольку, во-первых, в передовых капиталистических странах исчез фактор избыточного населения, создающего резервную армию труда: во времена Маркса еще не был открыт закон социологии, согласно которому уровни жизни и рождаемости обратно пропорциональны, начиная с определенного уровня жизни, недостижимого в XIX в. Рост национального богатства сумел компенсировать относительно меньшую потребность в переменном капитале, чье уменьшение обусловлено ростом производительности труда, появлением многочисленных отраслей, существование которых оправдывает исключительно необходимость обеспечения занятости, с развитием общества массового потребления, а успехи солидаризма, увеличившаяся власть профсоюзов и политического представительства наемных работников вкупе с растворением частной собственности в акционированном капитале компенсировали рост конкуренции в сфере заработной платы. Только эти факторы, которых не существовало при жизни Маркса, и удерживают капитализм от неизбежной гибели, которая в отсутствие данных факторов вовсе не считается недоказанной, и даже при действии всех этих факторов предложение труда и сейчас превышает спрос на него.

Таким образом, аргументы теории Шумпетера достаточно легко опровергаются, неспособность современной экономической теории, которую он представляет, сосредоточиться на чем-либо, кроме частных проблем [5], позволяет сделать вывод, что будущее экономической науки отнюдь не за доминирующей ее парадигмой, а стабильность современного миропорядка представляет собой иллюзию.

Литература

1. Schumpeter J. Capitalisme, socialisme et démocratie. Trad. française. Paris. 1950.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. Townsend J. Dissertation on Poor Laws by a Well-wisher of Mankind. L. 1786.
4. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. М. 1993. Т. 1.
5. Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. THESIS. Winter 1993. Vol. 1. No 1. С. 41–45.

Д.А. Митина

ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ДИСКУССИЯМ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ ИЛИ ТАКТИКА ЕДИНОГО ФРОНТА?

Автор актуализирует дискуссию, проходившую под идейным лидерством Советской России в Коммунистическом Интернационале (Коминтерне) в 20-е годы XX-го столетия на примере современного российского коммунистического движения. Что сегодня актуальнее — преодолевать коммунистическую многопартийность путём объединения существующих коммунистических партий или создавать

единый левый, антикапиталистический фронт? В статье рассмотрены объективные трудности, вставшие на пути объединения Российской Коммунистической Рабочей Партии (РКРП) и Объединенной Коммунистической Партии (ОКП).

The author updates the discussion that took place under the ideological leadership of Soviet Russia in The Communist International (Comintern) in the 20s of the XX-th century on the example of the modern russian communist movement. What is more relevant today – to overcome the communist multiparty system by combining existing communist parties or to create a united left-wing, anti-capitalist front? The article deals with the objective difficulties that stood in the way of unification of the Russian Communist Workers ‘ Party (RKRП) and the United Communist Party (OKP).

Сегодняшние дискуссии внутри российского комдвижения и поиск оптимальных форм взаимодействия оказываются удивительным образом зарифмованы со спорами столетней давности, ведшимися внутри Коминтерна под идейным лидерством Советской России. 2019 год ознаменовался важным для российской коммунистической оппозиции и всей российской левой событием – две заметные на политическом поле непарламентские коммунистические партии провозгласили курс на объединение: одна – старейшая компартия на постсоветском пространстве, Российская Коммунистическая Рабочая Партия (РКРП), другая – самая молодая из российских компартий, Объединенная Коммунистическая Партия (ОКП). Российская коммунистическая оппозиция отличается многоликостью и дробностью, но автор исходит из того, что крупных компартий на данный момент четыре: парламентская и самая крупная КПРФ, полупарламентская «Коммунисты России» и две непарламентские, РКРП и ОКП. Автор также исходит из того, что коммунистическая многопартийность в постсоветской России возникла и развивалась в ходе объективных исторических обстоятельств, и является вполне закономерным явлением: как правило, в тех странах, где одна коммунистическая партия, она же и обладает монополией на власть.

Стратегическое объединение, курс на которое практически одновременно объявили съезды РКРП и ОКП, стало предметом широкого обсуждения в левой среде, сразу обретая как своих «скептиков», так и своих «болельщиков». Не секрет, что, невзирая на принятые в результате демократических процедур решения, и внутри самих партий – потенциальных партнёров по объединению – существуют разные настроения, и решения, хоть и приняты большинством голосов делегатов съездов, отнюдь не были монолитными и консенсусными. Многие коммунисты полагают, что более эффективной и политически оправданной в нынешней ситуации кризиса партийной системы в целом и левого движения в частности была бы тактика единого левого, коммунистического фронта, заключения союзнических соглашений между партиями, соглашений о единстве действий и т.п. Другие наоборот,

считают, что опыт Форума левых сил, громко заявившего о себе в начале 2010-х годов, оказался неудачным: рыхлая, аморфная структура Форума позволила антикоммунистическому буржуазному государству расколоть даже такое нежесткое объединение коммунистов и левых, используя метод «кнута» и «пряника» – запугивания и репрессий против наиболее твердых оппозиционеров и заигрывания и даже подкупа наименее радикальных и принципиальных участников Форума. Атмосфера жесткой политической реакции, воцарившаяся после так называемого «Болотного процесса» и разгрома наиболее дееспособной части российской политической оппозиции, и отсутствие опыта работы в таких условиях предопределили неуспех Форума и его постепенное исчезновение как самостоятельной и значимой площадки для консолидации левого крыла оппозиции.

В то же время, хотя политический кризис и пагубно сказался на состоянии и деятельности буквально всех без исключения российских коммунистических партий, ни одна из них не прекратила существования. Объединенная Коммунистическая Партия, чей учредительный съезд прошёл в марте 2014 года, за короткое время создала региональную сеть партийных комитетов, выступила инициатором создания Антифашистского штаба помощи народным республикам ДНР и ЛНР, обросла широкой сетью международных контактов.

Было бы наивным полагать, что декларированный двумя партиями процесс объединения будет линейным и беспроблемным, тем не менее, следует откровенно признать: за полтора года, прошедшие после съездов обеих партий, РКРП и ОКП достигли весьма скромных успехов, и было бы большим лукавством обвинять в этом внешние силы и внешние обстоятельства. Для того, чтобы проанализировать причины объективных и субъективных проблем и трудностей, с которыми они столкнулись, следует оценить, с чем, собственно, обе партии подошли к объединению.

Ни ОКП, ни РКРП на сегодняшний день не обладают региональной структурой, позволившей бы им стать партиями федерального уровня. Дело не столько в наличии региональных и местных отделений в большинстве субъектов федерации (у ОКП, например, они в половине российских регионов имеются), сколько в том реальном политическом влиянии, которое партии могут оказывать на общероссийскую и региональную политику. Обладая весьма скромными медиа-возможностями и практически не обладая хоть сколько-нибудь устойчивой материально-технической базой, влиять на текущую политику весьма затруднительно. Что до членской базы, то костяк большинства региональных структур РКРП, существующей с осени 1991 года, формировался ещё в 1990 – начале 2000-х годов; отделения ОКП, напротив, сформированы в последние годы (примерно наполовину из бывших членов КПРФ, сознательно вышедших из зюгановской партии

или исключенных из неё), но применительно ни к одному региону нельзя говорить о наличии разветвленной структуры городских и районных комитетов ни у той, ни у другой партии, а региональные отделения представляют собой обычно немногочисленные группы активистов. Наличием сотни и более активистов обеих партий могут похвастаться лишь две российские столицы, Москва и Санкт-Петербург, в других регионах партийные отделения меньше. В целом ряде регионов отделения ОКП и РКРП весьма активны, и их деятельность на слуху, тем не менее, возможностью на равных конкурировать с системными партиями они не обладают. Кроме того, отсутствие государственной регистрации (ОКП пока так и не удалось выиграть затяжную борьбу с Министерством юстиции, которое многократно отказывало партии в юридическом признании, РКРП была лишена регистрации в судебном порядке уже несколько лет назад, а недавно регистрации лишили и запасной интерфейс РКРП – РОТ ФРОНТ) не позволяет обеим партиям самостоятельно участвовать в выборах как избирательным объединениям. Представители ОКП и РКРП имеют возможность баллотироваться в качестве независимых одномандатников (там, где это возможно), либо договариваться с другими партиями о выдвижении от них, что означает лишение обеих партий политической субъектности в ходе избирательных кампаний.

Организационная слабость региональных структур обеих партий служила одним из аргументов в пользу объединения – при грамотном подходе может получиться эффект взаимодополнения. Но как гласит восточная поговорка, если сложить вместе несколько кошек, совсем необязательно получится тигр. У партийных организаций РКРП и ОКП на местах есть опыт взаимодействия, где-то более удачный, где-то менее, но синергетический эффект неочевиден.

Между тем, у обеих партий есть опыт интегрирования представителей общественных и гражданских движений, марксистских групп, профсоюзов, молодежных организаций и даже протопартий на индивидуальной и коллективной основе. Так, например, в состав ОКП на разных этапах вливались Революционная Рабочая Партия (РРП), РКП – КПСС, движение «Трудовая Россия», Новое Коммунистическое Движение, профсоюз трудящихся мигрантов и др. РКРП создавала РОТ ФРОНТ не только для того, чтобы перехитрить Минюст, но прежде всего для того, чтобы вобрать в орбиту своего влияния непартийные коммунистические элементы.

В отличие от зюгановской КПРФ, живущей за счёт налогоплательщиков, ежегодно получающей миллиардные суммы государственного финансирования, и партий, существующих как коммерческие проекты, РКРП и ОКП не располагают широкими финансовыми возможностями и не имеют постоянных «спонсоров», основной источник поступления финансовых средств – партийные взносы и пожертвования самих же активистов партии.

Это, с одной стороны, избавляет партии от обвинений в ангажированности, продажности, коррумпированности, с другой стороны – сильно ограничивает реальные возможности осуществления уставной деятельности, пропаганды своих идей.

Без сомнения, обе партии не являются искусственными образованиями, чьими-то проектами, а выросли снизу, на идеологической основе. РКРП была первой компартией, сформировавшейся на постсоветском пространстве, за полтора года до учреждения КПРФ. Обе партии позиционируют себя как марксистско-ленинские, при этом налицо целый ряд различий как программного характера (для сверки программ в преддверии потенциального объединения была создана специальная совместная комиссия), так и стилевых, субкультурных, связанных с особенностям их становления и деятельности. Если РКРП воспринимается как компартия, тяготеющая к сталинизму, то ОКП сознательно объявила себя партией, в которой одинаково комфортно будут себя чувствовать коммунисты всех идеологических направлений (коммунистический идеологический спектр весьма широк и разнообразен). В реальности работа совместной программной комиссии, вначале буксовавшая, сейчас в основном закончена, что свидетельствует о том, что опасения из-за идеологических расхождений были сильно преувеличены. Не вдаваясь в подробности работы комиссии, могу лишь сказать, что основные сложности во взаимопонимании возникают не из-за программных расхождений, а из-за практического применения партийных программ. Кроме того, уже в ходе выработки объединительной платформы более существенными оказались не программные, а уставные различия, отражающие несколько разные подходы к внутрипартийной демократии.

Не стоит отрицать реальных различий в оценках тех или иных страниц истории советского прошлого, тех или иных исторических персонажей, опыта строительства социализма в нашей стране и других странах, откуда произрастают и различия в оценках реальных и потенциальных политических союзников, разные взгляды на выбор тактических попутчиков и границы политических компромиссов. Зачастую звучат взаимные упреки, с одной стороны – во всеядности, с другой стороны – в сектантстве. Однако, гораздо большим препятствием к объединению являются не зафиксированные программные расхождения, а различия политических традиций, сложившихся в партиях, индивидуальные трактовки отдельными лидерами и активистами партий программных положений и установок, зачастую проявления догматизма и нежелание слушать друг друга. Снять такие разногласия формально, с помощью арифметического большинства при голосовании невозможно.

Немаловажный вопрос, который каждая из партий сегодня решает по своему, – соотношение парламентских и непарламентских (применительно

к внесистемным РКРП и ОКП, наверно, будет уместнее говорить об электоральных и неэлекторальных) методах борьбы. По не вполне понятным причинам РКРП, даже обладая законным правом выступать в качестве избирательного объединения (в лице РОТ ФРОНТа), зачастую пренебрегла этой возможностью (во многом именно из-за этого была лишена государственной регистрации, не пройдя через оговоренное для политических партий федеральным законодательством количество избирательных кампаний). В этом отношении РКРП является полной противоположностью КППФ, существующей в настоящее время исключительно в качестве отлаженного электорального механизма, позволяющего поддерживать партию на плаву и обеспечивать её ресурсами.

Когда обе партии инициировали объединительный процесс, существовало опасение, что даже в том случае, если удастся снять все разногласия на уровне руководства партий, в регионах из-за неравномерности развития партийных структур, отсутствия достаточного опыта совместной борьбы, личностных амбиций процесс объединения будет стопориться. В реальности всё оказалось наоборот – на местах зачастую договориться о взаимодействии проще, а опыт политических коалиций в регионах складывается, как правило, безболезненней, чем в федеральном центре.

Для того, чтобы объединение партий дало синергетический эффект, речь должна идти именно о равноправном слиянии, а не о завуалированном поглощении, о суммировании достоинств обеих структур, а не об умножении, удвоении недостатков. Неприемлем шантаж, выдвижение сторонами заведомо невыполнимых условий. По тому, чем обе стороны обуславливают объединение, можно судить о серьёзности намерений. К сожалению, иногда складывается впечатление, что у одной из сторон желание настоять на своём в мелочах сильнее общего настроения на объединение.

Не секрет, что, выступая с инициативой объединения партий, многие из нас были вдохновлены примером Непала, когда в начале 2018 года две крупнейшие и авторитетнейшие компартии страны, входящие в правящую коалицию – Коммунистическая партия Непала (объединённая марксистско-ленинская) и Коммунистическая партии Непала (Маоистский центр) – объединились в Непальскую Коммунистическую Партию. Непростой процесс объединения двух партий, которые раньше были разделены идейными противоречиями и различными методами борьбы, завершился Объединённым координационным комитетом после восьми месяцев «переходного периода». Обе организации-предшественницы самораспустились, уступив место новой объединённой партии.

Являясь ведущей политической партией в стране, НКП сегодня уверенно контролирует законодательную власть в центре и на местах. Ей принадлежат 174 из 275 мандатов в Палате представителей, 42 из 59 мест

в Национальном собрании и большинство в шести из семи провинциальных законодательных органов. Председателями партии являются Кхадга Прасад Шарма Оли (премьер-министр Непала с 15 февраля 2018 года, бывший лидер Коммунистической партии Непала (объединённой марксистско-ленинской) и Пушпа Камал Дахал, известный как Прачанда (бывший председатель Коммунистической партии Непала (Маоистский центр). В Центральном Комитете новой партии 241 член ЦК представляет бывшую Компартию Непала (объединённую марксистско-ленинскую) и 200 — Компартию Непала (Маоистский центр). Старшим руководителем НКП стал Махдав Кумар Непал, бывший премьер-министр страны. В распределении государственных постов и должностей также стараются соблюдать паритет. Но отнюдь не баланс представительства является главной проблемой в многотрудном деле объединения партий. Как сказал мне премьер-министр страны, бывший лидер Коммунистической партии Непала (объединённой марксистско-ленинской) Кхадга Прасад Шарма Оли, с которым мы встречались в Катманду в мае 2018 года, то есть сразу после объединительного съезда партий, объединить партию парламентской демократии с партией вооружённой партизанской борьбы очень сложно — различается сама природа этих объединений. Ещё несколько лет назад две непальские компартии выясняли между собой отношения с оружием в руках, потом консолидировались в единый антикапиталистический фронт, а сегодня их представители уже работают вместе в парламенте и правительстве как единый организм.

Нам, в России, одновременно и легче, и трудней. С одной стороны, РКРП и ОКП не были поставлены в жёсткие условия вооружённой борьбы, всегда были союзниками и выступали как братские партии, с другой стороны, до завоевания власти по примеру непальских товарищей нам ещё очень далеко. Ведь реальное объединение двух близких по духу компартий произошло только после того, как они получили в свои руки всю полноту власти в стране.

Перед российской оппозицией пока что стоят другие задачи. Ориентация на объединительные процессы и преодоление коммунистической многопартийности представляется единственно верной, но речь не должна идти об объединении ради объединения, особенно — ради механического объединения, не приумножающего в итоге потенциал его субъектов. Какая тактика в итоге окажется более результативной — слияние партий или консолидация коммунистических и левых партий и движений в единый фронт, покажет время — оценить это возможно только эмпирическим путём, только изнутри процесса, а не извне.

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамчук Вероника Михайловна – эксперт Института социально-политических исследований, Кишинев

Алонци Роберта – доктор философии, проф. Сиенского университета, приглашенный преподаватель Факультета мировой экономики и мировой политики РУДН, Москва

Апанасенко Татьяна Евгеньевна – канд. полит. наук, независимый исследователь, Петербург

Арсланов Виктор Григорьевич – докт. искусствознания, проф., вед. научн. сотрудник НИИ при Российской академии художеств, Москва

Архангельский Владимир Алексеевич – независимый исследователь, Самара

Бузгалин Александр Владимирович – докт. экон. наук, профессор МГУ, главн. ред. журнала «Альтернативы», Москва

Дуранкев Боян – докт. филос., проф. Университета национального и мирового хозяйства, София, Болгария

Гафуров Саид Закирович – канд. экон. наук – руководитель направления «Восток» портала Pravda.ru., Москва.

Ерошкина Ольга Николаевна – канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Петербург

Исайчиков Виктор Федорович – главный редактор журнала «Просвещение», Москва

Калашников Владимир Валерьянович – докт. ист. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», Петербург

Quintern Detlev – PhD, Türkisch-Deutsche Universität Fakultat für Kultur und Sozialwissenschaften, Istanbul, Turkey

Конашев Михаил Борисович – докт. филос. наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Петербург

Кнорринг Вера Вадимовна – канд. ист. наук, заведующая библиотекой Санкт-Петербургского клинического научно-практического центра специальных видов медицинской помощи СпбКНПЦСВМП, Петербург.

Крылов Валентин Михайлович – директор Института социально-политических исследований, Кишинев

Куренышев Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории ФГБОУ Российский государственный социальный университет, Москва

Курносов Василий Викторович – кандидат экономических наук, доцент, Новгородский филиал РАНХиГС, Великий Новгород.

Лагурев Александр Сергеевич – магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Петербург

Лапина Ирина Александровна – канд. ист. наук, доц. Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Петербург

Любин Валерий Петрович – докт. ист. наук, проф., вед. сотрудник ИНИОН РАН, Москва

Митина Дарья Александровна – директор департамента Института инновационного развития, секретарь ЦК Объединённой Коммунистической Партии, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва (1996–1999 гг.), Москва

Пашков Владимир Петрович – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН (ФГБУН ИАГП РАН), Саратов.

Солдатенко Валерий Федорович – докт. ист. наук., чл.-корр. Национальной академии наук Украины, Институт политических и этнонациональных исследований НАНУ, Киев

Танушев Христиан – доктор философии, Университет национального и мирового хозяйства. кафедра «Маркетинг и стратегическое планирование». София. Болгария.

Филимонова Татьяна Ивановна – канд. ист. наук, зав. Домом Плеханова РНБ, Петербург

Хеделер Владислав – докт. философии, Институт общественного анализа Фонда Розы Люксембург, Берлин

Шевченко Владимир Николаевич – докт. филос. наук, проф. Института философии РАН, засл. деятель науки РФ, Москва

Эпштейн Давид Беркович – докт. экон. наук, гл. научн. сотр. ФГБУН Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Петербург

XIV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«...мы вынуждены признать коренную перемену
всей точки зрения нашей на социализм»:
Советская Россия в 1921–1927 гг.».

Материалы к международной конференции

6–7 ноября 2020 г.

9785839208490